

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2024 Том 11 № 1
DOI 10.22363/2312-8313-2024-11-1

Научный журнал
Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Иванов В.Г.,

доктор политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры государственного и муниципального управления ГУУ, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Белоконов С.Ю.,

кандидат политических наук, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ

СЕКРЕТАРЬ

Минасян Г.С.,

кандидат политических наук, педагог дополнительного образования кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: minasyan_gs@pfur.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления РАНХиГС, г. Саратов, Россия

Вертинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, г. Ванкувер, Канада

Вольманн Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава департамента публичного администрирования факультета экономики и менеджмента Латвийского университета, г. Рига, Латвия

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), г. Москва, Россия

Ма Ф. — доктор наук, профессор института политологии и государственного управления, заведующий центром исследования России и Центральной Азии, вице-директор института исследования ШОС Шаньдунского университета, г. Циндао, КНР

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС, г. Москва, Россия

Масленникова Е.В. — кандидат социологических наук, руководитель отдела аналитических исследований Дирекции научно-технических программ, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления РАНХиГС, г. Москва, Россия

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны, г. Любляна, Словения

Стриелковский В. — PhD, профессор, управляющий директор Пражского института повышения квалификации, г. Прага, Чехия, почетный профессор Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Хоппе Р. — PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления, г. Энсхеде, Нидерланды

Чуев С.В. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и советник ректора Государственного университета управления, г. Москва, Россия

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена, г. Санкт-Галлен, Швейцария

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлиг, г. Сент-Пол, США

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.2.1, 5.5.2, 5.5.3, 5.5.4 с 01.02.2022.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, DOAJ.

Цели и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» – рецензируемое научное периодическое издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основные рубрики журнала: государственное управление; теория и практика, зарубежный опыт управления, становление и развитие местного самоуправления в России, культура управленческой деятельности, антология государственного управления и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru

**Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов В.Г. Иванов
Компьютерная верстка: И.А. Чернова**

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 17.03.2024. Выход в свет 27.03.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,10. Тираж 500 экз. Заказ № 21. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2024 Volume 11 Issue 1

DOI 10.22363/2312-8313-2024-11-1

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir G. Ivanov,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the
Department of State and
Municipal Management, RUDN
University; Full Professor of The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergey Y. Belokonev,
PhD in Political Science,
Scientific Supervisor of the
Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the
Government of the Russian
Federation; Associate Professor
of the Department of State and
Municipal Administration, The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Garush S. Minasyan
PhD in Political Science, Educator
in Additional Education at the
Department of State and Municipal
Management, RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: minasyan_gs@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Aleksey G. Barabashev — Doctor of Economics, Professor and Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chuev — PhD in History, Head of the Department of State and Municipal Administration, The State University of Management, Moscow, Russian Federation

Robert Hoppe — PhD, Honorary Professor, University of Twente, Enschede, Netherlands

Aleksandr P. Kochegura — PhD in Philosophy, European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), Moscow, Russian Federation

Fenshu Ma — PhD, Professor, at the Institute of Political Science and , Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, Vice Director of the SCO Research Institute, Shandong University, Qingdao, People's Republic of China

Andrey M. Margolin — Doctor of Economics, Full Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Elena V. Maslennikova — PhD in Sociology, Head of Analytical Research Department; Leading Researcher of the Center of State Management Technologies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Stanislav E. Prokof'ev — Doctor of Economics, Rector of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Marko Ropret — PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Kuno Schedler — PhD, Professor and Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen, St. Gallen, Switzerland

David Schultz — PhD, Professor of The Political Science Department, Education University of Hamlin, Saint Paul, United States

Wadim Strielkowski — PhD, Professor, Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement, Prague, Czech Republic; Emeritus professor of Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Dzhamilya S. Velieva — Doctor of Law, Professor and Head of the Department of Constitutional and International Law, Povolzhsky Institute of Management RANEP, Saratov, Russian Federation

Ilan Vertinsky — PhD, Professor and Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Inesa Voronchuk — Doctor of Economics, Professor and Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University, Riga, Latvia

Hellmut Wollmann — Doctor of Law, Professor of Public Administration and Public Policy Department, Berlin Humboldt University, Berlin, Germany

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, DOAJ.

Aim and Scope

“RUDN Journal of Public Administration” is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: “Current Problems of Public Administration”, “Theory and Practice of Public Administration”, “International Experience of Public Administration”, “Formation and Development of Local Government”, “Academic Life” and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor K.V. Zenkin
English Text Editor V.G. Ivanov
Layout Designer I.A. Chernova
Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba” (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Блохин К.В. Национальные приоритеты России в меняющемся мире	7
Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Информационная война как инструмент политического противостояния в современном многополярном мире	19
Волков В.В., Белоконев С.Ю. Социальная политика и SCR-инструменты управления устойчивым развитием предприятий корпоративного сектора	32
Нуриев Б.Д. Цифровые атташе в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: на примере использования цифровых платформ и экосистем	44
Александрова М.В., Маслюкова Е.А., Юткина О.В. Влияние государственной политики Российской Федерации в области демографии и здравоохранения на качество жизни населения	55
Ивлева Т.А. Влияние советского наследия на женское политическое лидерство в современной России	72

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Kgarose M.F., Makhubele D.K., Setaise L.C. Is Load Shedding another Pandemic, Post COVID-19 at Institution of Higher Learning in South Africa? (Кгаросе М.Ф., Махубеле Д.К., Сетаисе Л.К. Является ли отключение электроэнергии еще одной пандемией после COVID-19 для системы высшего образования в Южной Африке?)	87
Oghuvbu E.A. Boko Haram Insurgency and the Challenges of Internally Displaced Persons in Nigeria (Огувбу Э.А. Восстание Бoko Харам и проблемы внутренне перемещенных лиц в Нигерии)	98
Ezeudu T.S., Ezekwelu K.C. Governmentality Perspective as a Contemporary Strategy for Rural Community Development in Nigeria (Эзеуду Т.С., Эзекуэлу К.Ч. Перспектива правительности как современная стратегия развития сельских сообществ в Нигерии)	112

СЛОВО СТУДЕНТАМ, АСПИРАНТАМИ И МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Сипиева М.С., Смирнова Е.А., Масюк Ю.С. Роль системы здравоохранения в вопросах воспроизводства человеческого потенциала и национальной безопасности государства.....	137
Шутов И.А., Судоргин О.А. Социально-экономические особенности создания мер поддержки малого и среднего бизнеса в сельских поселениях Российской Федерации.....	150
Ступин Р.С. Индекс готовности к внедрению искусственного интеллекта в отраслевое государственное управление: опыт Российской Федерации.....	157
Стригунова Д.А., Путимцев Д.Н., Минасян Г.С. Анализ эффективности проведения муниципалитетом культурно-массовых и патриотических мероприятий в условиях специальной военной операции на примере города Белгорода	173

CONTENTS

PUBLIC ADMINISTRATION: THEORY AND PRACTICE

Blokhin K.V. National Priorities of Russia in a Changing World	7
Goncharova I.V., Nicevich V.F., Sudorgin O.A. Information Warfare as a Tool of Political Confrontation in the Modern Multipolar World	19
Vokov V.V., Belokonev S.Yu. Social Policy and SCR Tools for Managing the Sustainable Development of Enterprises in the Corporate Sector	32
Nuriev B.D. Digital Attaches in the System of Ensuring Economic Security of the Russian Federation: Using Digital Platforms and Ecosystems as an Example	44
Alexandrova M.V., Maslyukova E.A., Yutkina O.V. Influence of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Demography and Health-care on the Quality of Life of the Population	55
Ivleva T.A. The Impact of the Soviet Heritage on Women's Political Leadership in Modern Russia	72

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Kgarose M.F, Makhubele D.K., Setaise L.C. Is Load Shedding another Pandemic, Post COVID-19 at Institution of Higher Learning in South Africa?	87
Oghuvbu E.A. Boko Haram Insurgency and the Challenges of Internally Displaced Persons in Nigeria	98
Ezeudu T.S., Ezekwelu K.C. Governmentality Perspective as a Contemporary Strategy for Rural Community Development in Nigeria	112

ARTICLES OF STUDENTS, POSTGRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS

Sipieva M.S., Smirnova Y.A., Masyuk Y.S. The Role of the Healthcare System in the Issues of Human Potential Reproduction and National Security of the State.....	137
Shutov I.A., Sudorgin O.A. Socio-economic Features of Creating Measures to Support Small and Medium-sized Businesses in Rural Settlements of the Russian Federation	150
Stupin R.S. AI Readiness Level in Public Administration: Case of the Russian Federation	157
Strigunova D.A., Putimtsev D.N., Minasyan G.S. Analysis of the Effectiveness in Carrying Out Cultural and Patriotic Events by the Municipality in the Conditions of Special Military Operation on the Example of the City of Belgorod	173

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

PUBLIC ADMINISTRATION: THEORY AND PRACTICE

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-7-18

EDN: ZMESPR

Научная статья / Research article

Национальные приоритеты России в меняющемся мире

К.В. Блохин

Центр исследования проблем безопасности РАН,
117335, Российская Федерация, Москва, ул. Гарибальди, д. 21б

✉ constantinos1@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются ближайшие и долговременные последствия украинского кризиса и СВО для складывающейся архитектуры международных отношений. Автор подвел военно-политические итоги специальной военной операции, акцентировал внимание на перспективы урегулирования украинского кризиса. В фокусе долговременной стратегии России, по мнению автора, содержится формирование новых партнерств, уход от прагматичной парадигмы внешней политики, наполнение концепта «многополярности» не декларативным, а реальным содержанием.

Ключевые слова: специальная военная операция, национальные интересы, украинский конфликт, внешняя политика США, поворот на Восток, многополярный мир

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2023 год FFFZ-2021-0005.

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 01.11.2023. Принята к публикации: 10.01.2024.

Для цитирования:

Блохин К.В. Национальные приоритеты России в меняющемся мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 7–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-7-18>

© Блохин К.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

National Priorities of Russia in a Changing World

Konstantin V. Blokhin

Center of Security Problems of Russian Academy of Science,
21B Garibaldi St, Moscow, 117335, Russian Federation

✉ constantinos1@rambler.ru

Abstract. The study examines the immediate and long-term consequences of the Ukrainian crisis and the Special Military Operation for the emerging architecture of international relations. The author summed up the military-political results of the Special Military Operation and focused on the prospects for resolving the Ukrainian crisis. The focus of Russia's long-term strategy, according to the author, is the formation of new partnerships, moving away from the pragmatic foreign policy paradigm, and filling the concept of "multipolarity" with real rather than declarative content.

Keywords: special military operation, national interests, Ukrainian conflict, US foreign policy, turn to the East, multipolar world

Acknowledgements: The research was supported by the state assignment of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science for 2023 (Research work FFFZ-2021-0005).

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 11.11.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Blokhin K.V. National Priorities of Russia in a Changing World. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):7–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-7-18>

Принятие политического решения о начале специальной военной операции 24 февраля 2022 г. стало своеобразной вехой в мировой политике, началом своеобразной «геополитической революции», направленной на демонтаж мирового либерального порядка под предводительством Соединенных Штатов Америки. Нет сомнений и в том, что именно Россия сегодня объективно является «геополитическим локомотивом» этого процесса, вызывая крайне болезненную и очень агрессивную реакцию западного мира. В этих условиях естественно возникает вопрос о контурах желаемого мира, точнее — о будущей системе мировых отношений и о месте России в ней. В настоящей статье попытаемся проследить и проанализировать появившиеся акценты российской внешней политики.

Безусловно, прогнозирование направленности политических процессов и трансформаций в глобальном масштабе не только проблематично, но зачастую безнадежно: в многомерной геополитической реальности действует множество переменных факторов. Однако ясно одно — современная архитектура мировых отношений уже не является адекватной глобальным политическим изменениям, а деятельность международных институтов не отвечает интересам большинства акторов международных отношений. Очевидно, что краткосрочной перспективе мы будем свидетелями нарастающей хаотизации и дисбалансированности мировой системы, вызванными как реакцией

«слабеющего гегемона» США, так и существованием в зародышевом состоянии институционарированных альтернатив PAX AMERICANA. Ясно одно — прежний мир господства «мирового полицейского» перестал существовать, а контуры нового миропорядка только обозначаются. Скорость этой тенденции будет определять направленность мировой истории. В этих условиях турбулентности принципиально важное значение приобретает выстраивание Россией долговременной внешнеполитической стратегии, которая учитывает не только сложившиеся реальности в тех и ли иных регионах, но и отвечает требованиям геополитической нормативности — потребностям цивилизационного развития страны. С этой точки зрения принципиально важно ответить на вопрос, как ключевые геополитические проблемы, с которыми столкнулась Россия, могут оказать влияние на перспективы развития страны.

Первый узел проблем сложился вокруг «украинского кризиса». Украина в нынешнем виде, безусловно, стала геополитическим фронтиром Российской цивилизации и Запада. Очевидно и то, что длящиеся второй год военные действия дают возможность подвести некоторые предварительные итоги и промежуточные выводы как аналитического, так и прогностического характера. Нет никаких сомнений, что конфликт между РФ и странами Запада, США прежде всего, нарастал с начала 2000-х гг. Глубина кризиса была обозначена В.В. Путиным еще в Мюнхенской речи 2007 г., отвергавшей американское доминирование. «Вызревание конфликта» происходило в течение почти 15 лет, и проявлялось в постоянных военно-политических конфликтах и дипломатическом противоборстве. Однако начало конфликта со всей ясностью выявило ряд политических истин:

- неготовность Запада к военному и военно-техническому противостоянию с Россией;
- неспособность коллективного Запада подорвать экономические силы России. Примененные санкции нанесли большой ущерб экономикам Запада, замедлив динамику его развития, за исключением США.
- отсутствием на начальном этапе кризиса внятной военной стратегии России.

Анализируя уроки конфликта, можно с высокой степенью уверенности говорить о серьезных просчетах в российском аналитическом сообществе в вопросах планирования и подготовки военной операции.

Как всякое многомерное явление, украинский кризис имеет как ближайшие последствия и уроки, так и долговременные проявления, связанные с влиянием на мировую геополитику, ее направленность. Характеризуя ближайшие последствия, необходимо отметить, что украинский кризис и СВО выявили как военно-политические, так и военно-технические проблемы.

Ключевым вопросом подготовки любой масштабной операции является оценка не только военного потенциала противника, своевременное выявление его военно-стратегических замыслов, но и комплексный анализ состояния всего украинского общества на его способность участия в войне. К сожалению, следует признать полное отсутствие серьезной системной аналитической

работы в нашей стране по прогнозированию угроз как со стороны Украины, так и на всем постсоветском пространстве. Нельзя не согласиться с мнением В.Б. Кашина, что «это — самый дорогостоящий во всех смыслах провал российской научной политики за всю постсоветскую эпоху» [1].

Можно утверждать и другое, может быть более существенное, — в государственном планировании практически не был предсказан столь существенный поворот в международных отношениях в целом, а российская внешняя политика имела отчетливо оборонительный и реактивный характер с бесконечными предложениями о компромиссах. Ярче всего это проявилось в отношении Минских договоренностей, которые отечественная политическая элита интерпретировала как «циничный обман» со стороны Запада.

Подготовка к военной операции началась с существенным запозданием. «Украина начала готовиться к неизбежной полномасштабной войне после провала встречи в «нормандском формате» в Париже в декабре 2019 года. Россия, похоже, пришла к выводу о неотвратимости войны существенно позже, вероятно — весной 2021 г. Запоздалая реакция на действия другой стороны предопределила поспешную и неполную подготовку к СВО» [1].

Независимый и непредвзятый анализ военной угрозы свидетельствовал о «невозможности быстрого разгрома Украины» [2].

Недостаточная готовность к войне определила ее характер как «спецоперации». Попытка избежать затяжной войны в течении ее первой фазы оказалась, очевидно, неудачной [1]. Занятые на первом этапе территории российская армия вынуждена была оставить. Сил компактной армии, рассчитанных на региональные конфликты низкой интенсивности, созданной по западным лекалам, оказалось недостаточно для ведения глобального конфликта с противником, имевшим серьезные финансовые и материальные ресурсы.

Все военное строительство в России в последние годы до начала спецоперации имело существенные недостатки. «До последнего времени российское военно-политическое руководство гордилось относительно низким положением в рейтингах стран по расходам на оборону. Видимо, именно минимизация расходов была одним из «ключевых показателей эффективности» [3]. Необходимые для победы нашей армии удары по инфраструктуре Украины были начаты с запозданием на год.

Предпринятые в последнее время позитивные изменения в военном строительстве свидетельствуют о «выученных уроках». В разы увеличено производство востребованной военной техники, идет комплектование и развертывание новых армий, в боях испытываются новые образцы оружия. Очевидно, приходит время и теоретического осмысления применяемой военной стратегии на Украине, учитывающей использование современных военных технологий в области БПЛА, связи, космической разведки.

Конфликт по-новому ставит вопрос об идейно-психологической подготовке всего российского общества к военному противостоянию. В идеологической сфере не должно быть неясностей, различий в толковании природы СВО не только представителями гражданского общества, но и самой элиты.

Безусловным просчетом российской политической элиты стала недооценка степени консолидации стран Запада. Весьма показательным, что даже в период фашистской агрессии 1941–1945 гг. Запад не был единым; США и Великобритания были союзниками в антигитлеровской коалиции. Очевидно, что такого высокого уровня консолидации Запада не было даже в годы Холодной войны. В годы же разрядки СССР поддерживал диалог на высоком уровне с ФРГ, Францией, Италией. Надо было дождаться взрыва ниток Северного потока-2, чтобы убедиться, что ЕС — несамостоятельный субъект мировой политики, вассально зависящий от США. Традиционные иллюзии, сформировавшиеся еще в советские времена, о неконсолидированности коллективного Запада, о возможности использовать противоречия между США и ЕС не прошли проверки жизнью. Очевидно, что мнение экспертного сообщества и здесь не было востребовано в полной мере. Д. Тренин справедливо отмечает, что «враждебной коалиции таких масштабов не было еще никогда в русской истории» [4].

По скромным подсчетам МИД РФ Запад уже оказал военную и финансовую помощь Украине на сумму более 170 млрд долл., что равняется трем годовым военным бюджетам Российской Федерации [5].

Формой объединения консолидированных усилий коллективного Запада, в условиях неготовности к военному противоборству с Россией стала «санкционная война». Нет сомнений в том, что американские планировщики опирались на опыт КОКОМ (англ. Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom), учрежденного для ограничения экспорта стратегических товаров еще в 1949 году. В состав Коком входило 17 стран. Эти ограничения активно применялись против позднего Советского Союза, что позволило нанести весьма ограниченный, но не фатальный ущерб СССР. Однако современная реальность такова, что Россия является субъектом мирового рынка, встроена в мирохозяйственные связи. По этой причине примененные санкции, существенно более масштабные, чем ограничения Коком, оказались обоюдоострым оружием. Ущерб от санкционной войны для коллективного Запада более существенен, чем потери России. Устойчивость российской экономики в этих условиях стала неприятным сюрпризом для наших геополитических оппонентов. Вместе с тем нельзя не выразить беспокойства, что долговременные последствия от санкционного давления могут быть весьма опасными, если не принять меры по кардинальной смене экономической модели, которая до сих пор была ориентирована на импорт высоких технологий с Запада. Первые шаги в обретении экономического суверенитета между тем уже сделаны.

Опыт конфликта наглядно показал ограниченность военно-технологических ресурсов коллективного Запада. «За два-три дня боев в 2022 г. ВСУ расходовали количество, производимое в США за месяц мирного времени. Даже в случае повышения темпов производства компенсация переданного Украине, например, по артиллерийским снарядам 155 мм, займет 4–5 лет, по ПТРК Javelin в оптимистичном случае 5 лет...» [3].

Безусловно, в связи с этим можно прогнозировать начало перестройки военно-промышленного комплекса как США, так Европы. Очевидно, что мобилизационные возможности стран ЕС и США несопоставимы с возможностями РФ, что требует учета в военно-стратегическом планировании. Не в интересах России затягивать СВО, во всяком случае в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Надо полагать, что противоречия между Россией и коллективным Западом носят фундаментальный и неустранимый характер даже после завершения кризиса на Украине, а это требует достижения стратегической готовности не только российской армии, но и всего общества.

Предлагаемые варианты окончания СВО представляются довольно небогатыми. Стратегия «заморозки» конфликта на Украине по примеру Приднестровья или Южного Кавказа, о которой рассуждают западные эксперты, была бы грубой ошибкой и затишьем перед «бурей». В этом случае заявленные В.В. Путиным цели по демилитаризации и денацификации станут недостижимы, что приведет к реэскалации военных действий в регионе. Если по завершении СВО от Украины останется какая-либо территория вне контроля Российской Федерации, то с уверенностью можно сказать, что она будет интегрирована в НАТО. Оставление под контролем прозападного киевского режима стратегических городов, таких как Одесса, Харьков, Николаев и др., будет способствовать возрождению военной мощи Украины в составе НАТО, и размещению на территории Украины военной инфраструктуры блока [6].

Вопрос будущего территориального устройства Украины должен быть предметом скрупулезного анализа с различными вариантами решений при обязательном условии контроля и постоянного мониторинга в отношении будущих территорий. При реализации сценария «заморозки» с вхождением нынешних четырех областей в состав России окончательное политическое урегулирование проблемы станет маловероятным, а установление нейтрального статуса Украины недостижимым. Конструктивные переговоры о переустройстве Украины возможны только при условии однозначного и безоговорочного военного поражения киевской хунты, которое вынудит Запад идти на уступки и дипломатическое урегулирование, гарантирующие России военную безопасность.

Вопрос о сторонах таких переговоров представляется принципиальным. Украинская сторона сегодня не является полноценным политическим субъектом. Финансово киевская хунта всецело зависит от американской стороны и внешней помощи. Самостоятельная роль киевской хунты в возможном переговорном процессе является иллюзией. Очевидно, что переговорный процесс возможен только с Вашингтоном, для которого сохранение стратегического актива в виде Украины является политически-необходимым. С этой точки зрения такой переговорный трек не может привести к окончательному решению украинской проблемы — Вашингтон заинтересован в сохранении в той или иной урезанной форме проамериканского режима.

«Промежуточный характер» результатов возможного переговорного процесса не устроит и Россию, поскольку не решит вопросов обеспечения безопасности нашей страны. Исходя из сложившегося военно-дипломатического тупика для России единственным выходом является стратегия истощения и затягивания конфликта с ожиданием перспективы изменения политической конъюнктуры.

При любой форме поражения киевского режима геополитические последствия окажутся «историческими», т.е. будут проявляться в течение длительного времени. Именно Украина, в той или иной конфигурации, станет геополитическим фронтиром России и Запада.

Сам украинский кризис и последовавшая после его возникновения СВО свидетельствуют о глубочайшем военно-политическом столкновении России как «государства-цивилизации» с западной цивилизацией. «Новые войны должны считаться частью доминирующего цивилизационного столкновения, а сверхдержавы-патроны должны быть заново созданы на основе культурной общности, а не идеологии», — отмечает Калдор [7. С. 360].

Современная Российская политика должна строиться с учетом этого цивилизационного противостояния, имеющего глубинные социокультурные и исторические корни.

«Для СК (стратегической культуры) сегодняшней России как особого типа цивилизации в условиях экспансии чуждых культур и традиций важно обеспечить сохранение цивилизационной идентичности... Национальные ценности и интересы должны формировать ядро СК России, будущее которой напрямую связано с выживанием страны в ожесточенном межцивилизационном противоборстве, сохранением ее самоидентификации, самобытной культуры и цивилизационной модели» [8. С. 170].

Несмотря на неоднозначные политические тенденции в ряде стран Запада, по нашему мнению, не стоит преуменьшать меру антироссийской консолидации элиты объединенного Запада, вызванной в значительной мере исконной русофобией западного социума. Антироссийский настрой европейских элит скорее всего будет усиливаться по мере усиления экономической и политической зависимости ЕС от США. Можно с большой степенью уверенности прогнозировать, что Европа будет выступать в роли геополитического и военного плацдарма для борьбы с Россией. Впрочем, скорее всего неизбежна модель взаимоотношений с ЕС, характерная для времен Холодной войны-1.0, основанная на формуле сочетания идеологического и политического противостояния с одновременным развитием торговых связей. Можно предполагать, что в среднесрочной перспективе европейские страны вынуждены будут вернуться к импорту российских энергоносителей. В противном случае утрата конкурентоспособности ЕС станет фатальной и неизбежной. Таким образом, модель избирательного сотрудничества как для России, так и Европы станет геополитической константой. Любые радикальные перемены в лучшую сторону в Европе в отношении России будут реальными только при глобальном ослаблении роли США и ослаблении их контроля внутри Западного мира.

Повестка на завтра: поиск стратегических партнеров

Вопрос выстраивания новых приоритетов внешней политики России, ее участие в новой, грядущей архитектуре мира является уже сегодня актуальной задачей. Проблема в том, что мир сегодня находится в переходном состоянии, характеризуемом неустойчивым равновесием отживающих элементов старого миропорядка и возникающими конфигурациями нового мироустройства. Очевидно, что неустойчивость современной мир-системы будет относительно длительной, а динамика мировых процессов содержать в себе противоречивые тенденции. В связи с этим назрела глубокая ревизия национальных интересов, что отражено в Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г.

В разделе IV «Приоритетные направления внешней политики Российской Федерации. Формирование справедливого и устойчивого мироустройства» подчеркивается, что «В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание» укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов с весомым участием России; поддержке региональной и субрегиональной интеграции в рамках дружественных многосторонних институтов, диалоговых площадок и региональных объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке» [9].

Как видно из документа, «поворот на Восток» рассматривается одним из средств «адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира». Россия начала активно стремиться на Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион, еще задолго до проведения СВО [10. С. 206] в этом бурно развивающемся регионе формируется «глобальная мощь» [11]. Если до начала спецоперации Китай был вторым крупнейшим рынком для российского газа после Германии, то сейчас этот рынок является ключевым для России [11. С. 125–126].

Российское «продвижение на Восток» в значительной мере согласуется с геополитическим проектом Китая — «Шелковый путь». Проект «Шелковый путь» включает в себя «участие более 60 государств с совокупным ВВП 55 % общемирового ВВП, с совокупным населением 4,4 млрд человек, доля которого составляет 70 % населения мира и 75 % разведанных энергозапасов мира. На данный момент совокупный объем потенциальных финансовых ресурсов для реализации инвестиционных проектов в рамках ЭПШП оценивается в 900 млрд долл. В совокупности общий объем инвестирования Китая в проект оценивается в 1,1 трлн долл» [12. С. 402].

Стратегические приоритеты российской внешней политики заявлены и стали уже проявляться воочию. Они обуславливаются рядом факторов:

- западное направление закрыто для России надолго, что делает невозможным какие-либо фундаментальные формы сотрудничества в экономической, технологической, культурной сферах. Не исключено, что такое сотрудничество будет носить избирательный характер, как в случае с Венгрией. Полагаться на ожидаемые политические изменения в западных элитах едва ли правильно, тем более что политические изменения растянуты во времени, имеют инерцию;
- сотрудничество со странами Востока (ЮВА, Восточная Азия, Южная Азия, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка) восполняют нам не только утраченные рынки на Западе, но и позволят привлечь инвестиционные и технологические ресурсы. Потребность экономического утверждения будет побуждать к технологическому обновлению российской промышленности, запустит механизм технического перевооружения. Этот поворот дает новый исторический шанс России. С другой стороны, необходимо уйти от иллюзии, что на «Востоке» нас ждут. Современные быстрорастущие экономики Азии — могучие конкуренты, их динамизм превосходит Запад, а следовательно утверждение на этих рынках будет трудным. При этом надо учитывать, что и здесь будет происходить столкновение интересов с США. Нет сомнения и в том, что сами страны Азии неоднородны, поэтому здесь приоритетом должен быть поиск *стратегических партнеров*, благодаря сотрудничеству с которыми быстро и эффективно можно реализовать свои национальные интересы.

Стратегическое партнерство возможно при:

- единых представлениях о будущем мироустройстве, сходствах в национальных картинах мира;
- наличии позитивной истории взаимоотношений;
- наличии ценностного единства, поскольку «идеология и идентичность субъекта задают систему координат, с которой соотносится текущий уровень реализации его потребностей. В зависимости от того, в какой степени окружающая действительность согласуется с формируемыми идеальными образами, определяется степень удовлетворенности государства современным состоянием международной системы» [13. С. 133];
- долговременном прогнозировании курса партнеров.

Прагматика без идеологии во внешней политике России доказала свою малую эффективность и привела к утрате нашей страной многих позиций.

Внешняя политика России должна уйти от реактивности, пассивности и должна строиться на продвижении своей повестки, быть проактивной. Опыт последнего тридцатилетия показал, что внешнеполитическая стратегия России не отличалась концептуальным видением мировых проблем. Заявленная концепция «многополярного мира», «многополярности» в начале XXI в. носила отчасти пропагандистский, декларируемый характер. Россия при этом в буквальном смысле шла не только на односторонние

уступки Западу (в вопросах безопасности), но и выстраивала всю свою политику через и посредством созданных западным сообществом институтов. Так, участие России в Совете Европы, ПАСЕ только давало почву для оголтелой критики России.

Сегодня идея «многополярности» должна быть наполнена новым политическим содержанием. По этой причине необходима реконструкция международных институтов, и лидером этого процесса должна быть Россия.

Не секрет, что современные глобальные институты (ООН, ВБ, МВФ и др.) находятся под контролем западного сообщества, прежде всего англо-саксонских стран. Политическая антироссийская ангажированность этих институтов очевидна. Они не в состоянии осуществлять свою политику на основе международного права, вместо этого международные институты давно следуют «правилам» из Вашингтона. По этой причине Россия должна сегодня не только возглавить процесс по реконструкции мировых институтов, но поставить вопрос о переносе штаб-квартиры ООН в другие страны мирового Востока. Сегодня, эта насущная задача должна решаться очень активно, для чего необходимо создание пула дружественных и влиятельных стран.

Мироустроительной альтернативой в этом смысле являются страны БРИКС.

Для стабилизации Евразии и ситуации на границе России необходимо формирование альтернативных США альянсов. В Восточной Азии — это создание альянса с КНР и КНДР; в Южной — с Ираном и Сирией, Ираком. Возможны стратегические партнерства с арабскими странами — Египтом, Алжиром и другими.

Необходима ревизия постсоветского пространства, где четко должны быть определены и заявлены стратегические цели в отношении ближайших соседей — стран СНГ. Первоочередная задача должна состоять в ограничении или вытеснении США из постсоветского пространства и региональной интеграции с участием России. Здесь при желании и наличии политической воли РФ могла достичь немалых успехов.

В отношении Европы Россия должна действовать избирательно, развивать партнерство с дружественными странами.

Переориентация России на Восток позволит сбалансировать давление Запада за счет новых партнерств (Россия — КНР; Россия — Иран; Россия — Индия и т.д.). Показательны в этой связи возможности Пекина. «Китайский потенциал по наращиванию выпуска двух ключевых классов военной техники, а именно малых дронов и барражирующих боеприпасов, вероятно, является в два-три раза большим, чем у всего остального мира вместе взятого. Колоссальными являются и возможности Китая для вмешательства в чужие конфликты, а также ведения опосредованных войн вроде той, что НАТО ведет против России на Украине. Китай способен вооружить и обеспечить любого союзника куда лучше, чем НАТО обеспечивает Украину на пределе своих возможностей» [14].

Стратегия США не допустить стратегического партнерства КНР и РФ с нашей точки зрения является абсолютно провальной. Россию и КНР связывает не только сотрудничество в военно-политической области, но общее видение глобальных угроз, общее понимание архитектуры мирового порядка.

Малопродуктивными являются попытки Запада давить на страны «Глобального юга» с целью разорвать экономические и политические связи. Сегодня ясно всем — время РАХ Americana безвозвратно прошло!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кашин В.Б.* Первый год большой войны // Россия в глобальной политике. 2023. № 3 (21). С. 10–21. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervyj-god-bolshoj-vojny/> (дата обращения: 25.11.2023).
2. *Ходаренок М.* Прогнозы кровожадных политологов // Независимое военное обозрение. 03.02.2022. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-02-03/3_1175_donbass.html (дата обращения: 25.12.2023).
3. *Стефанович Д.В., Ермаков А.С.* Разворот через сплошную // Россия в глобальной политике. 2023. № 3 (21). С. 22–41. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/razvorot-cherez-splshnuyu-uroki/> (дата обращения: 25.12.2023).
4. *Тренин Д.В.* Не «против», а «за» // Россия в глобальной политике. 2023. № 5 (21). С. 56–68. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-protiv-a-za/> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Лавров заявил, что западные страны фактически воюют против России // TASS. 23.09.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18827219?ysclid=ln7ivtgnenv31397131> (дата обращения: 25.12.2023).
6. Медведев заявил, что в составе России будет больше новых регионов // РБК. 30.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/651802ec9a7947575b04597c?ysclid=ln7kunlo0i726127899> (дата обращения: 25.12.2023).
7. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 406 с.
8. *Бартош А.А.* Стратегическая культура в конфликтах XXI века. М.: Изд-во Горячая линия-Телеком, 2020. 248 с.
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 25.12.2023).
10. *Параг Х.* Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2019. 432 с.
11. *Ергин Д.* Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций. М.: Изд-во Интеллектуальная Литература, 2021. 670 с.
12. Трансформация международных отношений в Северо — Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2019. 432 с.
13. *Истомин И.А.* Логика поведения государств международной политике. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2018. 304 с.
14. *Кашин В.Б.* На чужих ошибках? Реальные уроки СВО для Китая и их последствия // Россия в глобальной политике. 19.12.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nachuzhih-oshibkah/> (дата обращения: 25.12.2023).

REFERENCES

1. Kashin V.B. Pervyj god bol'shoj vojny [The First Year of the Great War]. *Rossija v global'noj politike*. 2023; 3 (21): 10–21. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervyj-god-bolshoj-vojny/> (accessed: 25.11.2023) (In Russ.).

2. Hodarenok M. Prognozy krovozhadnyh politologov [Forecasts of Bloodthirsty Political Scientists]. *NVO*. 03.02.2022. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-02-03/3_1175_donbass.html (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
3. Stefanovich D.V., Ermakov A.S. Razvorot cherez sploshnuju [Reversal Through a Solid Line]. *Rossija v global'noj politike*. 2023; 3 (21): 22–41. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/razvorot-cherez-sploshnuyu-uroki/> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
4. Trenin D.V. Ne «protiv», a «za» [Not “Against”, But “For”]. *Rossija v global'noj politike*. 2023; 5 (21): 56–68. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-protiv-a-za/> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
5. Lavrov zajavil, chto zapadnye strany fakticheski vojujut protiv Rossii [Western Countries Are Actually Fighting Against Russia, Lavrov Said]. *TASS*. 23.09.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18827219?ysclid=ln7ivrnenv31397131> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
6. Medvedev zajavil, chto v sostave Rossii budet bol'she novyh regionov [Russia will Have More New Regions, Medvedev Said]. *RBC*. 30.09.2023. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/651802ec9a7947575_b04597c?ysclid=ln7kun_looi72612789_9 (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
7. Kaldor M. *Novye i starые vojny: organizovannoe nasilie v global'nuju jepohu*. [New and Old Wars: Organized Violence in the Global Era]. Moscow: “Izdatel'stvo Instituta Gajdara”; 2015. 406 p. (In Russ.).
8. Bartosh A.A. *Strategicheskaja kul'tura v konfliktah XXI veka*. [Strategic Culture in 21st Century Conflicts]. Moscow: Publishing House “Gorjachaja linija-Telekom”; 2020. 248 p. (In Russ.).
9. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinym 31 marta 2023 g.)*. [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
10. Parag H. *Konnektografija. Budushhee global'noj civilizacii*. [Connectography. The Future of Global Civilization]. Moscow: Publishing House “Mann, Ivanov i Ferber”; 2019. 248 p. (In Russ.).
11. Ergin D. *Novaja karta mira. Jenergeticheskie resursy, menjajushhijsja klimat i stolknovenie nacij*. [New Map of the World: Energy Resources, Changing Climate and Clash of Nations]. Moscow: Publishing House “Intellektual'naja Literatura”; 2021. 670 p. (In Russ.).
12. Torkunov A.V., Strel'cov D.V. (eds). *Transformacija mezhdunarodnyh otnoshenij v Severo – Vostochnoj Azii i nacional'nye interesy Rossii*. [Transformation of International Relations in Northeast Asia and National Interests of Russia]. Moscow: Publishing House “Aspekt Press”; 2019. 432 p. (In Russ.).
13. Istomin I.A. *Logika povedenija gosudarstv mezhdunarodnoj politike*. [The Logic of State Behavior in International Politics]. Moscow: Publishing House “Aspekt Press”; 2018. 304 p. (In Russ.).
14. Kashin V.B. *Na chuzhij oshibkah? Real'nye uroki SVO dlja Kitaja i ih posledstvija*. [On Other People's Mistakes? Real Lessons from the NWO for China and Their Consequences]. *Rossija v global'noj politike*. 19.12.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/na-chuzhij-oshibkah/> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).

Информация об авторе:

Блохин Константин Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН (ORCID ID: 0000-0002-1777-434X) (e-mail: constantinos1@rambler.ru).

Information about the author:

Konstantin V. Blokhin — PhD in History, Leading Research Fellow of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1777-434X) (e-mail: constantinos1@rambler.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-19-31

EDN: ZIXNDI

Научная статья / Research article

Информационная война как инструмент политического противостояния в современном многополярном мире

И.В. Гончарова¹ , В.Ф. Ницевич² , О.А. Судоргин²

¹Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
302019, Российская Федерация, Орёл, ул. Генерала Родина, д. 69

²Государственный университет управления,
109542, Российская Федерация, Москва, Рязанский просп., д. 99

 svis@mail.ru

Аннотация. Анализируется феномен информационной войны в современном мире. Конкретизируется понятие информационной войны и ее взаимосвязь с гибридной войной, которая пришла на смену механизмам прямого «силового» воздействия в условиях стремительно меняющейся политической архитектуры. Раскрывается значение войн XXI в., которые ведутся с позиции «мягкой силы» и отличаются затяжным характером. Информационная война рассматривается как их важнейшая составляющая. Выделяются особенности информационных войн: они ведутся в культурном поле, их целью является трансформация сознания политического оппонента. Эти войны направлены на ценностные ориентиры, традиции, историческую и культурную идентичность. Появление понятия «информационная война» связывается с завершением Холодной войны в конце XX в. и определением новой стратегии США. Раскрываются условия и причины перехода к войнам нового типа: крушение биполярного мира, нарастание угрозы международного терроризма, размывание этнокультурной идентичности внутри самих США и союзных стран. Анализируется кибернетические войска как новый специализированный вид войск. Раскрываются два основных пространства воздействия информационной войны: коммуникативная среда и поле вероятного социального макроконфликта. Информационная война в исследовании рассматривается как часть военного, экономического, геополитического противостояния. Авторы обосновывают, что против Российской Федерации уже более 20 лет ведется крайне интенсивная по насыщенности средств информационная война. Она предполагает лишение России не только союзников, но и замены «культурно-исторических кодов» в дружественных нам странах, в первую очередь, путем переформатирования сознания молодежи. Анализируются документы, направленные на решение проблемы информационных войн в России: «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» и «Стратегия национальной безопасности РФ».

Ключевые слова: гибридная война, информационная война, кибервойска, киберпространство, информационная стратегия, информационная безопасность

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Поступила в редакцию: 01.12.2023. Принята к публикации: 10.01.2024.

Для цитирования:

Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Информационная война как инструмент политического противостояния в современном многополярном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 19–31. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-19-31>

Information Warfare as a Tool of Political Confrontation in the Modern Multipolar World

Irina V. Goncharova¹ , Victor F. Nicevich² , Oleg A. SudorGIN²

¹N.V. Parakhin Orel State Agrarian University,
69 Generala Rodina St, Orel, 302019, Russian Federation

²State University of Management,
99 Ryazansky prospect, Moscow, 109542, Russian Federation

 svis@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of the phenomenon of information warfare in the modern world. Authors concretized the concept of information warfare and its connection with hybrid warfare, which has replaced the mechanisms of direct “forceful” influence in a rapidly changing political architecture. The significance of the wars of the XXI century, which are conducted from the position of “soft power” and are characterized by a protracted nature, is revealed. Information warfare is considered as their most important component. The authors highlight the following features of information wars: they are conducted in the cultural field; their purpose is to transform the consciousness of a political opponent. These wars are aimed at value orientations, traditions, historical and cultural identity. The emergence of the concept of “information warfare” in the article is associated with the end of the Cold War at the end of the XX century and the definition of a new U.S. strategy. The main conditions and reasons for the transition to a new type of war are the collapse of the bipolar world, the growing threat of international terrorism, and the erosion of ethnic and cultural identity within the United States and allied countries themselves. Cybernetic troops are analyzed as a new specialized type of troops. The authors revealed two main spaces of the information war impact: the communicative environment and the field of probable social macro-conflict. Information warfare in research is considered as part of a military, economic, and geopolitical confrontation. The authors substantiate that an extremely intensive information war has been waged against the Russian Federation for more than 20 years. It involves depriving Russia not only of allies, but also replacing the “cultural and historical codes” in friendly countries, primarily by reformatting the consciousness of young people. The authors analyzed the documents aimed at solving the problem of information wars in Russia — the “Information Security Doctrine of the Russian Federation” and the “National Security Strategy of the Russian Federation”.

Keywords: hybrid warfare, information warfare, cyber warfare, cyberspace, information strategy, information security

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.12.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Goncharova I.V., Nicevich V.F., Sudorgin O.A. Information Warfare as a Tool of Political Confrontation in the Modern Multipolar World. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):19–31. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-19-31>

Введение

На сегодняшний день информационные войны занимают главное, а в отдельных случаях решающее место в противостоянии как между отдельными государствами, так и на уровне отдельных политических образований и союзов государств. В силу стремительно нарастающей политической неопределенности, в условиях стремительно меняющейся политической архитектуры мира на смену механизмам прямого «силового» воздействия пришли «гибридные войны» («hybrid warfare»), предполагающие сочетание традиционных («классических») методов ведения боевых действий и применение так называемой «мягкой силы». Следует отметить, что подавляющая часть войн XX в., ведущихся вышеуказанными «традиционными методами», отличалась масштабными разрушениями в воюющих странах, сопровождавшимися глубоким экономическим кризисом, политической деформацией вплоть до крушения прежней политической системы, психологическим надломом общества. Войны XXI в., ведущиеся с позиции «мягкой силы», отличает затяжной характер. Они ведутся в культурном поле, а их целью является трансформация сознания политического оппонента, который может не подозревать, что находится в эпицентре «ведения боевых действий». Объектами подобных войн являются ценностные ориентиры, традиции, историческая и культурная идентичность той или иной страны.

Обсуждение

О понятии «информационная война»

С нашей точки зрения, наиболее емкую оценку гибридной войны дал генерал-майор А.И. Владимиров. Он указывал, что главной задачей гибридной войны является «...постепенное погружение государства–жертвы в состояние «организованного хаоса», достижение его «сокращения измором» вне применения вооруженных форм войны». При этом театром ведения боевых действий, условной «серой зоной», в которой разворачивается конфликт, может быть не только отдельные государства, но и их конгломерат. Опасность гибридной войны состоит в том, что «несиловыми методами», парализующими возможность применения норм международного права, поражаются практически все сферы жизнедеятельности государства: экономическое и политическое пространства, сфера науки и образования, сфера здравоохранения, разрушается идеологическое пространство, нравственность и мораль, культурная идентичность общества [1].

Как и любая война, гибридный конфликт предполагает взаимосвязанную совокупность нетрадиционных боевых операций (то есть проводимых без вмешательства вооруженных сил и силовых структур), которые понимаются как «гибридные операции» (hybrid operations). В отдельных исследованиях выделяется шесть основных видов гибридных операций: психологические, направленные на подавление духа и лишения мотивации к сопротивлению; экономические, провоцирующие застойные и кризисные процессы в экономике, вплоть до экономического коллапса; массовые протестные акции оппозиции; диверсионные действия незаконных военизированных структур, не имеющих связи с другими государствами; воздействие с применением кибернетического оружия. Но наиболее значимым, а, по сути, непрерывно действующим на всем протяжении противостояния видом гибридных операций является комплекс информационного воздействия, который следует понимать как самодостаточную информационную войну. Обратим внимание на то, что в ряде работ гибридный конфликт определяется как военная стратегия, использующая, наряду с традиционными «силовыми способами», комплекс информационно-психологических инструментов.

По официальной версии термин «информационная война» впервые был конкретизирован в 1980-е гг., хотя его употребление относят к 1976 г. Его применение связывают с отчетом Томаса Рона «Системы оружия и информационная война» [2], он был разработан для Boeing Aegospace Co. Рон писал: «...информационная инфраструктура становится ключевым компонентом американской экономики, но она одновременно превращается в уязвимую цель как в военное, так и в мирное время» [3. С. 11–15].

«Конкретизированный термин» определял новую стратегию США с завершением «холодной войны». Активное употребление термина относится к периоду после завершения операции «Буря в пустыне». Именно к этому моменту формируется материальная база и общая философия применения оружия нового типа. На официальном уровне область его применения нового термина в общем виде была определена в следующих документах: 1) Директива министра обороны США № TS-3600.1 «Информационная война», вышедшая в декабре 1992 г.; 2) Директива председателя КНШ МОР № 30–93 в 1993 г.; 3) Единый устав КНШ № 3–13.1 «Совместные действия разнородных сил по борьбе с системами управления противника», 1995 г.; 4) Инструкции КНШ 3210.01 А «Единая перспектива-2010»; 5) «Концепция информационных операций объединенных группировок вооруженных сил» 1996 г. и ряд др. [4. С. 2–9]. Активная военно-теоретическая и военно-политическая деятельность силовых структур США по изучению возможностей информационного воздействия на своих политических оппонентов показывает серьезную значимость данного вида «непрямых» («мягких») методов военных действий на рубеже XX–XXI вв.

Переход к информационной войне США

Причинами перехода к войнам нового типа стали крушение биполярного мира, нарастание угрозы международного терроризма, размывание этнокультурной идентичности внутри самих США и ряда стран, следующих в кильватере ее политики. Так как информационные войны ведутся в «серой зоне», в условиях мнимой военно-политической стабильности, ряд экспертов отмечает, что на современном этапе в стратегии информационной войны, которую ведут США, произошли существенные изменения. В частности, изменилось понимание категории киберпространства (cyberspace), в котором происходит значительная часть процессов информационного противоборства. Киберпространство понимается как важнейший компонент единого информационного пространства. Теперь «глобальное киберпространство» включает в себя «синюю» (американскую), «красную» (вражескую) и «серую» (нейтральную) области. При этом считается, что «...разрешено на «законном основании» проводить кибероперации в любом иностранном киберпространстве («красной» и «серой» зонах) без уведомления органов власти этих стран на том основании, что киберпространство не имеет государственных границ» [5. С. 22–29]. Информационное противостояние может иметь «превентивный характер». Более глубоко проработано понимание того, что представляет собой кибератака как «атака в киберпространстве» [5. С. 22–29].

Следует также обратить внимание на то, что противоборствующие стороны разрабатывают особую терминологию, призванную исказить истинное содержание скрытой военно-политической активности (по сути, мы имеем дело с откровенными смысловыми симулякрами). Так, первоначально в качестве термина, обозначающего способы ведения информационной войны, использовалось словосочетание «информационные операции», позднее в научно-теоретической и политической риторике появляются термины «стратегические коммуникации» и «публичная дипломатия».

Отечественные эксперты (в частности, полковник П. Колесов) отмечают: «Стратегические коммуникации... это новая концепция самих ИВ... Цель СК — убеждение или принуждение целевой аудитории к принятию решений или совершению действий, направленных на формирование, сохранение или развитие благоприятных условий для продвижения американских национальных интересов» [6. С. 9–14]. Главными инструментами воздействия на противника считаются: «согласованные информационные акции, идеологическая обработка, различные информационно-пропагандистские планы и программы». Их реализуют «министерство обороны США, боевые командования ВС, инженерные войска, агентство по международному развитию, госдепартамент» и ряд других структур [6. С. 9–14].

Примечательно, что к нулевым годам XXI в. начинает оформляться новый вид войск — кибернетические войска. На сегодняшний день архитектура данного рода войск применительно к США и НАТО включает в себя:

- 1) структуры МО США — округ Ардингтон, штат Вирджиния;

- 2) структуры стратегического командования США — база США Оффут, штат Небраска;
- 3) киберкомандование США — форт имени Джорджа Дж. Мида;
- 4) АНБ США (20 тыс. чел., бюджет около 3 млрд долларов);
- 5) информационный оперативный центр ЦРУ (общая численность штатных сотрудников ЦРУ около 15 тыс. чел., бюджет 3 млрд долларов);
- 6) в качестве отдельных структуры можно выделить: разведывательное управление объединенного штаба J, разведывательное управление МО США со штатом 6 тыс. чел., разведывательное управление ВВС США;
- 7) в ФБР также созданы специальные отделения для противодействия компьютерным преступлениям;
- 8) Агентство коммуникации и информации НАТО — г. Брюссель;
- 9) Объединенный центр передового опыта электронного противодействия НАТО — г. Таллин, Эстония;
- 10) Объединенный центр передового опыта стратегических коммуникаций НАТО — г. Рига, Латвия.

В данном случае перечень структур, осуществляющих информационное воздействие («наступательные операции») и противодействие («оборонительные операции»), не носит исчерпывающего характера. Общая численность кибервойск отдельных стран НАТО к началу 2020-х гг. представлена в таблице.

Общая численность кибервойск отдельных стран НАТО

Название страны	Общая численность кибервойск
США	64 000 чел.
ФРГ	14 500 чел. (в стране функционирует «центр обеспечения безопасности информационной техники» со штатом в 500 чел.)
Франция	4000 чел. (в стране также идет разработка системы информационной безопасности «Эшелон»)
Великобритания	2000 чел. (проблемой занимается департамент правительственных коммуникаций численностью до 6000 чел.)

Несмотря на то, что североамериканское оборонное ведомство тратит ежегодно 10 млрд долларов на обеспечение информационной безопасности, американские военные эксперты продолжают отмечать сохраняющуюся информационную уязвимость страны и отсутствие возможности обеспечения полной информационной безопасности. Вследствие этого: «...рассматривается вариант реорганизации киберкомандований в командования информационных операций, что позволит объединить единым замыслом кибернетические, психологические и радиоэлектронные операции» [5. С. 22–29]. Оперативное развертывание данного институционального образования планируется завершить в 2028 г.

Первоначально общая концепция информационной войны затрагивала два основных пространства воздействия: коммуникативную среду и поле

вероятного социального макроконфликта. Главным средством ведения войны становилась разноплановая информация и механизмы работы с ней. При этом информационная война рассматривалась не как самостоятельное явление, а как часть военного, экономического, геополитического противостояния. Как следствие на **макроуровне** информационные (информационно-психологические) войны определялись как форма противостояния в мировой и локальной информационной средах, реализуемая манипулятивными методами, технологиями и способами воздействия на информационное и психологическое поля противоборствующей стороны (контрагента) с целью нанесения ему максимального ущерба.

В директиве министерства обороны США Т. 8 3600.1 в качестве основных видов реализации информационной войны отмечались:

- «1) политические, дипломатические и экономические акции;
- 2) информационные и психологические операции;
- 3) подрывные и деморализующие пропагандистские действия;
- 4) содействие оппозиционным и диссидентским движениям;
- 5) оказание всестороннего влияния на политическую и культурную жизнь с задачей развала национально-государственных устоев общества;
- 6) проникновение в систему государственного управления;
- 7) защита национальных информационных систем» [7].

Особое внимание уделяется «военному уровню» информационной войны, основной целью которого является «достижение информационного господства над противником в вооруженном конфликте и защиту собственных систем управления от информационного оружия противника» [7]. Согласно директиве КНШ в марте 1993 г. «Борьба с системами управления», военный уровень решает задачи, помимо радиоэлектронного и физического уничтожения систем связей противника, введение его в заблуждение и психологическую борьбу [7].

Идентичные виды информационной борьбы зафиксированы в учебных программах Университета национальной обороны США. В них наряду с радиоэлектронной, рассматриваются психологическая, разведывательная, кибернетическая войны.

В свою очередь, возможен и микроуровень определения информационной войны. В данном случае ее можно интерпретировать как совокупность дискретных операций (воздействий), осуществляемых в информационном пространстве (поле), направленных на достижение превосходства над контрагентом, управления (манипуляции) его действиями. К основным целям информационной войны на микроуровне принято относить:

- 1) максимально полный контроль приватного информационного пространства;
- 2) его защита;
- 3) возможность получения приватной информации контрагентов;

4) возможность воздействия на их информационную систему, вплоть до ее разрушения.

Обобщая вышеизложенные рассуждения, можно утверждать, что информационные войны призваны решать задачи укрепления позитивной мотивации и стрессоустойчивости населения данной страны и ее вооруженных сил, с одной стороны, провоцирования депрессивных настроений и психологического хаоса у населения стран-контрагентов, создания отрицательно политического и культурного имиджа стран-контрагентов на уровне мирового сообщества, с другой стороны.

Сегодня мы можем констатировать, что против Российской Федерации уже более 20 лет ведется крайне интенсивная по насыщенности средств информационная война. Еще в начале 1990-х гг. США в качестве приоритетов своей внешней политики в «условной доктрине» Пола Вулфовица (в версии от 15.04.1992 г.) декларировали потенциально враждебное отношение к обновленной России. В частности, подчеркивалось: «...мы должны помнить, что демократические перемены в России не являются необратимыми и что, несмотря на нынешние трудности, Россия останется сильнейшей военной державой в Евразии и единственной державой в мире, способной уничтожить Соединенные Штаты» [8].

Данный доктринальный подход предполагал сохранение политической гегемонии США в мире путем осуществления «конца истории» — создания системы однополярного мира. Одной из возможных форм как можно длительного сохранения сложившейся ситуации предполагалось создание «кордона» против «потенциально сильной» России — расширение НАТО на Восток за счет включения в НАТО стран Балтии и начала межправительственного и международного диалога о включении в состав блока Украины и Грузии. В данном случае одним из инструментов раскачивания политической ситуации становились «цветные революции» вдоль границ России как инструмент перманентной «гибридной войны». Элементом этого комплекса «непрямых действий» становилась информационная война.

Обеспечение информационной безопасности России

По мнению министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, целями гибридной и, как следствие, информационной войны против России является создание вокруг страны: «...пояса нестабильности, принуждая наших ближайших соседей и братские нам народы делать выбор — либо ты с Западом, либо ты с РФ» [9]. Данная политика направлена на предотвращение самой возможности геэкономической консолидации Евразии. Она предполагает лишение России не только союзников, но и замены «культурно-исторических кодов» в дружественных нам странах, в первую очередь, путем реформирования сознания молодежи.

Важное место в осознании и решении проблемы гибридных и информационных войн сыграло принятие в России «Доктрины информационной

безопасности Российской Федерации» (Указ Президента Российской Федерации от 5.12.2016 № 646) и «Стратегии национальной безопасности РФ» (Указ Президента Российской Федерации от 2.07.2021 № 400).

В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» в перечне угроз в информационной сфере выделены:

- 1) наращивание рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях;
- 2) стремление отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве;
- 3) укрепление деятельности организаций, осуществляющих техническую разведку в отношении российских государственных органов, научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса;
- 4) увеличение в зарубежных средствах массовой информации объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики РФ;
- 5) увеличение масштабов и рост скоординированности компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры;
- 6) нарастание угроз применения информационных технологий в целях нанесения ущерба суверенитету, территориальной целостности, политической и социальной стабильности РФ.

Таким образом, главными направлениями обеспечения информационной безопасности в области обороны РФ становятся:

- 1) стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов, которые могут возникнуть в результате применения информационных технологий;
- 2) совершенствование системы обеспечения информационной безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, включающей в себя силы и средства информационного противоборства;
- 3) прогнозирование, обнаружение и оценка информационных угроз, включая угрозы Вооруженным Силам Российской Федерации в информационной сфере;
- 4) содействие обеспечению защиты интересов союзников Российской Федерации в информационной сфере;
- 5) нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества [10].

Содержание анализа основных информационных угроз Российской Федерации со стороны условного «коллективного Запада» на современном отрезке времени позволяет выделить в качестве объектов информационной войны: вооруженные силы РФ, задействованные в СВО; военнослужащих и органы власти ДНР и ЛНР; гражданское население России и союзного нам

государства Беларусь (дети и супруги военных); политиков и жителей западных стран, симпатизирующих России; политиков и обывателей незападных и антизападных стран.

К субъектам информационной войны принято относить наиболее значимые политические фигуры государства, кибервойска, о которых мы упоминали выше, средства массовой информации, гражданские лица, вышедшие из зоны ведения боевых действий (беженцы).

Среди политиков, обладающих реальным политическим весом, чаще всего выделяют представителей федерального уровня политической элиты страны: главу государства; премьер-министра (председателя правительства) и глав отдельных, наиболее значимых министерств; отдельных представителей МИДа; наиболее значимых представителей министерства обороны и отдельных силовых структур; представителей законодательной власти; глав наиболее значимых субъектов государства. Представители политической элиты, а также военно-политическое руководство стран, как правило, формируют пространство, содержание и направление информационного противостояния.

Говоря о средствах массовой информации как инструменте информационных войн, западные эксперты выделяют две таких «условных» группы СМИ в современной России. При этом считается, что «...в отличие от американских экспертов, немецкие рассматривают управление средствами массовой информации как элемент информационной войны» [3. С. 11–15]. В этом плане российский опыт ведения информационной войны, по мнению исследователей, ближе к немецкому опыту, чем к американскому.

К первой группе российских СМИ в контексте проблемы ведения информационных войн относят телеканалы и радиоканалы, равно как и разнообразную печатную продукцию, озвучивающие официальную повестку органов государственной власти. Как правило, они имеют полное или частичное государственное финансирование и работают не только на отечественного, но и на зарубежного потребителя.

Справедливости ради следует сказать, что в теории «стратегической коммуникации» США СМИ также играют не последнюю роль. Эксперты отмечают, что американский набор коммуникативных инструментов обширен. Сюда входят «средства массовой информации (СМИ), а также связь и телекоммуникации, инфраструктура беспроводной связи, социологические исследования, культурологические и лингвистические средства, избирательные технологии и методики подсчета голосов избирателей, массовые тренинги и образовательные программы» [6. С. 9–14]. Но все же главную роль в этом процессе продолжают играть СМИ.

В России важную роль в формировании официального имиджа страны за рубежом играла компания «Россия сегодня» (Russia Today; RT). Компания начала работу в июне 2005 года. Ее целью являлось продвижение России как позитивного политического и культурного бренда за границей. RT управляется автономной некоммерческой организацией «ТВ-Новости».

Еженедельная аудитория компании приближается к 100 млн чел. в 47 странах [11].

Вторую группу отечественных СМИ в рассматриваемом формате формируют оппозиционные и антироссийские радио- и телеканалы, печатная продукция и информационные сайты. Работа этих средств находится под контролем Роскомнадзора и Министерства юстиции РФ в соответствии с Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории РФ». В 2022 г. были заблокированы сайты Beats-1, Steam, Spotify, Pandora, FOX. В свою очередь социальные сети компании Meta были идентифицированы в нашей стране как экстремистские. Их ресурсы прекратили действие в 21 марта 2022 г.

Проблема беженцев также является крайне актуальной для понимания военно-информационного противостояния. Люди, пострадавшие от локальных и региональных конфликтов, часто становятся инструментом «грязных» инсинуаций и информационной пропаганды. Зачастую их личную трагедию используют для «обесчеловечивания» образа одной из противоборствующих сторон. При этом осуществляется крайне интенсивная эксплуатация эмоционального поля мировой общественности (формирования возмущения, негодования, озлобленности, агрессии). Лицам, оказавшимся заложниками информационной войны, крайне сложно сформировать объективную оценку происходящих событий.

Важное место в реализации различных стратегий информационных войн занимает информационное оружие. В отечественной теории информационной войны его принято делить: по сфере применения — на информационно-техническое и информационно-психологическое; по целевому назначению — на оборонительное и наступательное («наступательные и оборонительные информационные операции могут проводиться по единому замыслу и плану и взаимно дополнять друг друга» [4]).

Особое место в информационном противостоянии занимает «психологическая война», в арсенале которой находятся различные виды воздействия информационных средств, от пропаганды до создания виртуальной реальности. С целью манипуляции массовым сознанием применяются аудио- и видеосимулякры, в т.ч. подделываются изображения и голоса политиков и выдающихся личностей. Дезинформация проводится путем изменения информационных баз данных противника, геолокации, навигационных систем и т.д. [12].

Одним из распространенных приемов современной информационной войны является «бомбардировка» контрагента фейковой информацией или фейками. Данный термин является производным от английского слова «fake», что можно интерпретировать как «подделку» или «фальсификат», также допустим перевод «мошенничать», «дурачить», «обманывать». С помощью фейков активно симулируется и искажается реальное пространство событий. Фейки, как правило, делят на «простые» и «сложные». В качестве основных приемов для

создания фейков используют: распространение заведомо ложной информации об актуальном социально-значимом событии; демонстрация недостоверных фото- и видеодокументов, не относящихся к зоне событий; фальсификация подписей под достоверными фото- и видеодокументами; постановочная видеосъемка; демонстрация фрагментов видеоигр, извлечений из художественных фильмов, продуктов, созданных с помощью компьютерной графики.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что информационные войны стали необратимой реальностью, постоянно вторгающейся не только в пространство функциональных полей отдельных государств, но и в повседневную жизнь каждого отдельно взятого человека. Вместе с тем информационные войны высветили уязвимые стороны даже демократических обществ, сделали их более хрупкими и уязвимыми. Авторитарные механизмы воздействия сменились многоканальными механизмами манипуляции общественным сознанием, трансформировались в систему тотального контроля над человеческим сознанием. Заложниками сложных политических игр и противостояния в информационном поле становятся простые обыватели, оказавшиеся в перманентной «информационной осаде», в условиях «информационной перегрузки», порождающей нарастающий стресс и разнообразные фобии. Одновременно с этим возникает эффект фрагментации общества, наполнявшегося многообразными симуляциями. Можно утверждать, что человечество оказалось перед угрозой грандиозной катастрофы ойкуменического масштаба, поскольку значительная часть человечества либо лишилась, либо не успела приобрести адекватных средств осмысления стремительно меняющегося, абсолютно «непрозрачного» и непредсказуемого мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны: монография: в 3 ч. М.: Московский финансово промышленный университет «Синергия», 2018. 2856 с.
2. *Rona T.P.* Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. 50 p.
3. *Гриняев С.* Концепция ведения информационной войны в некоторых странах мира // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 2. С. 11–15.
4. *Жуков В.* Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 1. С. 2–9.
5. *Дылевский И., Базылев С., Запихахин О., Комов С.А., Песчаненко К., Юниченко С.* О взглядах администрации США на киберпространство как новую сферу ведения военных действий // Военная мысль. 2020. № 10. С. 22–29.
6. *Колесов П.* Ведение Соединёнными Штатами информационных войн. Концепция «Стратегических коммуникаций» // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 6. С. 9–14.
7. *Аверченков В.И., Рытов М.Ю., Кондрашин Г.В., Рудановский М.В.* Системы защиты информации в ведущих зарубежных странах. Брянск: БГТУ, 2007. 203 с.
8. *Вертлиб Е.* Война ресурсная в контексте гибридно-ментальной // Русская народная линия. 11.10.2022. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/10/11/voina_resursnaya_v_kontekste_gibridnomentalnoi?ysclid=lrkuz7ixof126111033 (дата обращения: 10.11.2023).

9. Колесникова М. Запад пытается создать «пояс нестабильности» вокруг РФ // The Moscow Post. 23.07.2021. URL: http://www.moscow-post.su/politics/zapad_pytaetsya_sozdat_poyas_nestabilnosti_vokrug_rf36446/?ysclid=lrkv4nd58c871899594&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 10.11.2023).
10. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 10.11.2023).
11. Russia Today TV (RTTV). URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=315435> (дата обращения: 10.11.2023).
12. Информационная война (Определение информационного оружия) // Линия Сталина. 25.02.2022. URL: <https://stalinline.ru/2022/02/25/informacionnaya-vojna/?ysclid=lpbnaryns8740653990> (дата обращения: 10.11.2023).

Информация об авторах:

Гончарова Ирина Валентиновна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и русского языка Орловского государственного аграрного университета имени Н.В. Парахина (ORCID ID: 0000-0002-7532-8751) (e-mail: int@orelsau.ru).

Ницевич Виктор Францевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник НИИ Государственной политики и управления отраслевой экономикой Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0002-1668-3067) (e-mail: dr.nitsevich@mail.ru).

Судоргин Олег Анатольевич — доктор политических наук, директор НИИ Управления цифровой трансформацией экономики Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0001-7670-7238) (e-mail: svis@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-32-43

EDN: ZFKPKZ

Научная статья / Research article

Социальная политика и SCR-инструменты управления устойчивым развитием предприятий корпоративного сектора

В.В. Волков¹, С.Ю. Белоконев^{2,3}

¹Челябинский государственный университет,
454001, Российская Федерация, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

²Финансовый университет при правительстве РФ,
126167, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., д. 49

³Государственный университет управления,
109542, Российская Федерация, Москва, Рязанский просп., д. 99

 syubelokonev@fa.ru

Аннотация. Проведен комплексный анализ и рассмотрены корпоративная социальная ответственность и социальная политика. Определена и доказана актуальность выбранной темы исследования. Проанализированы факторы и критериальных показателей, влияющих на социальную политику промышленных корпораций. Определены группы категорий классических подходов к управлению социальной политикой корпорации государственного и частного сектора. Приведено и раскрыто авторское понятие социально-политической вовлеченности корпорации. Определены основные принципы развития устойчивости реализации социальной политики в соответствии с вызовами современности. Сформулированы выводы социальной полезности предлагаемого инструментария для внедрения в систему управления современной промышленной корпорации.

Ключевые слова: социальная политика, корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, SCR-инструменты, SCR менеджмент, показатели социального развития, промышленные корпорации

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.11.2023. Статья принята к публикации: 10.01.2024.

Для цитирования:

Волков В.В., Белоконев С.Ю. Социальная политика и SCR-инструменты управления устойчивым развитием предприятий корпоративного сектора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 32–43. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-32-43>

© Волков В.В., Белоконев С.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Social Policy and SCR Tools for Managing the Sustainable Development of Enterprises in the Corporate Sector

Vadim V. Volkov¹, Sergei Yu. Belokonev^{2,3}

¹Chelyabinsk State University,
129 Kashirin Brothers St, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky prospect, Moscow, 126167, Russian Federation

³State University of Management,
99 Ryazansky prospect, Moscow, 109542, Russian Federation

 syubelokonev@fa.ru

Abstract. The research focuses on analyzing and reviewing of corporate social responsibility and social policy. The authors studied the works of domestic and foreign authors who were engaged in the analysis of these problems. The authors identified the factors that influence social policy, such as: political, demographic, medical, social, and others and categorized the typical descriptions of social policy research in the public and private sector. Special attention is paid to the authors' interpretation of the concept of social and political involvement of the corporation. The authors determined the basic principles of development and implementation of social policy in accordance with the challenges of modernity.

Keywords: social policy, corporate social responsibility, sustainable development, SCR tools, SCR management, social development indicators, industrial corporations

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.11.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Vokov V.V., Belokonev S.Yu. Social Policy and SCR Tools for Managing the Sustainable Development of Enterprises in the Corporate Sector. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):32–43. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-32-43>

Актуальность темы исследования социальной политики корпоративного сектора отечественной промышленности приобретает все большую значимость в современной действительности. Нарастающее влияние социальных факторов устойчивого развития промышленных предприятий обусловлено постоянством формирования новых вызовов и флуктуаций со стороны внешней среды. Необходимо отметить существенное снижение уровня безработицы, к концу 2023 г. обострился дефицит кадров в экономике страны. По словам заместителя Председателя Правительства РФ Т.А. Голиковой, количество безработных в стране сократилось более чем на 1,32 млн человек. Также под вызовами мы понимаем в том числе глобальные социально-экономические разрушающие факторы со стороны представителей политического истеблишмента стран западной цивилизации и их перманентные социально-экономические санкции, направленные на деструктуризацию отечественного корпоративного сектора, организацию, проведение и внедрение

информационной повестки, призванной сформировать в российском обществе протестное поле, внести раскол на уровне межэтнического взаимодействия, межконфессионального сотрудничества, территориальной целостности нашего государства. Современные корпорации промышленного сектора составляют основу социально-экономической безопасности государства, добывающая, производственная и обрабатывающая промышленность является основным работодателем для миллионов граждан нашей страны. По данным Росстата, в промышленности численность занятых составила 13,1 млн человек на 2020 год [1].

Таким образом, можно уверенно утверждать, что изучение инструментария управления социально-политическими процессами в отечественном промышленном корпоративном секторе является необходимым в современных условиях развития российского государства и общества. А необходимость в квалифицированных кадрах при существующей тенденции роста их дефицита объясняет острую заинтересованность в проведении эффективной социальной политики в корпоративном секторе отечественной экономики. Интересы корпораций основываются на привлечении новых специалистов соответствующего уровня компетенций, профессиональной подготовки и переквалификации собственных кадров, удержании сотрудников социальными методами поддержки. При помощи SCR-инструментария возможно повысить мотивацию всего трудового коллектива корпорации промышленного сектора. Очевидно, что предприятиям необходимо усиливать свою социальную политику в условиях повышения конкуренции за кадры.

Для формирования и полного раскрытия темы настоящего исследования, развития специфики управления предприятием корпоративного сектора с использованием социального инструментария необходимо провести анализ существующих подходов. В силу широкого географического распространения изучаемой проблематики, направленной на выявление эффективности корпоративной социальной ответственности, принято решение изучить подходы зарубежных научных авторов.

Таким образом, авторы Фернандо Нипуни и Джаяранджани Сутха в своей работе, направленной на выявление способов сохранения длительности трудовых отношений с корпорацией при учете особенностей швейной промышленности, определяют ряд факторов. Во-первых, по их мнению, социальная политика и ответственность корпорации направлена на удержание и сохранение коллектива. Во-вторых, исследуется взаимосвязь личной мотивации трудового элемента и системы социальной политики на предприятии. Затем определяются внутренние особенности характерные непосредственно для швейного кластера. В целом авторский коллектив рассматривает успешность социальной деятельности корпоративных игроков относительно сохранения трудового коллектива и отсутствия текучести кадров [2].

Группа авторов из Словении концентрируют свое внимание на исследовании влияния социальных мер воздействия на конкретных заинтересованных лиц, партнеров корпоративных предприятий. Также авторы

рассматривают и в особенной степени выделяют инклюзивную ориентацию компании, ее внутреннюю систему организации отношений, определяют важность взаимодействий на вертикальном и горизонтальном уровнях. Отдельно рассматривается комфорт условий труда и его влияния на сплочённость команд корпораций и экономическую эффективность от совокупного влияния социальной политики. Не рассматривается влияние корпоративной социальной политики на общество и внешнюю среду предприятия [3].

Турецкие исследователи анализируют проведение социальной политики корпораций энергетического экономического кластера с применением гибридных управленческих решений. Коллектив авторов формирует многофакторный подход к анализу процессов социальной стороны корпорации. Определение социальной эффективности тесно связывают с достижением целей устойчивого развития ООН. Авторы используют несколько математических методов измерения существующего положения предприятия, таких как концепция неточного мягкого множества, масштабирования числовых шкал и иные. Выводы авторы делают, концентрируя внимание на процессы, направленные на инвестирование в технологические процессы и повышение уровня профессиональной квалификации кадров корпораций топливно-энергетических кластеров [4].

Представители вьетнамской школы социально экономических исследований делают акцент на взаимосвязи подсистем предприятия, таких как степень доступа к финансовым ресурсам, показатели эффективности устойчивого развития, инвестирование в бизнес-инновационные процессы. Для определения эффективности авторской модели оценивания социальной политики корпорации используется метод альфа-индекса Кронбаха. В качестве особенности методики управления представителей вьетнамской школы можно определить ориентированность на внутреннюю среду корпорации [5].

Проведя анализ представителей научного сообщества зарубежных школ, возможно определить направленность научного понимания социальной политики и ответственности корпораций как социально-кадровую часть внутренней системы управления. Исследователи делают акцент на сосредоточенности удовлетворенности трудового коллектива корпоративного сектора условиями труда, социально-психологической атмосферой на производстве. Таким образом, при сохранении морального духа и уровня профессиональной компетенции достигается возможность устойчивого экономического развития всей корпоративной отрасли. Акцент ставиться на социальной-образовательной, морально-нравственной, финансово-экономической подсистемах внутренней среды предприятий корпоративного сектора без учета факторов внешней среды. С нашей точки зрения данный подход не отвечает современным вызовам и нарастающим флуктуациям сред отечественной корпоративной отрасли.

Необходимо рассмотреть научную позицию отечественных исследователей данной проблемы.

В.С. Чугунов в работе по аналитике социальной политики применяемой в корпорации ПАО «ЛУКОЙЛ» отмечает особое внимание со стороны руководства к морально-этическому, гармоничному развитию своих кадров, также особую поддержку к интеграции вновь прибывших сотрудников. Компания внимательно относится к окружающей среде на той территории, где ведет операционную деятельность, отмечается экологическая подсистема социальной политики компании. Присутствует наличие финансовых инструментов социальной поддержки внутри компании [6].

Внимание к политической, составляющей комплексного явления социальной политики предприятия корпоративного сектора, отмечается в работе ведущего специалиста отдела корпоративных отношений ГК Росатом, г. Москва. Автор делает акцент на анализе эффективности проведения социальной политики именно в государственных корпорациях как процесса повышения уровня легитимности государственной власти [7]. Автором не отмечается аналогичное влияние корпораций на легитимность власти вне зависимости от форм собственности, на административные территории, где вышеуказанные корпораций ведут бизнес-процессы.

Исследователь Л.А. Сухарева рассматривает социальную политику корпорации с точки зрения социального аудита. Автор отмечает важность степени доверия к тем инструментам социальной политики, которые используются менеджментом корпорации для достижения поставленных целей. Предлагается проводить независимые научные исследования, интерпретации результатов деятельности в достижении социальных показателей с использованием факторов имеющих отношение к отчетности систем предприятия корпоративного сектора по социальному критерию. Автор настаивает на проведении аудиторского исследования проектной командой, не имеющей отношение, даже косвенного, к органам управления корпорации [8]. В исследовании присутствует разделение на подсистемы по географическому принципу, но не отмечаются ни уровни муниципального образования, ни межрегионального, что существенно сокращает научную ценность полученных аудиторским путем данных о необходимых результатах социальной деятельности.

Подвергая анализу отрасль военного судостроения в рамках изучения проблематики социальной политики, авторы А.О. Егорова, О.И. Курылева отмечают важность кадровой деятельности по включению образовательных программ в процесс производственно-оперативной деятельности. Отмечается важность сотрудничества с высшими учебными заведениями по внедрению научных разработок и перманентному обучению персонала, передовым разработкам во всех подсистемах деятельности предприятия. Отмечается внимание со стороны аппарата управления к здоровью не только сотрудников, но членам их семей. Также на предприятии применяются финансово-экономические инструменты социального стимулирования [9].

Таким образом, на основании изученного материала, походов современных исследователей зарубежных социально-экономических школ, с широким географическим охватом; исследования материалов отечественных

научных изысканий возможно заключить следующее. Существует необходимость сформировать устойчивый инструментарий управления социальной политикой предприятий корпоративного сектора, государственных и частно-коммерческих отечественных корпораций. Необходимо произвести разграничение на устойчивые и стандартные факторы социальной политики. Производить анализ эффективности работ аппарата управления промышленными субъектами корпорации на всех уровнях подсистем начиная с анализа муниципального уровня операционной деятельности до межгосударственного сотрудничества корпораций. Осуществлять исследования, направленные на определение и своевременное выявление социально-политических флуктуаций не только во внутренней среде предприятия, но и во внешней на всех уровнях корпоративного присутствия.

Также на основе вышеуказанной информации и иных авторских подходов, в настоящем исследовании предлагается классификация категорий и критериальных показателей, представленных в таблице [10–15].

Категории и критериальные показатели развития социальной политики промышленных корпораций, классический подход

Категории	Основные показатели
Социальная	<ul style="list-style-type: none"> - наличие кадровой политики, направленной на обеспечение нужд предприятия; - наличие социальных ориентиров, направленных на работу с контрагентами; - принцип открытости в работе с поставщиками, подрядчиками, коллективом, финансовыми и иными контрагентами; - предоставление социального страхования; - образовательные программы повышения квалификации.
Экологическая	<ul style="list-style-type: none"> - контроль производственных отходов от операционной деятельности; - ориентация на организацию повторно перерабатывающих процессов производства; - частичное применение и использование товаров, не наносящих вред окружающей среде.
Морально-этическая	<ul style="list-style-type: none"> - гуманное отношение ко всем сотрудникам корпорации независимо от определяющих и индивидуальных критериев; - наличие благотворительной деятельности; - наличие норм корпоративной этики во всех процессах производственной, операционной, управленческой деятельности; - справедливое распределение благ среди сотрудников; - контроль социальной напряженности в трудовом коллективе.
Финансовая	<ul style="list-style-type: none"> - наличие дополнительных выплат за выполнение и достижение определенных заданных результатов; - финансовое стимулирование периодических отпусков и санаторно-курортного лечения при необходимости; - участи в софинансировании экономических проектов; - соответствие стратегии ЦУР; - интеграция социальных НИОКР.

Принимая во внимание обобщенные результаты анализа научной информации, представляется необходимым сформировать категории инструментария устойчивого развития промышленных корпораций, которые

в состоянии отвечать вызовам и флуктуациям сред всех субъектов корпоративной промышленности.

Субъекты корпорации в рамках определения эффективной социальной политики, создания эффективной системы политической вовлеченности корпорации, направленной на формирование внутренней и внешней среды подсистем, входящих в корпоративный кластер, должны базироваться на комплексном подходе [16]. В настоящем научном исследовании предлагается первичная дополненная классификация категорий социальной политики, которая будет поддерживать принципы устойчивого развития:

- социально-демографическая;
- финансово-экономическая;
- морально-нравственная, этико-ориентированная;
- экологическая;
- политическая;
- медицинская.

Принимая во внимание специфику авторского рассмотрения понятия, социальная политика и ее взаимосвязь с устойчивым развитием промышленного предприятия корпоративного сектора. Необходимо отметить, что социальное развитие в рамках рассматриваемого процесса социальной политики корпорации понимается как векторное достижение качественных и количественных показателей устойчивого социального положения, заданного результата, определяемого комплексным подходом.

Предлагается введение нового термина определения социальной политики, а именно, — социально-политическая вовлеченность корпорации. Это объясняется необходимостью контроллинга процессов не только внутренних подсистем субъектов корпорации, но и внешних сред ведения разнонаправленной составной операционной деятельности крупного отечественного бизнеса.

Для научного раскрытия и определения социально политической вовлеченности корпорации требуется определить ряд принципов, на которых будет базироваться анализ социальной составляющей деятельности корпорации.

Принцип Открытости. Открытость для посещения горожан территории, на которой проводится операционная деятельность. Данный критериальный показатель может быть выражен в количественном выражении. Для вычисления необходимо задать, научно-обоснованный уровень посещаемости гражданами основных производственных фондов субъектов корпорации. Это будет обеспечивать осведомленность населения о потенциальных возможностях трудоустройства и социального климата корпорации. Что обеспечит предприятие устойчивостью в кадровой политике. Открытая кадровая политика, через сг инструментарий выявления навыков и компетенций, организацию совместных проектов с потенциальными желающими стать частью корпоративной команды и возможности продемонстрировать уровень своей компетенции позволит вести эффективный набор сотрудников. Отмеченный принцип будет способствовать улучшению демографических показателей

административной территории благодаря снижению оттока молодого населения в крупные агломерации.

Отдельно, на уровне социально-демографической вовлеченности корпорации в развитие городов и регионов ведения операционной деятельности, следует отметить институт кураторства основного и дополнительного образования. Участие корпораций в образовательной деятельности не только кадров работающих на предприятии, но и привлечение членов их семей, начиная, со старших классов общеобразовательных учреждений, для более детального формирования, как собственных кадровых потребностей, так и помощь в определении старшеклассников к совершению осознанного выбора будущей профессии и формирования индивидуальной образовательной траектории на уровне высшего образования. Соответственно необходимо организовывать сотрудничество на постоянной основе с ведущими учреждениями высшего образования России.

Принцип политического участия. Необходимо дать обоснование политического участия институтов корпоративного сектора в политической жизни общества. Промышленное предприятие как субъект корпорации является неотъемлемой частью экосистемы муниципального образования, постоянно контактирует с органами местного самоуправления по ряду профильных направлений, этим объясняется необходимость участия топ-менеджмента предприятия в представительной ветви власти ОМСУ (органы местного самоуправления), как в интересах предприятия, так и в интересах сотрудников и населения. Основные направления взаимодействия субъекта корпорации на муниципальном уровне: логистическое, коммунальное, урбанистическое, финансовое.

Логистико-транспортное взаимодействие имеет многофакторную необходимость и важность для совместного сосуществования и развития муниципалитета, на территории которого ведется операционная деятельность предприятия. Совместная работа по проектированию и строительству дорожных коммуникаций имеет очевидные преимущества для всех вовлеченных в процесс сторон. Предприятия, содействуя развитию проектов дорожного хозяйства, эффективно влияют на уровень социальной удовлетворенности, получают экономический эффект собственного развития.

Как часть экосистемы предприятие является потребителем коммунальных услуг, предоставляемых муниципалитетом. Представители предприятия в органах МСУ получают инструменты воздействия для оптимального регулирования данной проблематики в современных условиях экономической турбулентности, по сглаживанию негативных последствий вынужденного роста тарифов.

Субъекты корпорации находятся в динамичном процессе достижения целевых показателей финансово-экономического роста, который тесно связан со стремлением сокращения издержек, в том числе долгосрочных. Предприятия получают возможность участия, через собственных представителей в ОМСУ, в разработке концепции городского строительства, в рамках

инвестиционной деятельности. Это позволит достичь социально значимых результатов по развитию комфортного проживания сотрудников, также появится возможность привлечения потенциальных кадров, проживающих в современных условиях, созданных при участии промышленной корпорации.

Развитие субъектов промышленных корпораций, представляется сложным, комплексным, длительным процессом, имеющим индивидуальные траектории развития. Для эффективной организации операционной, инвестиционной, инновационной деятельности требуется своевременное привлечение заемных средств. Обеспечением локальной финансовой независимости субъекта промышленной корпорации на муниципальном уровне могут заниматься представители финансового менеджмента предприятия в ОМСУ.

Также основой корпоративной этики большинства субъектов корпорации промышленных предприятий является принцип соблюдения субординации, единоначалия, особенно в государственном секторе. Таким образом, между большинством трудового коллектива и аппаратом управления, в частности стейкхолдерами на всех территориальных уровнях топ-менеджмент «защищен» от возможности дискуссии с сотрудниками, в рамках отсутствия воли со стороны руководства. В современной действительности четвертой промышленной революции, с использованием дистанционных технологий присутствует возможность выполнять обязанности по управлению всеми основными видами деятельности корпорации дистанционно. Соответственно, вероятность добиться аудиенции со стороны руководителя при наличии только вертикальной связи находится на критически низком уровне. Таким образом, формируется необходимость в дополнительной коммуникативной конструкции.

Принцип вовлеченности в данном исследовании отвечает за научную новизну. Необходимо обеспечить участие сотрудников аппарата управления в политической жизни административных образований. Данное решение будет отвечать вызову внутренней среды предприятия и позволит установить канал коммуникации между руководством субъекта корпорации, сотрудниками предприятия и населением территориального образования. Это позволит существенно снизить уровень потенциальной напряженности на территории муниципалитета операционной деятельности предприятия. Стоит отметить, что руководство предприятий корпоративного сектора получает возможность дополнительно осуществлять мониторинг и анализ тенденций поведения общественно-трудового коллектива. При совмещении должности в топ-менеджменте и органе местной представительной власти смещается вектор канала коммуникации, руководитель становится ближе к населению, соответственно и население в лице работающих становится ближе к руководителю как к избранному представителю в органах законодательной власти административно территориальной единицы, субъекта федерации, муниципалитета. Это позволит политизировать население и вовлечь в социально-политическую жизнь. Данный подход к организации управления социальной политикой может быть выражен в единицах измерения методом анализа

количества представительства корпорации в местном парламенте, процентом предложенных и реализованных инициатив.

Принцип психологической устойчивости. В исследовании отдельно определена медицинская составляющая социальной политики. Причина отдельного рассмотрения именно медицинской составляющей вне социальной категории заключается в недооценке экспертным сообществом важности психологического и эмоционального состояния каждого сотрудника субъекта корпоративной промышленности. В особенности психоэмоциональное состояние крайне важно на высокотехнологичных и опасных производствах, да в корпорациях присутствуют штатные психологи, но этого недостаточно. Предлагается осуществлять постоянный мониторинг психологического здоровья не только сотрудников определенной категории допуска, но всего коллектива, а также с использованием научных методов социально-психологического тестирования анализировать эмоциональные состояния членов семьи, работающих на предприятии корпоративного сектора.

Определяя выводы настоящего исследования, необходимо отметить, что предлагаемая методика проведения социальной политики с точки зрения социально-политической вовлеченности корпорации во все сферы жизнедеятельности предприятия влияет на несколько кластеров общественно-экономического и политического устройства современного российского, суверенного государства.

Во-первых, инклюзивность социальной политики корпораций, как государственного, так и частного сектора, позволяет добиться множества социально значимых показателей непосредственно для государства. Политизация общества, включение большего количества людей в социально-политические процессы, проведение единой государственной политики через инструменты и каналы коммуникации, сформированные корпорациями, формирование механизмов единения общества на основе гражданско-экономических ценностях, исключение разнородных конфликтов, решение задач общегосударственного уровня по реализации национальных проектов и многое другое. Также государство, контролируя и способствуя развитию социальной политики промышленных, отечественных корпораций, приобретет в краткосрочной и среднесрочной перспективе политически развитое, исторически грамотное сплоченное население, ориентированное на созидание и стабильное устойчивое развитие.

Во-вторых, корпорации получают портфель SCR-инструментов по достижении необходимых экономических показателей, через усиление устойчивости всестороннего развития. Решаются проблемы текучести кадров, недоверия населения к руководящему классу через совместное решение территориальных проблем общества посредством включения топ-менеджмента в муниципальную и региональную политическую систему. Происходит усиление субъектов корпорации, а соответственно и всей компании в целом, что открывает новые перспективы масштабирования бизнес-процессов. Также участие предприятий корпорации в политических процессах

территориальных образований благотворно влияет на множество финансово-экономических взаимоотношений промышленного предприятия и муниципальной, городской, региональной исполнительной властью. Очевидно, что промышленное предприятие даже в статусе градообразующего не является грубо отграниченным, автономным субъектом экономико-социальных взаимоотношений, а есть часть общесоциальной муниципальной единицы с обязанностями и условиями функционирования. Соответственно, внедряя и развивая социальную политику корпорациям, будет легче достичь целей привлечения, удержания и повышения мотивации всей кадровой подсистемы корпоративного сектора.

В-третьих, общество, включенное в команду промышленных корпораций и население административно территориальных образований, получает возможность участвовать в решении основных вопросов предприятия и его субъектов, будет иметь возможность повышать уровень собственной вовлеченности в политические процессы местного уровня, обретет ощущение устойчивого личного развития и стабильного будущего для себя и своих близких. Современные SCR-инструменты корпоративной социальной политики, вовлеченности предприятий в жизнедеятельность муниципальных образований, будет способствовать положительному развитию сложной демографической ситуации в регионах страны. Ответственное отношение отдельных субъектов корпораций в комплексе общей социальной ориентированности, приведет экономику государства к решению проблем низкой безработицы в рамках дефицита кадров, благодаря инклюзивному отношению и глубокому внедрению в процессы социального развития не только отдельных сотрудников кадрового аппарата, но и всего общества муниципалитета операционной деятельности. Развитие совместного урбанистического проектирования приведет к уменьшению оттока профессиональных кадров в пользу городских агломераций и остановит разрушительную тенденцию свойственную малым городам страны. Социальная политика промышленности корпоративного сектора, в условиях турбулентности вызовов и флуктуаций сред, представляется значимой, актуальной проблемой, заслуживающей внимания органов государственной власти, руководства корпораций и научного сообщества современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Промышленное производство в России. 2021: стат. сб. / Росстат. П 81. М., 2021.7. 305 с.
2. *Nipuni F., Sutha J.* Influence of Internal Corporate Social Responsibility on Employee Retention with Special Reference to the Apparel Industry in Sri Lanka // *Research Anthology on Developing Socially Responsible Businesses*. Ed. by Information Resources Management Association. IGI Global, 2022. P. 2090–2106. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-5590-6.ch102>
3. *Pfajfar G., Shoham A., Malecka A., Zalaznik M.* Value of Corporate Social Responsibility for Multiple Stakeholders and Social Impact — Relationship Marketing Perspective // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 143. P. 46–61. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.01.051>

4. *Diñçer H., Yüksel S., Hacıoğlu U., Yılmaz M.K., Delen D.* Development of a Sustainable Corporate Social Responsibility Index for Performance Evaluation of the Energy Industry: A Hybrid Decision-making Methodology // *Resources Policy*. 2023. Vol. 85. Part A. 103940. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.103940>
5. *Ngo Q.H., Le T.T.* Role of Corporate Social Responsibility on Firm Performance in Emerging Economy: The Mediating Role of Access to Finance and Business Model Innovation // *Cogent Business & Management*. 2023. № 2 (10). DOI: 10.1080/23311975.2023.2232585
6. *Чугунов В.С.* Политика корпорации ПАО «ЛУКОЙЛ» в области зеленой экономики и социальной ответственности // *Взаимодействие предприятий и вузов — наука, кадры, новые технологии: Сборник докладов XVII межрегиональной научно-практической конференции, Волжский, 12–13 мая 2022 года / Отв. за выпуск Г.М. Бутов. Волжский: Волгоградский государственный технический университет, 2022. С. 87–90.*
7. *Еньшина Е.В.* Социальная политика государственных корпораций как ресурс легитимации политического режима // *Время научного прогресса: Сборник научных трудов по материалам VII Международной конференции, Волгоград, 12 октября 2022 года. Волгоград: Научное обозрение, 2022. С. 90–93.*
8. *Сухарева Л.А., Пальцун И.Н., Федченко Т.В.* Экосоциоэкономические отношения корпораций как предметная составляющая объекта аудита социальной политики // *Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит»*. 2020. № 4 (20). С. 159–168.
9. *Егорова А.О., Курьлева О.И.* Ключевые направления социальной и кадровой политики предприятий военного судостроения объединенной судостроительной корпорации (АО «ОСК») // *Modern Economy Success*. 2021. № 5. С. 207–213.
10. *Надтока Т.Б.* Корпоративная социальная ответственность как важнейший механизм реализации государственной социальной политики в Донецкой Народной Республике // *Вести Автомобильно-дорожного института*. 2020. № 1 (32). С. 79–84.
11. *Клименкова М.А., Федорова А.Е.* Корпоративная социальная политика как управленческий механизм снижения уровня социального загрязнения // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2021. Т. 10. № 5. С. 57–62. <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2021-10-5-57-62>
12. *Абдрашитов Ю.Ф.* Реализация принципа социальной справедливости в корпоративной социальной политике // *Вестник Башкирского государственного медицинского университета*. 2022. № S4. С. 9–19.
13. *Бобров Д.В.* Корпоративная социальная политика: теоретические основы и методические аспекты. М.: ООО «Русайнс», 2023. 220 с.
14. *Смирнова Т.В.* Корпоративная социальная политика как фактор формирования мотивации сотрудников // *Журнал социологических исследований*. 2020. Т. 5. № 4. С. 18–24.
15. *Антонова О.А.* Корпоративная социальная поддержка и человеческий капитал как составляющие социальной политики региона // *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: Сборник научных статей / Редакторы О.А. Козлова [и др.]. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2023. С. 113–124. <https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-1>*
16. *Волков В.В., Белоконев С.Ю.* ESG-повестка и устойчивость развития промышленного предприятия: методология комплексной оценки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2022. Т. 9. № 3. С. 225–234. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-3-225-234>

Информация об авторах:

Волков Вадим Витальевич — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета (e-mail: green.abc@ya.ru).

Белоконев Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, директор Института глобальных исследований Финансового университета при правительстве РФ; доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-44-54

EDN: XXPPAG

Научная статья / Research article

Цифровые атташе в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: на примере использования цифровых платформ и экосистем

Б.Д. Нуриев

Государственный университет управления,
109542, Российская Федерация, Москва, Рязанский просп., д. 99

✉ nurievbd@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос формирования стратегии деятельности цифровых атташе, которые в настоящее время поэтапно формируются при некоторых дипломатических представительствах России. Подчеркивается, что экономическая безопасность страны в условиях цифровых трансформаций и переживаемого ныне геополитического разлома будет во многом определяться грамотной и взвешенной политикой по защите интересов российского бизнеса за рубежом. Объектом проведенного нами исследования можно обозначить деятельность цифровых атташе, направленную на поддержку российских ИТ-компаний. При этом делается акцент на том факте, что ряд известных российских ИТ-компаний формируют собственные цифровые платформы. В качестве предмета исследования выступает механизм взаимодействия между цифровыми атташе, отечественными разработчиками и собственниками цифровых платформ. Предполагается, что слаженная работа в данном направлении будет способствовать достижению тех задач, которые поставлены перед цифровыми атташе. Автором акцентируется внимание на том факте, что в процессе выстраивания работы с цифровыми платформами необходимо учитывать такие важные факторы, как специфика хозяйственной жизни страны базирования цифровых атташе, а также нормы национального права, регламентирующие ведение бизнеса. Автором дан анализ отечественной и зарубежной научной литературы по вопросам регулирования деятельности цифровых платформ, при этом подчеркивается, что правовой механизм, регламентирующий сотрудничество цифровых атташе и ИТ-компаний, пока еще не получил своего четкого нормативного очертания. В работе акцентируется внимание на том, что эффективная деятельность цифровых атташе является важным фактором в деле обеспечения экономической безопасности страны.

Ключевые слова: экономическая безопасность государства, цифровые атташе, цифровая платформа, цифровая экосистема, национальное законодательство, структура экономики

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 01.12.2023. Статья принята к публикации: 10.01.2024.

© Нуриев Б.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Нуриев Б.Д. Цифровые атташе в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: на примере использования цифровых платформ и экосистем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 44–54. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-44-54>

Digital Attaches in the System of Ensuring Economic Security of the Russian Federation: Using Digital Platforms and Ecosystems as an Example

Bulat D. Nuriev

State University of Management,
99 Ryazansky prospect, Moscow, 109542, Russian Federation

✉ nurievbd@mail.ru

Abstract. The study deals with the issue of forming a strategy for the activities of digital attaches, which are currently being gradually formed at some diplomatic missions of Russia. It is emphasized that the economic security of the country in the context of digital transformations will largely be determined by a competent and balanced policy to protect the interests of Russian business abroad. The object of our research can be identified as the activities of digital attaches aimed at supporting Russian IT companies. At the same time, emphasis is placed on the fact that a number of well-known Russian IT companies are forming their own digital platforms. The subject of the study is the mechanism of interaction between digital attaches and domestic developers and owners of digital platforms. It is assumed that smoothed work in this direction will contribute to the achievement of the tasks assigned to digital attaches. The author focuses on the fact that in the process of building work with digital platforms, it is necessary to take into account such important factors as the specifics of the economic life of the country where the digital attaches are based, as well as national legal norms regulating business. The author analyzes domestic and foreign scientific literature on the regulation of digital platforms, while emphasizing that the legal mechanism regulating the cooperation of digital attaches and IT companies has not yet received its clear regulatory outline. The study focuses on the fact that the effective activity of digital attaches is an important factor in ensuring the economic security of the country.

Keywords: economic security state, digital attaches, digital platform, digital ecosystem, national legislation, economic structure

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.12.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Nuriev B.D. Digital Attaches in the System of Ensuring Economic Security of the Russian Federation: Using Digital Platforms and Ecosystems as an Example. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):44–54. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-44-54>

Введение

Цифровые трансформации порождают так называемую новую реальность, о которой уже немало написано в российской научной литературе. Заметим лишь, что суть данных трансформаций заключается в децентрализации управления, в пересмотре процесса правового

регламентирования жизни общества, том числе и в сфере его хозяйственного уклада [1]. Российское Правительство, понимая всю важность данного вопроса, в сентябре 2021 г. утвердило «План мероприятий («дорожная карта») «Создание дополнительных условий для развития отрасли информационных технологий» (далее — Дорожная карта), на основе которого в настоящее время ведется работа по формированию института цифровых атташе [2]. В настоящее время цифровые атташе функционируют в двадцати шести странах: Азербайджане, Алжире, Аргентине, Армении, Белоруссии, Бразилии, Вьетнаме, Египте, Индии, Индонезии, Иране, Казахстане, Кыргызстане, Китае, Кубе, Малайзии, Марокко, Монголии, ОАЭ, Пакистане, Перу, Сербии, Таиланде, Турции, Узбекистане и ЮАР [3]. В дальнейшем их количество может быть увеличено. Основной целью данных учреждений является продвижение интересов российских ИТ-компаний за рубежом. Добавим, что цифровые атташе ведут свою деятельность при торговых представительствах [4]. В этой связи видится вполне уместным вопрос о том, какими могут быть первые шаги цифровых атташе в обозначенном направлении в условиях переживаемого ныне геополитического разлома. Как известно, активное внедрение цифровых инноваций сопряжено с процессом перехода торговых сделок на принцип трансграничности, что несет с собой необходимость пересмотра уже ставших привычными форм и методов международной коммерции. Более того, в условиях новой реальности особую важность приобретает и вопрос обеспечения экономической безопасности государства. Как в стремительно меняющемся мире организовать продвижение интересов российского ИТ-бизнеса, максимально защитив интересы государства — данную проблему, пожалуй, можно назвать ключевой для цифровых атташе. В этой работе нами будет сделана попытка обозначить тот вектор, который в перспективе сможет стать одним из основных направлений в деятельности цифровых атташе.

Методы исследования и материалы

В ходе проведения исследования нами был использован такой ключевой эмпирический метод, как изучение опубликованного ранее материала по обозначенной теме. Нами был охвачен достаточно обширный пласт работ, опубликованных как в России, так и за рубежом. Необходимо заметить, что затрагиваемую нами проблему можно охарактеризовать как новую для гуманитарного знания. Данное обстоятельство объясняется тем, что формирование цифровых атташе как некоего института публичной власти происходит на наших глазах. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет констатировать, что в настоящее время только в России и США начат процесс к переходу защиты собственных экономических интересов в виртуальном мире посредством дипломатических представительств. Более того, четкого, научно обоснованного понимания того, что именно будет входить

в полномочия цифровых атташе в текущий период их функционирования, нами не выявлено.

Тем не менее, необходимо признать, что в России накоплен и разработан достаточно внушительный пласт теоретического материала по сопряженным направлениям, таким как обеспечение экономической безопасности в условиях цифровых трансформаций, цифровизация международной торговли, поддержка отечественного бизнеса за рубежом и др. Из этого блока работ, думается, стоит выделить монографические исследования Е.М. Стырина [5], Э.Т. Шафиевой [6], О.В. Никулиной [7], а также коллективные публикации в рецензируемых научных изданиях А.И. Денисовой, О.М. Писаревой, С.А. Суязовой [8] и Е.М. Стырина, Н.Е. Дмитриевой, Л.Х. Синятуллиной [9]. Также нами были учтены выводы наших коллег, которые содержатся в их диссертационных работах. Так, например, невозможно обойти вниманием исследование С.С. Красных, в котором рассматриваются признаки трансформаций в сфере международной торговли в условиях цифровизации [10].

Заметим также, что и зарубежные специалисты уже длительное время активно исследуют проблемы по тем направлениям, которые так или иначе пересекаются с объектом нашего исследования. Особенно хотелось бы выделить исследования зарубежных исследователей в сфере маркетинга и менеджмента [11]. Более того, в последние годы проблемы применения цифровых платформ в государственном секторе экономики, целесообразности и эффективности их использования, определения их правового статуса др. стали предметом широкого обсуждения. Заслуживают внимания, на наш взгляд, материалы конференции по вопросам торговли и экономического развития, которая была проведена при содействии Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН весной 2020 г. [12]. В выступлениях участников данного форума неоднократно высказывалась озабоченность по поводу возможного ущемления прав так называемых догоняющих экономик в силу того, что в условиях сегодняшнего дня производство цифровых технологий требует большого вливания капитала. Необходимо обратить внимание также на исследовательскую работу, которая ведется в странах Европейского Союза. Так, в качестве примера можно выделить коллективную работу исследователей «Цифровые платформы для европейского малого и среднего бизнеса», изданную под эгидой Еврокомиссии в 2019 г., где авторы выражают опасение по поводу концентрации ресурсов в руках крупных ИТ-компаний в условиях стремительной цифровизации международной торговли [13].

Добавим, что в границах тех возможностей, которые предоставляет уровень разработанности обозначенной темы, нами был применен сравнительно-исторический метод познания. В частности, в ходе проведения исследования были использованы ключевые нормативно-правовые акты России и зарубежных стран, регламентирующие общественные отношения в сфере цифровизации международной торговли [14].

Результаты

В условиях сегодняшнего дня цифровая платформа является крайне важным фактором в системе обеспечения национальной безопасности. Под понятием «цифровая платформа» следует понимать некую виртуальную площадку, которая позволяет ее посетителям или участникам вести коммерческую деятельность. Министерство экономического развития Российской Федерации дает следующую трактовку данному понятию: ««Цифровая платформа» — это бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией, включая предоставление продуктов, услуг, информации собственного производства» [15].

Добавим, что в последние годы широкое распространение получило такое понятие, как цифровая экосистема. Несмотря на тот факт, что концептуальная сущность обоих терминов примерно одинакова, между ними есть одно важное различие. Цифровая платформа нацелена на поиск прежде всего поставщика, в силу чего она более национально или территориально ориентирована. Образно говоря, это некий виртуальный хаб, выстроенный в виртуальном мире и в силу объективных причин имеющий локацию. Ему присущи некоторые виды сквозных цифровых технологий, такие как мессенджеры, интернет вещей, нередко — предоставление клиенту возможность пользоваться технологией распределенного реестра. Экосистема нацелена, прежде всего, на конечного потребителя. Она выстраивается в соответствии с запросами и желаниями потребителей, то есть клиентоцентрична. Иначе говоря, экосистема изначально выстраивается под определенную нишу потребителей. Принцип территориальности, как нам видится, более соотносим с цифровой платформой, нежели с более глобальной экосистемой. Так, например, производитель определенного широко известного бренда одежды в виртуальном мире будет нацелен на установление контакта с конечным потребителем своего товара либо по всему миру, либо в очень широких территориальных границах, что подразумевает активное использование цифровой экосистемы. Однако потребитель той или иной территории или региона, понимая важность вопроса доставки товара или получения услуги, ожидаемо будет ориентирован на ту виртуальную площадку, которая формируется по принципу территориальности, то есть на цифровые платформы. Учитывая тот факт, что цифровые атташе реализуют свою деятельность в границах того или иного государства, термин «цифровая платформа» будет более уместен в данном исследовании. При этом, говоря о цифровой платформе, мы будем иметь в виду и цифровую экосистему, так как в ряде случаев четкую грань между этими понятиями провести достаточно сложно.

Подчеркнем также, что цифровые платформы представляют собой, пожалуй, самый яркий пример трансграничного характера цифровой экономики, что наделяет их огромными конкурентными преимуществами по сравнению с иными способами ведения международного бизнеса и продвижения товара. Безусловно, невозможно сравнить эффективность от использования глобальных цифровых платформ и, например, от участия в международной

выставке или симпозиуме. Если в первом случае круг потенциальных покупателей либо контрагентов ограничен только лишь возможностью выхода в сеть Интернет, то иные международные форумы ограничены целым рядом иных факторов. Данное обстоятельство способствует широкому распространению цифровых платформ в международной торговле и постепенному вытеснению прежних способов продвижения товара или услуги на межгосударственном уровне.

Своего рода архитекторами цифровых платформ в подавляющем большинстве являются ИТ-компании. Например, всемирно известный холдинг Apple, использование продукции которого ограничено на территории Российской Федерации на момент подготовки данного материала. Холдинг, он же и владелец нескольких цифровых платформ, изначально формировался как компания, основной деятельностью которой был сбор компьютеров. Сегодня же аффилированная с ним Apple Store представляет собой одну из наиболее популярных в мире цифровых площадок, позволяющая осуществлять покупки миллионам пользователей, и включающая в себя широкий спектр услуг от банальной торговли предметами быта до осуществления сделок, предметом которых являются инновационные технологические разработки. Отдельно стоит упомянуть и о принадлежащих той же компании Apple магазине приложений App Store, предоставляющий своим клиентам широкий спектр виртуальных возможностей, в число которых входят образовательные программы от известных университетов и специалистов, организация путешествий в формате индивидуальных туров, а также иные новаторские по меркам сегодняшнего дня виртуальные услуги. К числу лидеров в мировой торговле товаров и услуг причисляют и такие цифровые платформы, как Microsoft, Amazon, Netflix, Tencent, Alibaba, Samsung и др. [12. С. 22].

Российские цифровые платформы также шаг за шагом осваивают мировое виртуальное пространство. В последнее время далеко за пределами страны широкую популярность получила компания Яндекс. В сентябре 2020 г. после проведения ребрендинга громко заявил о себе Сбер, правда, идентифицирующий себя в качестве экосистемы. Также нельзя не упомянуть о таких площадках, как VK и Тинькофф. Как нам видится, продвижение на зарубежный рынок компаний, которые являются разработчиками наиболее значимых отечественных цифровых платформ, может стать некой отправной точкой в деле определения стратегии деятельности цифровых атташе на текущем этапе их деятельности. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос выработки методов взаимодействия цифровых атташе и компаний, являющимися собственниками цифровых платформ.

Думается, нет смысла углубляться в такие вопросы, как защита государственной или коммерческой тайны, или в проблемы соблюдения авторских прав в виртуальном пространстве. Понятно, что любая цифровая платформа может стать источником той информации, распространение которой может нанести ущерб государству, бизнесу и отдельным гражданам. Учитывая, тот факт, что объектом данного исследования является механизм взаимодействия

между органами власти в лице дипломатических представительств, с одной стороны, и цифровыми инновациями на примере цифровой платформы, с другой стороны, нами будет затронут ряд вопросов, которые в совокупности определяют формы данного взаимодействия.

Примечательно, что правовые основы данного взаимодействия могут быть различными. Так, например, формула соглашения концессии, как видится, вполне пригодна для реализации таких проектов, как, например, продвижение на зарубежный рынок государственных услуг и товаров. Заметим лишь, что тема правового обеспечения сотрудничества цифровых атташе как стороны, представляющей интересы государства, и собственников цифровых платформ чрезвычайно нова и пока еще не изучена, а обсуждение подобного рода сугубо правовых вопросов выведет нас за рамки заявленного объекта исследования.

Исходя из того, что одной из основных задач деятельности цифровых атташе является поддержка российских ИТ-компаний в стране базирования дипломатического представительства, остановимся на тех основных методах, которые, как нам видится, будут способствовать достижению обозначенной цели в более короткие сроки.

Во-первых, механизм взаимодействия цифровых платформ и цифровых атташе может быть выстроен исходя из специфики хозяйственного уклада страны пребывания дипломатического корпуса. При этом особое внимание, на наш взгляд, следует уделить факторам или участникам формирования совокупного предложения на данной территории, так как совокупное предложение определяет специфику национальной экономики того или иного государства. Цифровая платформа в данном случае, выполняя функции посредника между поставщиком товаров и услуг и российским контрагентом, имеет хорошие шансы упрочить собственные позиции в виртуальном пространстве этого государства. Например, говоря об экономике ЮАР, стоит выделить, прежде всего, добывающую промышленность, которая является основой экономики данного государства. В этой стране традиционно на высоком уровне находится уровень добычи золота, платины, алмазов, экспорт которых формирует основную часть дохода государственной казны от внешней торговли. В структуре экономик ряда стран, представленных в списке, значимое место занимает сфера туризма, что также не должно уйти от внимания разработчиков цифровых платформ и дипломатических представительств. Особо подчеркнем, что учет интересов наших зарубежных партнеров в лице производителей товара и поставщика услуг в стране базирования цифрового атташе, а также налаживание взаимовыгодного сотрудничества, как видится, будут только способствовать укреплению позиций отечественных цифровых платформ за рубежом.

Во-вторых, механизм взаимодействия цифровых атташе и цифровых платформ должен быть построен с учетом специфики коммерческого права в стране пребывания дипломатического представительства. С точки зрения продвижения российского бизнеса за рубежом особую значимость

приобретают и такие отрасли, как предпринимательское, корпоративное и банковское право. Например, в некоторых странах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии в последние годы широкое распространение получил так называемый исламский банкинг, концептуальная суть которого заключается в запрете на использование ставки процента как цены ликвидности. В этой связи особо хочется подчеркнуть значимость таких стран, как ОАЭ, Марокко, Египет, Иран и Турция, в которых, согласно принятой программе, сформированы цифровые атташе на первом этапе. Несмотря на то, что все эти государства принадлежат к так называемому «миру ислама», законодательство в них имеет свои особенности, так как правовые традиции в этих странах в течение столетий формировались под воздействием различных школ и направлений [16. С. 9–20]. Безусловно, для успешного продвижения российских цифровых платформ, да и российского бизнеса в целом крайне важно понимать особенности ведения торговли, кредитования, осуществления иных незапрещенных в этих странах сделок. Конечно же, большое внимание должно быть уделено и административному, уголовному, налоговому и другим видам законодательства. Думается, что по мере укрепления позиций отечественных компаний на зарубежных рынках актуализируется вопрос их участия в виртуальной жизни гражданского общества этих стран, поэтому правовые особенности деятельности НКО как ключевого игрока некоммерческого сектора также станут весьма актуальными.

Обсуждение

Результаты проведенного нами исследования во многом новы для российского исследователя, что существенно затрудняет выявление и обсуждение тех или иных спорных положений. Тем не менее, думается, что, используя уже оформившийся дискурс в рамках сопряженных тем, можно найти те вопросы, которые могут быть вполне дискуссионными. В этой связи хотелось бы остановиться на такой крайне важной проблеме, как формирование государственных цифровых платформ, которая была детально рассмотрена в ранее упоминавшейся работе Е.М. Стырина [5].

Действительно, как показывает практика, государственная цифровая платформа крайне необходима для более эффективной деятельности субъектов государственного и муниципального управления. Ярким подтверждением тому является отечественный портал Госуслуги. В этой связи хочется заметить, что для того, чтобы учреждения, аффилированные с публичной властью, выступали участником гражданско-правовых отношений коммерческого характера, необходимо соблюдение крайне важного условия — реализации специальной правоспособности. Специальная правоспособность реализуема в секторе предоставления государственных услуг в силу того, что данные услуги обладают свойством так называемого общественного блага, а значит и невозможностью быть объектом коммерческой деятельности. Однако те услуги, которые предлагают современные отечественные

и западные цифровые платформы, данной особенностью не обладают. Эти услуги реализуются в условиях рыночных отношений. Безусловно, государственная поддержка в развитии цифровых технологий, в деле поддержки отечественных ИТ-компаний крайне необходима. Понятно, что для этих целей и создаются цифровые атташе. На наш взгляд, данная поддержка может быть оказана, в том числе и в предусмотренных законодателем организационно-правовых формах, например, в формате публично-частного партнерства.

Заключение

В качестве заключения нам бы хотелось обозначить следующие ключевые положения:

- Понимание экономической безопасности в условиях новой реальности подвергается переосмыслению. В целях обеспечения интересов российских ИТ-компаний за рубежом российские власти предпринимают важные меры, среди которых особое место занимает организация цифровых атташе, которые, как предполагается, будут функционировать при торговых представительствах Российской Федерации.
- Новым учреждениям крайне важно верно определить первые шаги по реализации тех задач, которые обозначены в Дорожной карте, речь о которой шла выше. В этих условиях на первый план выходит проблема выявления того направления, которое обеспечит эффективное выполнение задач. Как нам видится, налаживание сотрудничества с российскими цифровыми платформами может стать своего рода содержанием данного этапа.
- Цифровая платформа предоставляет ту самую виртуальную площадку, которая, как нам видится, наиболее эффективна в продвижении интересов российских ИТ-компаний за рубежом. Цифровая платформа — это, как правило, продукт, созданной ИТ-компанией, либо иной коммерческой организацией, активно осваивающей цифровые инновации. При этом под понятием цифровая платформа, нами имеется в виду и цифровая экосистема.
- Сотрудничество с цифровыми платформами может быть выстроено в соответствии с такими критериями, как особенность рынка товаров и услуг в стране пребывания цифровых атташе, интересы российского бизнеса в этой стране, особенности законодательства этой страны.

Итак, архитектура экономической безопасности Российской Федерации в настоящее время подвергается переосмыслению. Со стороны органов государственной власти предпринимаются значимые шаги в данном направлении, о чем свидетельствуют инициативы по учреждению цифровых атташе при дипломатических представительствах. Безусловно, цифровые атташе в условиях сегодняшнего дня — это крайне важный шаг в деле обеспечения цифрового суверенитета страны. Уверены, что вопрос формирования стратегии их деятельности заслуживает особого внимания российских специалистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Смирнов Е.Н., Поспелов С.В., Нуриев Б.Д. К вопросу о влиянии цифровых трансформаций на регулирование международной электронной коммерции // *Дискуссия*. 2021. № 4 (107). С. 21–28.
2. План мероприятий («дорожная карта») «Создание дополнительных условий для развития отрасли информационных технологий» (утв. Правительством РФ 9 сентября 2021 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402692050> (дата обращения: 22.12.2023).
3. Официальный сайт Российского фонда развития информационных технологий. URL: https://rfrit.ru/sluzhba_tcifrovoi_attashe (дата обращения: 22.12.2023).
4. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41424> (дата обращения: 22.12.2023).
5. *Стырин Е.М.* Государственные цифровые платформы. Формирование и развитие. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. 189 с.
6. *Шафиева Э.Т.* Формирование цифровой платформы агропромышленного комплекса региона. Нальчик: Принт Центр, 2020. 168 с.
7. *Никулина О.В.* Влияние валютной политики на развитие международной торговли в условиях цифровизации мировой экономики. М.: Прондо, 2020. 195 с.
8. *Денисова А.И., Писарева О.М., Суязова С.А.* Анализ международной практики разработки и внедрения цифровых платформ в сфере публичного управления // *E-Management*. 2020. № 3. С. 34–44.
9. *Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Синятуллина Л.Х.* Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019. № 4. С.31–60.
10. *Красных С.С.* Развитие внешнеторговой деятельности регионов в условиях цифровизации международной торговли: дисс. ... канд. экон. наук. Екатеринбург: ФГБУН Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 2021. 164 с.
11. *Chaffey D., Eliss-Chadwick F.* Digital Marketing. London: Person Education Limited, 2016. 702 p.
12. Digital Economy Report 2021. New York: United Nations Publications, 2021. 238 p.
13. Digital platform innovation in European SMEs. European Union, 2019. 70 p.
14. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Data Governance (Data Governance Act). URL: <http://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/data-governance-act> (дата обращения: 22.12.2023).
15. Официальный сайт Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem (дата обращения: 22.12.2023).
16. *Нуриев Б.Д.* Правовые основы исламской модели экономики и банковского дела: учебное пособие для вузов. Москва: Изд-во Юрайт, 2020. 111 с.

REFERENCES

1. Smirnov E.N., Pospelov S.V., Nuriev B.D. K voprosu o vliyaniy cifrovyyh transformacij na regulirovanie mezhdunarodnoj elektronnoj kommercii [On the Impact of Digital Transformations on the Regulation of International Electronic Commerce]. *Discussion*. 2021; 4 (107): 21–28 (In Russ.).
2. Plan meropriyatij (“dorozhnaya karta”) “Sozdanie dopolnitel’nyh uslovij dlya razvitiya otrasli informacionnyh tekhnologij” (utv. Pravitel’svom RF 9 sentyabrya 2021 g.) [Action Plan (“Roadmap”) “Creation of Additional Conditions for the Development of the Information Technology Industry” (approved by the Government of the Russian Federation on September 9, 2021)]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402692050> (accessed: 22.12.2023) (In Russ.).

3. *Oficial'nyj sajt Rossijskij fond razvitiya informacionnyh tekhnologij* [Official website of the Russian Foundation for the Development of Information Technologies]. URL: https://rfrit.ru/sluzhba_tcifrovoi_atlashe (accessed: 22.12.2023) (In Russ.).
4. *Oficial'nyj sajt Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii* [Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41424> (accessed: 22.12.2023) (In Russ.).
5. Styrin E.M. *Gosudarstvennye cifrovyje platformy. Formirovanie i razvitie*. [State Digital Platforms. Formation and Development]. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics; 2021. 189 p. (In Russ.).
6. Shafieva E.T. *Formirovanie cifrovoj platformy agropromyshlennogo kompleksa regiona*. [Formation of a Digital Platform for the Agro-industrial Complex of the Region]. Nalchik: Print Center; 2020. 168 p. (In Russ.).
7. Nikulina O.V. *Vliyanie valyutnoj politiki na razvitie mezhdunarodnoj trgovli v usloviyah cifrovizacii mirovoj ekonomiki*. [Influence of Monetary Policy on the Development of International Trade in the Conditions of Digitalization of the World Economy]. Moscow: Prondo; 2020. 195 p. (In Russ.).
8. Denisova A.I., Pisareva O.M., Suyazova S.A. Analiz mezhdunarodnoj praktiki razrabotki i vnedreniya cifrovyh platform v sfere publicnogo upravleniya [Analysis of International Practice of Development and Implementation of Digital Platforms in the Field of Public Administration]. *E-Management*. 2020;3:34–44 (In Russ.).
9. Styrin E.M., Dmitrieva N.E., Sinyatullina L.H. Gosudarstvennye cifrovyje platformy: ot koncepta k realizacii [State Digital Platforms: From the Concept to Be Implemented]. *Issues of State and Municipal Administration*. 2019;4:31–60 (In Russ.).
10. Krasnyh S.S. *Razvitie vneshnetorgovoj deyatel'nosti regionov v usloviyah cifrovizacii mezhdunarodnoj trgovli: diss. ... kand. ekon. nauk*. [Development of Foreign Trade Activity of Regions in the Conditions of Digitalization of International Trade: diss. ... candidate of economic sciences.] Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2021. 164 p. (In Russ.).
11. Chaffey D., Eliss-Chadwick F. *Digital Marketing*. London: Person Education Limited; 2016. 702 p.
12. *Digital Economy Report 2021*. New York: United Nations Publications; 2021. 238 p.
13. *Digital Platform Innovation in European SMEs*. European Union; 2019. 70 p.
14. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Data Governance (Data Governance Act). URL: <http://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/data-governance-act> (accessed: 22.12.2023).
15. *Oficial'nyj sajt Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii* [Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem (accessed: 22.12.2023) (In Russ.).
16. Nuriev B.D. *Pravovye osnovy islamskoj modeli ekonomiki i bankovskogo dela: uchebnoe posobie dlya vuzov*. [The Legal Foundations of the Islamic Model of Economics and Banking: A Textbook for Universities]. Moscow: Uright Publishing House; 2020. 111 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Нуриев Булат Дамирович — кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0001-8434-2419) (e-mail: nurievbd@mail.ru).

Information about the author:

Bulat D. Nuriev — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Management, State University of Management (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8434-2419) (e-mail: nurievbd@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-55-71

EDN: VQUTCZ

Научная статья / Research article

Влияние государственной политики Российской Федерации в области демографии и здравоохранения на качество жизни населения

М.В. Александрова , Е.А. Маслюкова , О.В. Юткина

Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69

 katrinamas@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности государственной политики в области демографии и здравоохранения, особое внимание уделяется анализу основных показателей качества жизни населения, а также уже достигнутых результатов в рамках национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение». Выявлены проблемы низкого уровня продолжительности жизни населения и снижения уровня рождаемости. По результатам мониторинга национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение» сделан вывод о том, что они взаимосвязаны между собой и достичь целевых показателей возможно только путем успешной реализации обоих национальных проектов. Исходя из этого, в рамках исследования предложены мероприятия, направленные на совершенствование государственной политики в области демографии и здравоохранения, в том числе обоснована необходимость усиления мер, направленных на борьбу с новообразованиями, в том числе злокачественными, что в свою очередь позитивно отразится на качестве жизни населения страны.

Ключевые слова: качество жизни, население, государственная политика, демография, здравоохранение, национальные проекты, государственные программы, социальная политика, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, численность населения, безработица, прожиточный минимум

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 01.12.2023. Статья принята к публикации: 10.01.2024.

Для цитирования:

Александрова М.В., Маслюкова Е.А., Юткина О.В. Влияние государственной политики Российской Федерации в области демографии и здравоохранения на качество жизни населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 55–71. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-55-71>

© Александрова М.В., Маслюкова Е.А., Юткина О.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Impact of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Demography and Health-Care on the Quality of Life of the Population

Margarita V. Alexandrova , Ekaterina A. Maslyukova ,
Olga V. Yutkina

Russian State University of Justice,
69 Novocheremushkinskaya St, Moscow, 117418, Russian Federation

 katrinamas@mail.ru

Abstract. The study examines the features of state policy in the field of demography and health care, special attention is paid to the analysis of the main indicators of the quality of life of the population, as well as the results already achieved within the framework of the national projects “Demography” and “Health Care”. The problems of low life expectancy of the population and a decrease in the birth rate have been identified. Based on the results of monitoring of the national projects “Demography” and “Health Care”, it was concluded that they are interconnected and it is possible to achieve the targets only through the successful implementation of both national projects. Based on this, the research suggests measures aimed at improving state policy in the field of demography and health, including the need to strengthen measures aimed at combating neoplasms, including malignant ones, which in turn will have a positive impact on the quality of life of the country’s population.

Keywords: quality of life, population, public policy, demography, healthcare, national projects, government programs, social policy, fertility, mortality, life expectancy, population, unemployment, cost of living

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.12.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Alexandrova M.V., Maslyukova E.A., Yutkina O.V. Influence of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Demography and Healthcare on the Quality of Life of the Population. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):55–71. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-55-71>

Введение

Формирование и развитие государственного управления, направленного на удовлетворение социальных потребностей населения, привело к постановке задачи определения влияния государственной политики на качество жизни населения, а также выявления ряда показателей для его оценки.

Качество жизни населения является интегрированным показателем. С одной стороны, он зависит от размера как номинальных, так и реальных доходов населения, в том числе средней заработной платы, пенсии, установленной величины прожиточного минимума и пр. С другой стороны, качество жизни населения зависит от материальной и инфраструктурной составляющей, которую обеспечивает государство, и определяется качеством оказания медицинских и образовательных услуг, сферы услуг и культуры, а также состоянием окружающей среды и др. [1].

На показатели качества жизни населения существенное влияние оказывает уровень медицинского обслуживания. Экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, показал мировому сообществу недостаточную эффективность и результативность принимаемых государственных мер в области здравоохранения. Также с целью повышения качества жизни населения необходимо формировать мотивацию граждан к здоровому образу жизни, создавать условия для занятий физической культурой и спортом, а также осуществлять финансовую поддержку семей при рождении детей в рамках реализации национального проекта «Демография».

Методика

Методика исследования основывалась на изучении, обобщении, систематизации полученных знаний в сфере проведения государственной политики в области демографии и здравоохранения.

Цель исследования — выявление проблем реализации государственной политики в области демографии и здравоохранения и выбор приоритетных направлений ее совершенствования.

Для достижения этой цели решены следующие задачи: изучены механизмы проведения государственной политики в области демографии и здравоохранения; осуществлен мониторинг показателей социально-экономического развития РФ; проанализирован уровень реализации национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение»; выявлены актуальные проблемы осуществления государственной политики в области демографии и здравоохранения и предложены рекомендации по их решению с целью повышения качества жизни населения.

Результаты

Для оценки влияния государственных программ в области демографии и здравоохранения на качество жизни населения рассмотрим динамику изменения этих показателей за 2018–2021 гг. (табл. 1).

Анализируя данные, представленные в таблице 1, можно сделать выводы:

- валовой внутренний продукт ежегодно увеличивается, точно так же, как и в 2021 г., что связано с ростом цен на энергоресурсы, а также ростом спроса на внутренний туризм из-за сохранявшихся ковидных ограничений на посещение ряда стран;
- численность населения за исследуемый период имеет постоянную тенденцию к снижению, а в 2021 г. снизилась по сравнению с 2020 г. на 0,4%, то есть на 800 тыс. чел.;
- численность безработных пропорционально снижалась за исследуемый период, за исключением 2020 г., но в 2021 г. показатель был ниже уровня 2018 г.;

Таблица 1

**Основные показатели качества жизни населения Российской Федерации
за период 2018–2021 гг. [2]
The main indicators of the quality of life of the population of the Russian Federation
for the period 2018–2021 [2]**

Показатель / Indicator	Ед. изм. / The unit of measurement	2018	2019	2020	2021	Откл. 2021 г. к 2020 г., % / Deviation of 2021 to 2020, %	Откл. 2021 г. к 2018 г., % / Deviation of 2021 to 2018, %
Валовой внутренний продукт / Gross domestic product	млрд руб. / bln rubles	103862	109242	106967	130795	122,3	125,9
Численность населения / Population	млн чел. / mln ppl.	146,8	146,7	146,2	145,6	99,6	99,2
Среднегодовая численность занятых / The average annual number of employed	тыс чел. / thous. ppl.	71562	71064	69550	70818	101,8	99,0
Численность безработных / The number of unemployed	тыс чел. / thous. ppl.	3 658	3 465	4 321	3 631	84,0	99,3
Общая численность пенсионеров / The total number of pensioners	млн чел. / mln ppl.	46,1	46,5	42,9	42,0	97,9	91,1
Ожидаемая продолжительность жизни / Life expectancy	лет / years	72,9	73,3	71,5	70,1	98,0	96,2
Величина прожиточного минимума / The cost of living	руб. / rub.	10287	10890	11312	11653	103,0	113,3
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций / The average monthly nominal accrued salary of employees of organizations	руб. / rub.	43724	47867	41352	57244	138,4	130,9
Средний размер назначенных пенсий / The average amount of assigned pensions	руб. / rub.	13360	14904	15745	16884	107,2	126,4
Индекс человеческого развития / Human Development Index	-	0,824	0,824	0,824	0,824	-	-

В целях повышения уровня защищенности и расширения возможностей трудоустройства безработных граждан в России реализуется государственная политика в сфере занятости населения. При этом в каждом регионе существуют особенности, которые необходимо принимать во внимание при разработке региональных программ, что позволит повысить эффективность государственных инструментов политики занятости [3].

- среднедушевые денежные доходы населения имеют тенденцию к росту, однако такой рост является слишком незначительным по отношению к уровню инфляции;
- отмечается положительная динамика роста показателя среднемесячной номинальной начисленной заработной платы около 10 %, за исключением 2020 г., но в 2021 г. рост составил более 38 %;
- средний размер назначенных пенсий ежегодно показывает положительный рост;
- по данным 2021 г., Россия заняла 52-е место в рейтинге всех стран по индексу человеческого развития и попала в группу с классификацией «очень высокий уровень человеческого развития», однако мы находимся в нижней части данной группы и по некоторым критериям отстаем.

В целях осуществления социально-экономического развития страны увеличения численности населения и увеличения доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 Правительством Российской Федерации разработан национальный проект «Демография» на период до 2024 г.

Задачи повышения качества жизни российского старшего поколения отражены и в нацпроекте «Демография», и в федеральном проекте «Старшее поколение», где поставлены очень амбициозные цели: увеличение не только продолжительности жизни, но и продолжительности здоровой жизни, снижение уровня смертности, создание системы непрерывного образования.

В такой сложившейся экономической ситуации возрастает роль государства, одной из главных целей которого является обеспечение и повышение уровня качества жизни населения, в том числе путем внедрения цифровых технологий [4].

Национальный проект «Демография» способствует решению задач по укреплению здорового образа жизни и стимулированию рождаемости следующими способами: формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни; создание условий для занятий физической культурой и спортом; системная поддержка и повышение качества жизни граждан старшего поколения; финансовая поддержка семей при рождении детей, а также содействие занятости женщин путем создания условий доступного дошкольного образования.

Одним из важных показателей национального проекта «Демография» является суммарный коэффициент рождаемости. Наиболее заметный скачок суммарного коэффициента рождаемости пришелся на 2006–2015 гг., что объясняется активизацией государственной демографической политики (введением дополнительных мер стимулирования рождаемости, в частности «материнского капитала»). Однако с 2016 г. наблюдается тенденция снижения данного показателя.

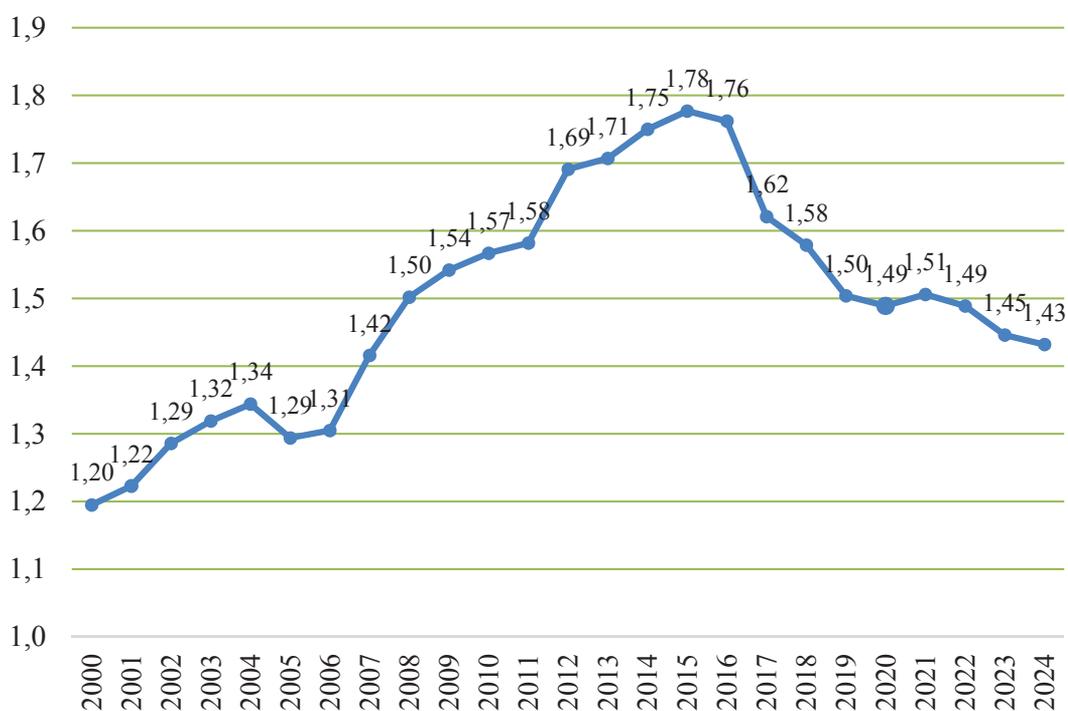

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России в 2000–2024 гг. (на 1 женщину) [2]

Fig. 1. Dynamics of the total fertility rate in Russia in 2000–2024 (per 1 woman) [2]

Основным инструментом по повышению суммарного коэффициента рождаемости к 2024 г. является федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей». Общий объем финансирования проекта составит 4225 млрд руб., или 90,96 % от общего объема финансирования по национальному проекту.

Рассмотрим более детально основные показатели национального проекта «Демография» (табл. 2).

Анализируя вышеприведенные данные в таблице 2, можно заметить, что результаты почти всех запланированных показателей не достигнуты, несмотря на уровень исполнения бюджетных расходов.

Таблица 2

Основные показатели национального проекта «Демография» [5] Main indicators of the national project “Demography” [5]

Показатели национального проекта	Ед. изм. / units of measurement	Период, год / Period, year					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни / The proportion of citizens leading a healthy lifestyle	%	9,0	9,5	10,0	10,5	11,0	11,5
Розничные продажи алкогольной продукции на душу населения / Retail sales of alcoholic beverages per capita	литр чистого спирта на душу населения / liter of pure alcohol per capita	6,38	6,30	6,23	6,15	6,08	6,0
Розничные продажи сигарет и папирос на душу населения / Retail sales of cigarettes per capita	тысяч штук / thousands of pieces	1,40	1,35	1,30	1,25	1,20	1,15
Среднее время ожидания места для получения дошкольного образования детьми в возрасте от 1,5 до 3 лет / The average waiting time for a place to receive preschool education for children aged 1,5 to 3 years	месяцы / months	3,7	3,7	3,7	3,7	3,7	3,7
Количество дополнительно созданных мест с целью обеспечения дошкольным образованием детей в возрасте до 3 лет нарастающим итогом / The number of additional places created in order to provide preschool education for children under the age of 3 with an increasing total	тысяч мест / thousands of places	87,7	154,8	228,4	248,2	252,3	256,8
Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом / The proportion of citizens who systematically engage in physical education and sports	%	43,0	43,5	45,2	48,0	51,5	55,0
Уровень обеспеченности граждан спортивными сооружениями исходя из единовременной пропускной способности / The level of provision of citizens with sports facilities based on the one-time capacity	%	55,7	57,0	58,0	59,0	60,0	62,0
Доля семей с детьми, получивших меры социальной поддержки на детей на основании заявления или проактивно / The proportion of families with children who received social support measures for children on the basis of an application or proactively	%	0,0	0,0	0,0	50,0	55,0	60,0
Охват граждан старше трудоспособного возраста профилактическими осмотрами, включая диспансеризацию / Coverage of citizens over the working age with preventive examinations, including medical examinations	%	23,0	14,0	34,0	55,7	65,3	70,0
Уровень трудоустройства граждан, обратившихся в пилотные центры занятости / The level of employment of citizens who applied to pilot employment centers	%	0,0	0,0	59,0	63,0	67,0	71,0
Численность семей с детьми, охваченных мерами социальной поддержки / The number of families with children covered by social support measures	тысяч семей / thousands of families	1 270	1 299	2 460	2 530	2 560	2 560

Национальный проект «Здравоохранение» направлен на достижение стратегических целей, а именно, обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации и повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 г. Реализация национального проекта «Здравоохранение» включает следующие федеральные проекты (рис. 2):

Рис. 2. Федеральные проекты, включенные в национальный проект «Здравоохранение»

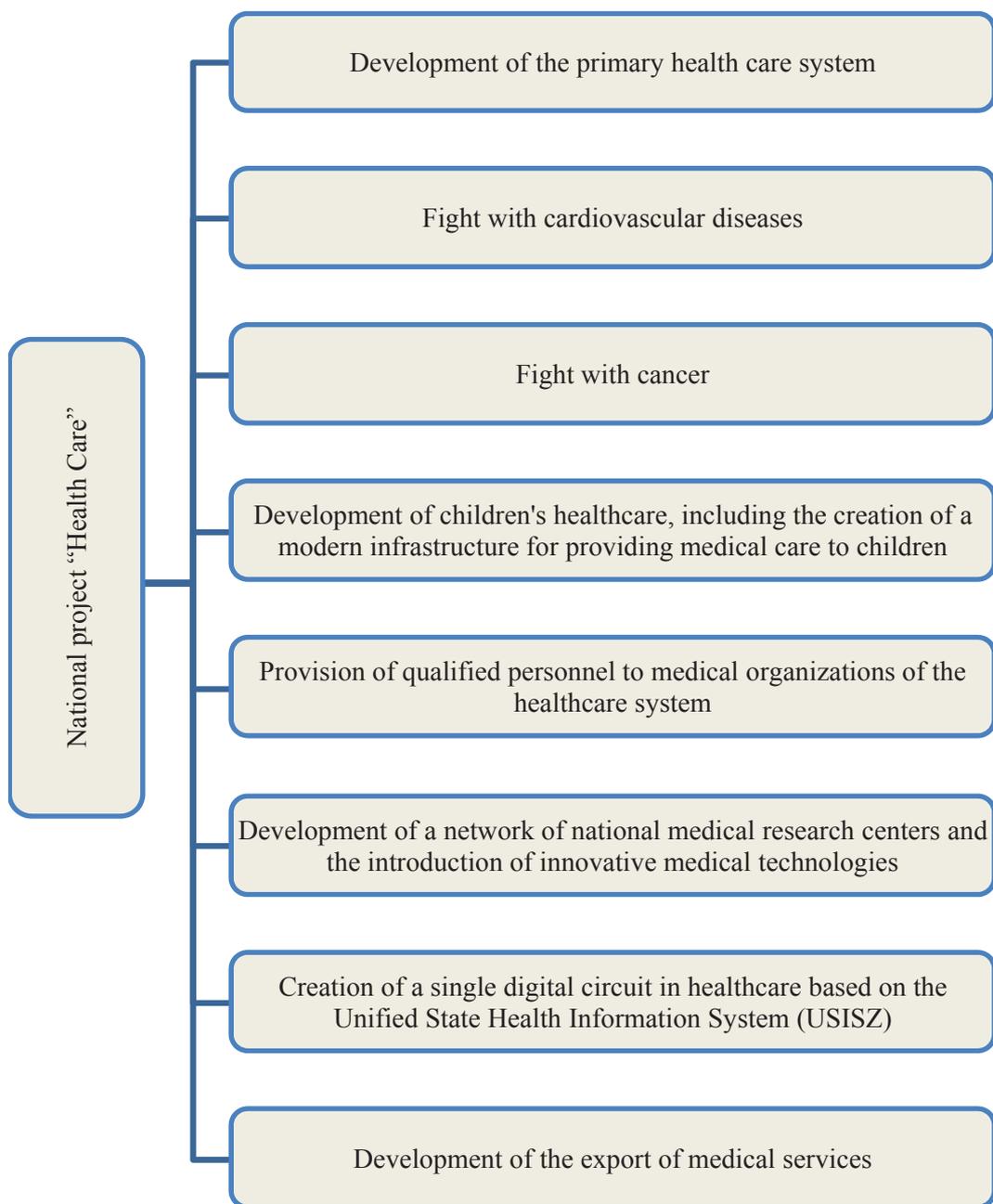

Fig. 2. Federal projects included in the National project "Health Care"

Как видно из табл. 3, объем финансирования национального проекта «Здравоохранение» на период с 2019 по 2024 г. составляет 1725,8 млрд руб. В том числе средства федерального бюджета в размере 1366,7 млрд руб., 265,0 млрд руб. из средств бюджетов субъектов Российской Федерации, 94,0 млрд руб. из государственных внебюджетных источников и 0,1 млрд руб. из внебюджетных источников.

Объем финансового обеспечения федеральных проектов национального проекта «Здравоохранение» до 2024 г., млрд руб. [6]
The volume of financial support for federal projects of the national Healthcare project until 2024, billion rubles [6]

Наименование федерального проекта / Name of the federal project	Объем финансирования, млрд руб. / Amount of financing, billion rubles	Доля от общего объема финансирования по национальному проекту, % / Share of the total funding for the national project, %
Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи / Development of the primary health care system	62,5	3,6
Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями / Fight with cardiovascular diseases	75,2	4,34
Борьба с онкологическими заболеваниями / The fight against cancer	969,0	56,15
Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям / Development of children's healthcare, including the creation of a modern infrastructure for providing medical care to children	211,2	12,30
Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами / Provision of qualified personnel to medical organizations of the healthcare system	166,1	9,6
Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий / Development of a network of national medical research centers and the introduction of innovative medical technologies	63,9	3,70
Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ) / Creation of a single digital circuit in healthcare based on the Unified State Health Information System	177,7	10,30
Развитие экспорта медицинских услуг / Development of the export of medical services	0,2	0,01
Всего / Total	1 725,8	100

Анализируя данные табл. 3, можно заметить, что более половины всего финансирования национального проекта направлено на реализацию федерального проекта «Борьба с онкологическими заболеваниями» в то время как на борьбу с болезнями сердца и сосудов выделяется чуть больше 4%, несмотря на то, что по последней причине показатель смертности превышает первый показатель более чем в 3,2 раза.

Анализируя данные рисунка 3, можно заметить, что показатель смертности ежегодно снижается примерно на 1,88%, однако, несмотря на реализуемые меры в рамках федерального проекта, плановые показатели не были достигнуты. С учетом выявленной динамики национальная цель по снижению смертности от новообразований, в том числе от злокачественных, до 185 случаев на 100 тыс. населения не будет достигнута. Из вышесказанного можно сделать вывод, что текущих запланированных мер в рамках федерального проекта недостаточно.

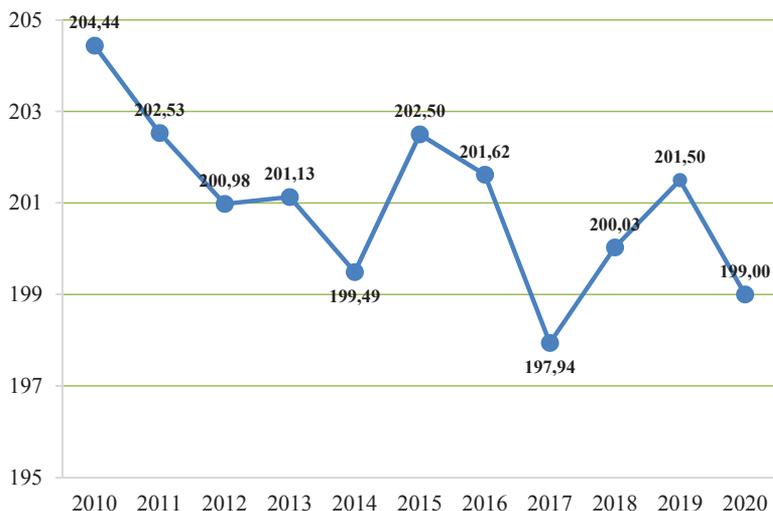

Рис. 3. Динамика показателей смертности населения России от злокачественных новообразований на 100 000 населения, % [2]

Fig. 3. Dynamics of mortality rates of the Russian population from malignant neoplasms per 100,000 population, % [2]

В рамках реализации федерального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям» планируется реализовать меры, которые способствуют снижению младенческой смертности к 2024 г. до 4,5 случаев на 1 тыс. родившихся детей.

Несмотря на достигнутые результаты, немаловажной проблемой остается тот факт, что в национальном проекте не отражены и не учтены особенности регионов РФ, а также несоразмерность в их социальном и экономическом развитии.

Основной задачей регионального развития является сглаживание межрегиональной дифференциации и повышение уровня жизни населения. Огромное значение в этом процессе имеет социально-экономическое развитие региона и уровень использования ресурсного потенциала, политика региональных и федеральных властей по созданию условий развития бизнессообщества [7].

В рамках реализации национального проекта «Демография», с 1 мая 2022 г. льготная ипотека на новостройки выдается под 9% годовых, хотя максимальная сумма кредита для Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области составляет до 12 млн рублей, для остальных регионов — до 6 млн рублей, процентная ставка для всех одинаковая, но средняя заработная плата в каждом регионе разная.

В качестве целей социально-экономического развития страны или субъекта используются такие, как увеличение доходов, улучшение образования, питания и здравоохранения, снижение уровня нищеты, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, расширение личной свободы, обогащение культурной жизни [8].

Исходя из всего вышесказанного можно выделить основные проблемы, препятствующие реализации государственной политики в области демографии и здравоохранения (рис. 4).

Обсуждение

Рассматривая национальные проекты «Демография» и «Здравоохранение», можно заметить, что у них есть определенные сходства в сопутствующих проблемах. Так, в обоих национальных проектах есть наиболее ярко выраженные показатели, значения которых не достигаются из года в год, несмотря на фактическое полное исполнение выделенных бюджетных средств.

Несмотря на то, что национальный проект «Демография» направлен на увеличение продолжительности жизни и рождаемости, а национальный проект «Здравоохранение» направлен на уменьшение смертности от различных причин, они реализуют единую национальную цель — увеличение численности населения страны. Исходя из этого оба проекта связаны между собой, и достичь вышеуказанную цель можно только путем успешной реализации обоих национальных проектов.

На наш взгляд, актуальным направлением развития государственной политики в области демографии будет разработка и принятие новых, а также актуализация уже существующих государственных мер, которые направлены на решение проблемы с низкой продолжительностью жизни населения.

В области здравоохранения актуальным направлением развития государственной политики можно выделить формирование новых и адаптацию текущих механизмов государственных мер к более гибким вариантам их реализации, направленных на борьбу с новообразованиями, в том числе злокачественными.

Рис. 4. Проблемы, препятствующие реализации государственной политики в области демографии и здравоохранения

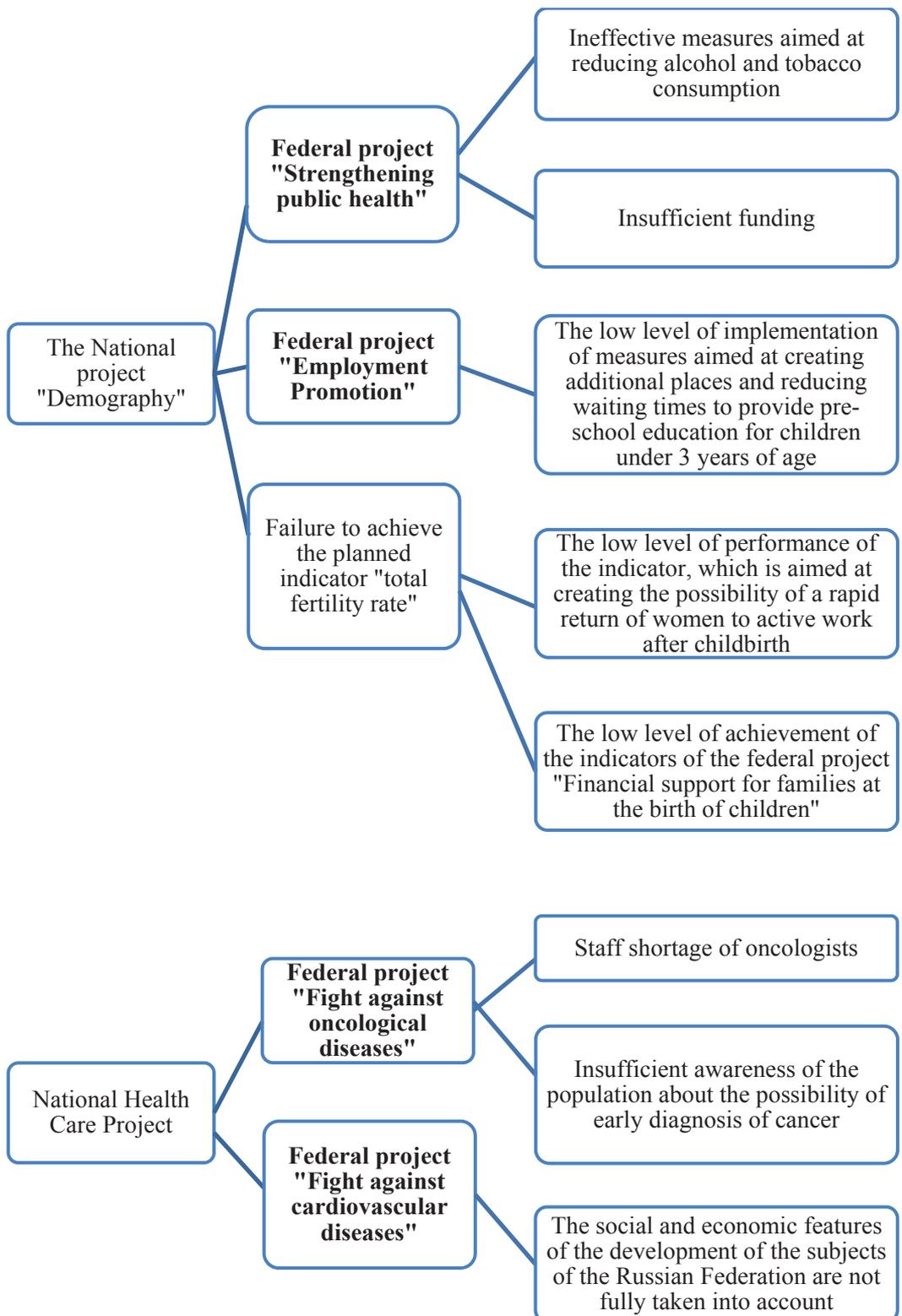

Fig. 4. Problems hindering the implementation of state policy in the field of demography and health

Одним из эффективных путей решения сложившихся проблем будет создание специализированных кабинетов на базе медицинских учреждений, которые занимаются выявлением онкологических заболеваний на ранних стадиях и редкими формами заболеваний. Данные кабинеты необходимо оборудовать современным ПЭТ-КТ сканером. ПЭТ-КТ (позитронно-эмиссионная томография — компьютерная томография) — это метод диагностики заболеваний, при котором совмещается исследование структуры и функциональных особенностей тканей.

В Москве обследование ПЭТ-КТ можно пройти всего в 10–12 клиниках, а на всю страну у нас около 30 аппаратов, таким образом 1 аппарат приходится примерно на 5 млн человек, в то время как в Германии 1 аппарат приходится на 1 млн чел., в Израиле 1 аппарат — на 750 тыс. чел., в Турции 1 аппарат — на 400 тыс. чел.

Создание специализированных кабинетов, оборудованных современным ПЭТ-КТ сканером, позволит увеличить количество граждан, которые будут проходить обследование на наличие онкологических и редких заболеваний, а также повысит доступность таких исследований для населения страны. Тем самым можно добиться увеличения количества выявленных случаев онкологических заболеваний на ранней стадии, что в перспективе приведет к снижению смертности населения от новообразований, в том числе от злокачественных, снижению смертности населения трудоспособного возраста и увеличению продолжительности жизни.

Еще одним актуальным и эффективным мероприятием, направленным на решение проблем в области демографии, будет расширение перечня лекарственных средств, которые пенсионеры могут бесплатно получить по рецепту врача, что позволит сократить число случаев самолечения, которые зачастую приводят к усложнению процесса выздоровления, также в перспективе данная мера поможет сохранить здоровье, повысить благополучие и увеличить продолжительность жизни пенсионеров.

Финансирование предложенного мероприятия можно осуществить путем направления средств от акцизов на табачную и алкогольную продукцию в фонд обязательного медицинского страхования. Также дополнительно можно ввести акциз на калорийные безалкогольные газированные напитки. Важно отметить, что финансирование данного мероприятия предлагается осуществлять только от тех акцизов, которые получены с продукции, пагубно влияющей на здоровье населения.

Заключение

В последнее время в Российской Федерации заметно возросла работа государственных органов в направлении развития политики в области демографии и здравоохранения. Значимость такой деятельности обусловлена необходимостью решить задачу, направленную на улучшение демографической ситуации в стране.

Для внедрения концепции устойчивого социально-экономического развития необходимо системное согласование основных направлений

государственного социально-экономического регулирования и политики воспроизводства человеческого капитала [9].

Таким образом, наиболее важной перспективой решения выявленных проблем является развитие направления формирования здорового образа жизни у населения. Реализация данной тенденции требует создания благоприятных условий и принятия актуальных и своевременных мер для различных групп населения в рамках реализации государственной политики. Это позволит укрепить здоровье граждан, увеличить продолжительность жизни и сформировать коллективное мнение у населения о том, что спорт является неотъемлемой частью нашей жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аношина Ю.Ф., Александрова М.В., Юткина О.В. Налог на доходы физических лиц — как индикатор социально-экономического развития регионов // *Russian Journal of Management*. 2020. Т. 8. № 2. С. 21–25. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-2-21-25>
2. Регионы России. Социально-экономические показатели 2022 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 10.11.2023).
3. Маслюкова Е.А., Александрова М.В., Юткина О.В. Государственная политика в сфере занятости населения: региональный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 347–356. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-347-356>
4. Газиев А.Б., Александрова М.В. Значение социально-экономических проектов для повышения качества и уровня жизни населения РФ // *Трансформация национальной социально-экономической системы России: Материалы II Международной научно-практической конференции*. М: Изд-во РГУП, 2020. С. 48–53.
5. Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16).
6. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).
7. Маслюкова Е.А., Савина А.Ю. Модернизация региональных социально-экономических систем управления // *Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях: Материалы III Международной научно-практической конференции*. М.: Изд-во НОЧУВО «Московский экономический институт», 2020. С. 456–468.
8. Проскурина З.Б., Нестерова Ю.А. Мониторинг социально-экономического развития Калужской области // *Трансформация национальной социально-экономической системы России: Материалы I Международной научно-практической конференции*. М.: Изд-во РГУП, 2019. С. 216–226.
9. Еришова Н.А. Развитие человеческого капитала в целях стимулирования инновационной активности организации в условиях неопределенности // *Трансформация национальной социально-экономической системы России: Материалы IV Международной научно-практической конференции*. М.: Изд-во РГУП, 2022. С. 314–322.

REFERENCES

1. Anoshina Yu.F., Alexandrova M.V., Yutkina O.V. Individual income tax — as an indicator of socio-economic development of region. *Russian Journal of Management*. 2020; 2 (8): 21–25 (In Russ.). <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-2-21-25>
2. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic Indicators 2022]. *Rosstat*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 10.11.2023) (In Russ.).

3. Maslyukova E.A., Alexandrova M.V., Yutkina O.V. State Policy in the Field of Employment: A Regional Aspect. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023; 3 (10): 347–356 (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-347-356>.
4. Gaziev A.B., Alexandrova M.V. Znachenie social'no-jekonomicheskikh proektov dlja povyshenija kachestva i urovnja zhizni naselenija RF [The Importance of Socio-economic Projects for Improving the Quality and Standard of Living of the Population of the Russian Federation]. *Transformation of the National Socio-economic System of Russia. Materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Moscow: Publishing House of the Russian State Unitary Enterprise; 2020: 48–53 (In Russ.).
5. Passport of the national project “Demography” (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 16 dated 12/24/2018) (In Russ.).
6. Passport of the national project “Healthcare” (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 16 dated December 24, 2018) (In Russ.).
7. Maslyukova E.A., Savina A.Yu. Modernizacija regional'nyh social'no-jekonomicheskikh sistem upravlenija [Modernization of Regional Socio-economic Management Systems]. *Actual Problems of Economic Development and Management in Modern Conditions. Materials of the III International Scientific and Practical Conference*. Moscow: Publishing House of the Moscow Institute of Economics; 2020: 456–468 (In Russ.).
8. Proskurina Z.B., Nesterova Yu.A. Monitoring social'no-jekonomicheskogo razvitija Kaluzhskoj oblasti [Monitoring of the Socio-economic Development of the Kaluga Region]. *Transformation of the National Socio-economic System of Russia. Materials of the I International Scientific and Practical Conference*. Moscow: Publishing House of the Russian State Unitary Enterprise; 2019: 216–226 (In Russ.).
9. Ershova N.A. Razvitie chelovecheskogo kapitala v celjah stimulirovanija innovacionnoj aktivnosti organizacii v uslovijah neopredelennosti [Development of Human Capital in Order to Stimulate the Innovative Activity of an Organization in Conditions of Uncertainty]. *Transformation of the National Socio-economic System of Russia. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Moscow: Publishing House of the Russian State Unitary Enterprise; 2022: 314–322 (In Russ.).

Информация об авторах:

Александрова Маргарита Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Российского государственного университета правосудия (ORCID ID: 0000-0002-9564-302X) (e-mail: 4664290@mail.ru).

Маслюкова Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Российского государственного университета правосудия (ORCID ID: 0000-0003-3474-3833) (e-mail: katrinamas@mail.ru).

Юткина Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Российского государственного университета правосудия (ORCID ID: 0000-0001-8119-5257) (e-mail: olga_yutkina@mail.ru).

Information about the authors:

Margarita V. Alexandrova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9564-302X) (e-mail: 4664290@mail.ru).

Ekaterina A. Maslyukova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3474-3833) (e-mail: katrinamas@mail.ru).

Olga V. Yutkina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8119-5257) (e-mail: olga_yutkina@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-72-86

EDN: XNFFUF

Научная статья / Research article

Влияние советского наследия на женское политическое лидерство в современной России

Т.А. Ивлева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1

✉ ivlevata96@gmail.com

Аннотация. Проанализирована специфика женского политического лидерства в СССР и выявлены факторы, предопределившие второстепенную роль женщин в советской, а после и современной российской политике. Целью настоящего исследования является выявление особенностей деятельности женщин в качестве политических лидеров в Советском государстве и сопоставление их с особенностями участия женщин в политической власти в современной России. Для достижения цели в качестве методов исследования используются историко-хронологический и сравнительный анализ. Подробно рассматривается уникальный опыт женотделов, а также личностный фактор советских женщин-лидеров как причина политического успеха. Сделан вывод, что за все время существования Советского Союза паритетное соотношение мужчин и женщин на каком бы то ни было уровне власти достигнуто не было даже несмотря на попытки введения различных мер, таких как квотная система, по достижению этой цели. Тем не менее среди причин такого положения было выделено, что попытки достичь гендерного паритета в органах власти носили, прежде всего, идеологический характер и своей целью ставили не реальное достижение равенства, но демонстрацию идеологии СССР на мировой арене. Наличие женщин на высших государственных постах в СССР представляло собой крайне редкое явление, поскольку для обеспечения практических потребностей государство, как правило, предпочитало вовлекать женщин в политику на наиболее низких уровнях политической иерархии. Сравнительный анализ женского политического лидерства советский период с современностью показал, что эта же тенденция сохраняется и в современной России.

Ключевые слова: политика, политическая деятельность, власть, политическое лидерство, гендер, политические права женщин, женщина-политик

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.08.2023. Принята к публикации: 10.01.2024.

© Ивлева Т.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Ивлева Т.А. Влияние советского наследия на женское политическое лидерство в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 72–86. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-72-86>

The Impact of the Soviet Heritage on Women’s Political Leadership in Modern Russia

Tatyana A. Ivleva

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

✉ ivlevata96@gmail.com

Abstract. The study analyzes the specifics of women’s political leadership in the USSR and identifies the factors that predetermined the secondary role of women in Soviet, and later modern Russian politics. The purpose of this study is to identify the features of women’s activities as political leaders in the Soviet state and compare them with the features of women’s participation in political power in modern Russia. To achieve the goal, historical-chronological and comparative analysis are used as research methods. The unique experience of the women’s departments is considered in detail, as well as the personal factor of Soviet women leaders as the reason for political success. It is concluded that during the entire existence of the Soviet Union, the parity ratio of men and women at any level of power was not achieved even despite attempts to introduce various measures, such as a quota system, to achieve this goal. However, among the reasons for this situation, it was highlighted that attempts to achieve gender parity in government were primarily ideological in nature and aimed not at achieving real equality, but at demonstrating the ideology of the USSR on the world stage. The presence of women in the highest government positions in the USSR was an extremely rare phenomenon, since, in order to meet practical needs, the state, as a rule, preferred to involve women in politics at the lowest levels of the political hierarchy. A comparative analysis of women’s political leadership in the Soviet period with the present has shown that the same trend persists in modern Russia.

Keywords: politics, political activity, power, political leadership, gender, women’s political rights, woman politician

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.08.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Ivleva T.A. The Impact of the Soviet Heritage on Women’s Political Leadership in Modern Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):72–86. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-72-86>

В современной России большинство граждан активно голосуют за мужчин, а сам факт участия женщин в политических процессах является скорее исключением, нежели правилом [1]. За неимением серьезных правовых ограничений для женской политической деятельности в РФ в наши дни может применяться «формальный» подход к женскому вопросу, например, включение

в федеральные списки на парламентских выборах заведомо большего числа женщин, нежели потом сделают депутатами.

Методологический инструментарий изучения политического лидерства чрезвычайно многогранен. Одним из современных подходов к изучению лидерства в политике является исторический подход, в рамках которого лидер предстает как «продукт изменения истории, который никогда не носит прямолинейного характера, поскольку поведение лидера зависит от конкретных исторических условий» [2]. Впрочем, обращение к исторической ретроспективе в политологическом исследовании неизбежно должно сопровождаться методологическим «связующим звеном» между этими науками. Одним из наиболее используемых и разработанных в наши дни исследователи считают институциональный подход к изучению политического лидерства [3]. Сведя воедино исторические и правовые аспекты в рамках институционального подхода, можно изучить «социально-правовые ограничения», которые возникают в связи с феноменом политического лидерства [4].

Вне зависимости от того, говорим мы о современном мире или об исторической действительности, эти ограничения наиболее актуальны для женщин в политике. В этой связи в научной литературе сложилась парадоксальная ситуация. Как было отмечено О.С. Богдановой, «вплоть до конца XX в. проблема лидерства изучалась гендерно недифференцированно исходя из того, что лидерская роль считалась мужской» [5]. Что касается проблемы политической деятельности женщин применительно к России, В.А. Зимин [6], один из современных исследователей — специалист широкого профиля (историк, политолог, экономист) — в 2013 г. ёмко сформулировал частную проблему, состоящую в том, что, несмотря на законодательно оформленное равенство мужчин и женщин в РФ, в реальности негласная дискриминация женщин во властных структурах всё же имеет место. Этот тезис находит наглядное подтверждение в статистических данных: по состоянию на 31 декабря 2010 г. Российская Федерация находилась на 82 месте из 188 государств мира по числу женщин в составе депутатского корпуса [7].

Для выявления причин такого положения дел необходимо провести историко-хронологический анализ, и наиболее рациональным представляется искать предпосылки такого проявления гендерных аспектов политического лидерства на постсоветском пространстве в предшествующем периоде отечественной истории. **Цель исследования** состоит в том, чтобы выяснить, каковы были особенности деятельности женщин в качестве политических лидеров в Советском государстве и сопоставить их со спецификой участия женщин в политической власти в современной России. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи: 1) выяснить, каков был вклад государства в становление этого института; 2) выявить изменения, происходившие в положении женщин как политических лидеров в различные периоды советской истории; 3) выявить возможные причины этих изменений; 4) сопоставить особенности политического участия женщин советской эпохи с современными данными.

Особенности института женского лидерства в СССР

Советское государство стало одним из первых государств мира, где была предпринята попытка внедрения так называемой марксистской модели женского политического лидерства — теоретической модели, предполагающей устранение неравенства «экономического и политико-правового классового положения» [3]. Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что сформировавшаяся в реальности модель женского политического лидерства в СССР имела серьезные отличия от этой теоретической схемы.

Примечательно, что в исторических исследованиях, посвящённых гендерным отношениям в целом в рамках соответствующего периода, вопрос женского активного политического участия, даже если не интересует исследователей непосредственно, неизменно даёт о себе знать в контексте, связанном, например, с феноменом так называемых «кремлёвских жен» [8; 9] с проблемой материнства в условиях вовлечённости женщин в социалистическое строительство [8] и т.д. Это подчеркивает всеобъемлющий, фундаментальный характер интересующего нас вопроса. В наши дни изучается вклад женщин в социалистическую экономику, деятельность советских феминисток и даже влияние женщин, не занимавших государственных постов, на деятельность мужчин-политиков с учетом родственных, личных связей. Наиболее часто исследователями привлекаются письменные исторические источники, прежде всего законодательные акты, статистические источники, делопроизводственная документация государственных и партийных организаций и документы личного происхождения.

Советский период отечественной истории неоднороден исторически и политически. Для отслеживания динамики формирования женского политического лидерства в Советском государстве, необходимо выделить несколько этапов этого процесса: 1) 1918–1930 гг.; 2) 1930–1989 гг.; 3) 1989–1991 гг.

Первый этап становления советской модели женского политического лидерства начался еще до образования СССР, что стало возможным благодаря тому, что Конституция РСФСР 1918 г. [10] наделила правом избирать и быть избранными в Советы граждан обоего пола. Большевикам в тот момент было важно продолжать укреплять свою власть, поэтому им было выгодно как минимум провозгласить идеи всеобщего равенства — гендерного в том числе. В то же время новое государство имело потребность в решении экономических проблем, тогда как мужское население находилось на фронтах гражданской войны. В этой связи был найден выход из положения — воспользоваться помощью женской части населения. Для организации этого процесса по инициативе ЦК РКП (б) уже с сентября 1919 г. начинается создание особых отделов при партийных комитетах всех уровней: областных, губернских, городских, уездных, районных [11] — так называемых «женотделов». В конце 1920-х гг., уже незадолго до ликвидации женотделов, официальное определение этого термина в Малой Советской энциклопедии [12] гласило: «Женотделы (отделы по работе среди женщин, работниц и крестьянок) — самостоятельные отделы комитетов компартий по пропаганде среди трудящихся женщин

коммунистических идей, <...> по выдвижению работниц и крестьянок на руководящую работу». Это определение нельзя считать исчерпывающим, поскольку пропагандой деятельность женотделов отнюдь не ограничивалась: им приходилось решать и насущные социально-экономические вопросы.

Помимо этого, в государственной практике на основе нормативной партийной документации был утверждён специфический механизм, де-юре способствовавший расширению возможностей для женского политического лидерства: см., например, резолюцию «О работе среди работниц и крестьянок», утвержденную ЦК РКП (б) в 1924 г. [13]. Специфичность его выразилась в том, что женской трудовой деятельности придавалось политическое значение. В качестве одной из задач партии ставилось «выдвижение коммунисток в руководящие партийные и советские органы» [14]. Де-факто механизм оказался нежизнеспособным, поскольку мы не знаем ни одной женщины на высоком государственном посту в соответствующую эпоху советской истории, за исключением А.М. Коллонтай, начавшей активную политическую деятельность еще до революции.

В то же время революционерки и феминистки требовали ликвидации неравенства между мужчинами и женщинами не только в политике, но и в производственной сфере, в социальной сфере (особенно в связи с беременностью, родами, медицинским обслуживанием) [15] и могли использовать эти политические структуры как инструмент для достижения своих целей. В своей сущности женотделы являлись просветительским и эмансипаторским проектом: вовлечение женщин в производство должно было, с одной стороны, «раскрепостить» их и расширить их кругозор, не ограничивать сферу их деятельности и интересов только семьей, повысить уровень грамотности, а с другой стороны, женскими же силами одновременно создать условия для дальнейшего «раскрепощения в быту, открывая благодаря их трудовой деятельности ясли и детские сады, расширяя сеть советского общепита и других общественных учреждений, позволяющих меньше беспокоиться о бытовых проблемах. Представляется, что на практике этот проект оказался полезным много больше в социально-бытовом, чем в политическом смысле.

Однако для того, чтобы наиболее полно охарактеризовать роль женотделов в жизни советского общества — будь то политической или социально-экономической — и иметь понимание о масштабности данного проекта, необходимо обратиться к статистическим данным. Известно, что в течение года (с сентября 1919 г. по сентябрь 1920 г.) женотделы возникли в 65 губерниях и 10 областях и республиках Советского государства [11]. Исследователями женотделы признаны уникальной политической структурой, у которой не было аналогов в других странах. Связывается это, прежде всего, с уникальностью самой советской политической системы. Женотделы же рассматриваются как пример практической реализации теоретических положений большевизма [16]. Но, как было отмечено выше, теоретические положения большевиков, в том числе, в женском вопросе не всегда воплощались в жизнь. Представляется, что уникальность женотделов обусловлена скорее особым

стечением исторических обстоятельств в Советской России на момент их создания: военные условия, контрреволюционное движение, экономическая политика «военного коммунизма», хозяйственная разруха страны.

Несмотря на декларируемое равенство граждан обоего пола в политике, члены женотделов были вынуждены решать немало стереотипно женских в бытовом смысле задач. В частности, О.М. Морозова и Т.И. Трошина [17] на материалах Государственного архива новейшей истории Псковской области проследили, какие поручения могли давать входящим в эти структуры трудящимся женщинам: так, последние, согласно документам личного происхождения, оставленным «делегатками», «следили за доставкой молока в приюты, детдома и молочные кухни, за чистотой этих заведений, распределением одежды и обуви, <...>, наблюдали за выпечкой хлеба в пекарнях <...>». В то же время надо понимать, что решение этих задач в долгосрочной перспективе могло облегчить жизнь самим женщинам, поскольку бытовые вопросы, которые ранее решались внутри семьи, частично теперь выходили на общественный уровень и прорабатывались организованно. При этом по воспоминаниям выдающегося дипломата и политика А.М. Коллонтай, женщины привлекались к практической работе на различных предприятиях и к обследованию советских учреждений [18], что свидетельствует о достаточно широких полномочиях женщин, позволяющих так или иначе контролировать мужской труд и напрямую влиять на решение социальных и экономических проблем, коих в Советском государстве было немало (в особенности после бедствий, связанных с Первой мировой и Гражданской войнами). С другой стороны, речь идет скорее о влиянии социально-экономического, а не политического толка, поэтому женское политическое лидерство в период существования женотделов, вероятно, в реальности было «политическим» не в полной мере.

5 октября 1930 г. женотделы были ликвидированы [19]. В современной гендерологии существует три точки зрения на возможные причины этого: 1) женотделы показались верховной власти опасными для партийной политики, т.к. их члены стремились к независимости женской личности; 2) стремление реорганизовать партийный аппарат в целях укрепления личной власти И.В. Сталина; 3) государство нашло новые «способы подчинения женщин», связанные со сферой производства [16]. Наиболее вероятным представляется последний вариант с учетом, в частности, возникшего в середине 1930-х гг. стахановского движения, в которое были активно вовлечены как мужчины, так и женщины. Помимо этого, сам опыт женотделов — это, прежде всего, опыт вовлечения женщин в сферу производства, но он был актуален лишь в определенный период экономического развития советского государства. Свертывание нэпа и переход к форсированной индустриализации и коллективизации стало новой вехой в истории советской экономики. Теперь задачи по выполнению и перевыполнению планов и превращению СССР из аграрной в индустриальную страну были куда важнее, чем обустройство быта советских граждан. С учетом мирного времени было больше возможностей по вовлечению в трудовую деятельность мужчин, и поэтому с прагматической

точки зрения женский труд имел уже меньшее значение. Первая версия менее вероятна, поскольку учреждение, которое мало занималось непосредственно политическими вопросами, вряд ли могло представлять политическую опасность. Второй вариант также представляется менее аргументированным, поскольку в высших эшелонах партийного аппарата женщин не было.

После ликвидации женотделов открывается новый и довольно длительный период истории женского политического лидерства в Советском Союзе. Женотделы прекратили свое существование и при этом не были заменены каким-либо аналогичным органом. В то же время в 1930-х гг. и вплоть до 1980-х гг. система выборов, а также представительство женщин в советах оставались относительно стабильными [16]. По всей видимости, причиной стабильности этой системы на таком длительном отрезке времени стали, во-первых, масштабные внешнеполитические проблемы (прежде всего, Вторая мировая война и последовавшая за ней холодная война), во-вторых, многочисленные витки внутрипартийной борьбы, особенно после смерти И.В. Сталина, которая велась мужчинами против мужчин. В этих условиях женский вопрос отходил на второй план даже на декларативном уровне.

1930-е гг. не только формально, но и фактически стали новым этапом в истории становления женского политического лидерства в Советском Союзе. Это проявилось в том, что число женщин, вовлеченных в политику, возросло по сравнению с периодом деятельности женотделов. В лекции, прочитанной в Институте массового заочного обучения по радио, Н.К. Крупская привела данные об участии советских женщин в управлении государством в середине 1930-х гг.: она сопоставила число женщин-участниц II Съезда советов 1917 г. и Чрезвычайного VIII Всесоюзного Съезда Советов, утвердившего Сталинскую конституцию в 1936 г., и получила 58 и 419 соответственно [20]. Примечательно, что первое число — это фактически показатель до установления Советской власти и не может характеризовать ее политику в женском вопросе. Сравнение с ситуацией по состоянию на 1918 г. было бы более обоснованным. В то же время разрыв представляется внушительным даже с учетом этой погрешности. 1930-м гг. в целом была свойственна своего рода разнарядка: известно, что партийный аппарат «для работы среди женщин выдвигал депутаток на руководящую работу в Советах», создавались даже специальные курсы, которые были призваны подготовить женщин к руководящей работе [21]. Это представляется менее оторванным от политической повестки, нежели просветительские мероприятия женотделов, направленные скорее на повышение качества трудовой деятельности женщин.

По аналогии с созданием женотделов в 1919–1929 гг., это была инициатива «сверху», инициатива государства, «мужская» инициатива. В этой связи, однако, возникает вопрос: было ли это выгодно самим женщинам или по крайней мере государству. Исследователи зачастую обходят этот парадокс стороной, однако попытка ответить на этот вопрос все же была осуществлена в современной научной литературе. В.П. Светлакова [22] полагает, что причиной такой инициативы была «патерналистская стратегия», предполагавшая

искусственное продвижение женщин в высшие органы власти — как законодательные, так и исполнительные — с целью создания иллюзии мужского и женского равноправия и преодоления проблемы сексизма. По-видимому, эта иллюзия довольно хорошо вписывалась в идеологию в самом широком смысле, особенно на более позднем этапе, после начала холодной войны. Это было связано со стремлением продемонстрировать идеологическому противнику, что права и свободы советских граждан соблюдаются в полной мере. Актуализировался этот вопрос и в связи с тем, что на Западе в 1960-е гг. началась так называемая «вторая волна феминизма» [3]. Необходимо привести пример того, как могла внушаться идея о преодолении проблемы сексизма в Советском Союзе тем, кто желал ознакомиться со статистическими данными. В статистическом сборнике «Женщины и дети в СССР» [23], вышедшем в 1963 г., помимо непосредственно статистических таблиц встречаются дополнения, касающиеся сопоставления с другими государствами: «В Верховный Совет СССР избрано 390 женщин, что составляет 27 % общего числа депутатов. Это значительно превышает число женщин, избранных в парламенты всех капиталистических государств, вместе взятых. Так, например, в США в составе Конгресса 87 созыва имелось лишь 17 женщин». Согласно задумке составителей, Советский Союз в глазах международного сообщества должен был оказаться первым не только, например, в освоении космического пространства, но и в вопросах вовлечения женщин в политику. Следует обратить внимание, что составители сборника представили сравнение абсолютных чисел, но разница в относительных величинах не упомянута, что вызывает определённые сомнения относительно аргументированности тезиса. Тезис, представленный, в сборнике, однако, в действительности оказался верен: в Конгрессе США 87 созыва суммарно было 437 представителей, из которых женщины составили около 4 % [24]. Таким образом, решение составителей сборника в такой ситуации умолчать о ряде показателей, по-видимому, свидетельствует о том, что неискушенный читатель, не зная число представителей в Конгрессе США соответствующего созыва, подумает, что разница в пользу СССР еще больше, чем в действительности. Ставка на это вполне соответствует идеологическим мотивам государства.

Статистическим показателям присутствия женщин на относительно низких уровнях советской политической иерархии была свойственна стабильность с конца 1950-х гг. вплоть до конца 1980-х гг. Однако такое с виду нейтральное или даже обнадеживающее отсутствие динамики — будь то положительной или же отрицательной — может служить показателем политической индифферентности населения, что неудивительно особенно для эпохи т.н. «застоя». Статистические материалы 1960 г. свидетельствуют о среднем процентном соотношении женщин в районных Советах депутатов трудящихся, равном 41 %, причём подобное соотношение сохранилось вплоть до 1989 г., что актуально и для вышеупомянутого показателя в 27 % от общего числа депутатов Верховного Совета СССР [25]. В 1989 г. последовала отмена квотной системы представительства женщин в местных Советах [25].

Это дополнительный аргумент в пользу того, что «продвижение» женщин в политике было элементом государственной идеологии: с наступлением «перестройки» оно утратило свою актуальность. Результат был закономерен: после выборов в Верховный Совет СССР в 1989 г. средняя доля женщин в законодательных структурах различных уровней составляла лишь 18,5 % [25]. Следовательно, как только одна из основных практических потребностей советского государства перестала быть актуальной, соотношение мужчин и женщин во властных структурах претерпело ощутимые изменения не в пользу последних.

Роль женщин в политике в советский период

Имеется закономерная исследовательская потребность в выявлении реальной роли женщин в политике. Целесообразно обратиться не к сухим цифрам, а к конкретным именам, тем более что биографический метод широко и успешно применяется в современных политологических научных трудах [2]. Далеко не все исследователи гендерного аспекта политического лидерства задаются вопросом о том, сколько было женщин-членов Политбюро (Президиума) ЦК КПСС за всю историю партии. Такая женщина была всего одна — Екатерина Фурцева. В.П. Светлакова [22] указывает двух таких женщин, однако в реальности упомянутая автором Александра Бирюкова являлась лишь кандидатом в члены Политбюро. Этот факт, однако, ничуть не умаляет достоинств А.П. Бирюковой как политического лидера, а В.П. Светлаковой — как исследователя. Последняя обозначила ту щепетильную сторону проблемы женского политического лидерства, которая лежит на поверхности, но которую другие исследователи парадоксальным образом обходили стороной. Однако вопрос о том, как именно таким женщинам удалось в порядке исключения «пробиться» в большую политику, какие социальные лифты позволили это сделать, исследователь не обозначила. Для его прояснения необходимо обратиться к биографическим фактам.

Е.А. Фурцева — по образованию ткачиха и инженер-химик, нашедшая возможность уехать из родного Вышнего Волочка благодаря участию в спортивных мероприятиях (в том числе в качестве организатора), общительности, активности, чтобы в далеком будущем стать министром культуры СССР [14]. А.П. Бирюкова, уроженка Воронежского региона, по поразительному совпадению также была связана с текстильной промышленностью: в 1952 г. окончила Московский текстильный институт, в 1963–1968 гг. была главным инженером Московского хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» имени Ф.Э. Дзержинского [22]. Специфика политического лидерства этих выдающихся женщин, как и успешных женщин-политиков в целом, состоит в том, что, несмотря на тот факт, что начинали они свою трудовую деятельность так или иначе в «женской» сфере производства, они смогли при этом проявить незаурядные волевые качества, с точки зрения гендерных стереотипов скорее присущие мужчинам. Сказался, вероятно, и полученный

этими женщинами ранее опыт управленческой работы. Нередко на возможности женщин для построения политической карьеры накладывают ограничения и обстоятельства частной жизни: не всегда просто эффективно вести политическую деятельность, будучи семейным человеком; тем не менее, Е.А. Фурцевой и А.П. Бирюковой это определённо удалось.

Необходимо, однако, признать, что две женщины в руководящем партийном органе центрального комитета партии в течение всей советской истории — это ничтожно мало. Это отнюдь не показатель политической пассивности женщин, но следствие того, что политические институты создавались мужчинами и, прежде всего, для мужчин с учётом исключительно мужской системы ценностей и мужских норм: социологические исследования показали, что мужская политика зачастую являет собой политику «силового нажима, агрессии, конфликта и противостояния» [22]. Изучение же причин, по которым такое поведение получает социальное одобрение, лежит за пределами нашей предметной области и является нетривиальной задачей для социологических и психологических исследований.

Влияние советского наследия на особенности женского лидерства в современной России

Советское наследие оказало значительное влияние на многие аспекты общества и культуры в современной России, включая и женское политическое лидерство. В советское время женщины стали активно участвовать в экономической и социальной жизни, что в значительной степени оказало влияние на их лидерский потенциал. Многие женщины приобрели опыт управления, координации и организации в условиях коллективного труда. Несмотря на усилия по продвижению женщин, советская власть все же оставалась в значительной мере мужской, особенно ярко наблюдался недостаток женщин на высших уровнях власти. По состоянию на 2023 г. из 20 федеральных министров только один пост занимает женщина — министр культуры Ольга Любимова¹. В современной России также, как и в советский период, относительно стабильное присутствие женщин наблюдается исключительно на низких уровнях политической иерархии [26].

С распадом Советского Союза и переходом к капиталистической экономике роль женщин в обществе изменилась. Отчасти из-за экономических преобразований и социокультурных изменений, ряд женщин начали занимать более высокие посты в бизнесе, образовании, науке и политике. Тем не менее, в политической сфере гендерная диспропорция заметна уже на этапе выборов: статистические данные демонстрируют, что на этапе выдвижения женщины представляют всего 26 % от общего числа кандидатов. Также в среднем женщины за свою политическую карьеру выдвигаются чаще, чем мужчины,

¹ Персональный состав Правительства // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/gov/persons/> (дата обращения 01.08.2023).

но побеждают реже. В среднем, только 2 % женщин-кандидаток выходят победителями в региональных парламентах. Это указывает на то, что несмотря на участие, женщины сталкиваются с трудностями в получении поддержки избирателей и конкуренции с кандидатами-мужчинами².

Заключение

Переходя к выводам, прежде всего, необходимо перечислить выявленные нами особенности деятельности женщин в качестве политических лидеров в Советском Союзе.

Несмотря на квотирование вплоть до 1989 г., ни на одном уровне вертикали советской власти не наблюдалось паритетного соотношения мужчин и женщин. Система квотирования позволяла выдвинуть до 22,5 % женщин от общего числа членов местных органов власти [22]. Как наглядно показал перестроечный опыт, без квоты процент женщин резко снижается, что, конечно, не является показателем эффективности квотной системы.

В самых высших эшелонах власти, таких как Политбюро ЦК КПСС, присутствие женщины на посту являло собой счастливое исключение.

Опыт женотделов был уникален и не повторился; неудивительно, что существовали они именно в 1920-е гг., когда физически не доставало мужчин после Первой Мировой и Гражданских войн, в том числе трудоспособных, готовых обеспечивать функционирование советской экономики и производства, чем, помимо всего прочего, занимались женщины — члены этих организаций.

Таким образом, основные факторы, оказавшие наибольшее влияние на становление и развитие института женского политического лидерства в СССР, — это, в первую очередь, практическая потребность власти направить усилия политически активных женщин в нужное для государства русло на определенном этапе становления новой государственности и экономики, а также идеология и даже идеологическая борьба (применительно к периоду холодной войны). Как только эти соображения оказывались неактуальными, резко менялось и положение женщин на политической арене.

Определяя причины, по которым сложилась именно такая совокупность факторов, подчеркнем следующие утверждения. Поскольку во главе угла для государства были социально-экономические и идеологические вопросы (преобладание тех или других зависит от конкретного периода советской истории), а не стремление фактически расширить женские возможности для политической деятельности, цель достичь паритетного соотношения мужчин и женщин в политике и не ставилась. Иными словами, было достаточно того, чтобы была возможность либо прямо или косвенно использовать женский вклад в политику (притом в необходимых и достаточных количествах) для

² Непредставительная власть // Трансперанси интернешнл Россия. URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/> (дата обращения 01.08.2023).

решения сугубо практических вопросов в других сферах общества, либо заявить, что в советских органах власти женщины представлены чуть больше, чем во властных структурах ряда других государств мира, особенно если это идеологические противники СССР.

Таким образом, необходимо считать доказанной гипотезу о том, что модель женского политического лидерства в Советском Союзе имела ощутимые отличия от теоретической марксистской схемы женского политического лидерства, которая включала в себя устранение неравенства между мужчинами и женщинами с точки зрения экономики и политико-правовых вопросов. Реально существовавшая модель женского политического лидерства в СССР сочетала в себе элементы прагматики применительно к экономическим проблемам и декларативности применительно к политике и праву и не имела цели на самом деле устранить какое-либо неравенство.

Резюмируя, отметим, что институциональный подход к изучению политического лидерства оказался весьма эффективен в настоящем исследовании. Удалось выявить прямую зависимость динамики становления института женского политического лидерства в Советском Союзе от текущих потребностей государства и партии — преимущественно экономических и идеологических — в ту или иную историческую эпоху и факторы этой прямой зависимости: отсутствие каких-либо политических организаций, аналогичных женотделам, после 1930 г.; недостижение паритета между мужчинами и женщинами во властных структурах любого уровня на протяжении времени существования Советского Союза; практически полное отсутствие прецедентов нахождения женщин на наиболее высоких государственных постах.

Сравнительный анализ женского политического лидерства советский период с современностью показал, что многие тенденции, свойственные СССР, сохраняются по нынешний день. Основная проблема сохраняется в области представительства женщин в высших эшелонах власти.

Представляется также целесообразным обращение к исторической ретроспективе и биографическому методу, поскольку политический процесс всегда связан с именами конкретных реально существующих или существовавших людей, и именно их действия и принятые ими решения меняют политическую реальность, которая через долю секунды уже станет реальностью исторической.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лебец А.С. Женщины в политике или политика женщин // *Философия права*. 2010. № 2. С. 44–47.
2. Фадеева Л.А., Старкова М.А. Политическое лидерство в современном мире. Пермь: Изд.-во Пермского университета, 2020. 143 с.
3. Бадмацыренова Е.Л., Доржиева С.В. Теоретические модели политического участия женщин // *Власть*. 2019. № 4 (27). С. 175–180.
4. Горбачева Н.С. Методология исследования политического лидерства // *Философия права*. 2015. № 5 (72). С. 18–22.

5. Богданова О.С. Гендерные аспекты политического лидерства // Социология власти. 2010. № 6. С. 151–159.
6. Зимин В.А. Женщины России в политике и структурах власти // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 297–299.
7. Швец Л.Г., Шепелева Ю.Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития. М.: Кредо, 2015. 148 с.
8. Делалой М. Усы и юбки. Гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху (1928–1953). М.: РОССПЭН, 2018. 375 с.
9. Васильева Л.Н. Кремлевские жены. М.: АСТ, 2021. 624 с.
10. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М.: 1918. 31 с.
11. Окорочкова Т.С. Деятельность женотделов партийных комитетов в 1919–1929 гг. (к 70-летию создания) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1990. № 1. С. 14–23.
12. Малая советская энциклопедия. М.: 1930. Т. 3. С. 142.
13. Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 г. Стенографический отчет. М.: 1963. 883 с.
14. Млечин Л.М. Фурцева. М.: Молодая гвардия, 2011. 432 с.
15. Козлова Н.Н. Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект // Женщина в российском обществе. 2011. № 4 (61). С. 38–42.
16. Козлова Н.Н. Женотделы и представительная система местных органов власти как эмансипаторский проект большевиков в 1920-е годы (на материалах Тверской губернии) // Гендерная реконструкция политических систем / под. общ. ред. Н.М. Степанова и Е.В. Кочкина. СПб.: Алетей, 2004. С. 381–396.
17. Морозова О.М., Трошина Т.И. Красные делегатки как вариант советского феминизма // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. № 22. С. 124–146.
18. Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972. 430 с.
19. Ореорганизации аппарата ЦК ВКП (б). (Утверждено Политбюро 5.1.1930 г.). Приложение № 3 к п. 14 пр. ПБ № 112. URL: <http://istmat.info/node/58811> (дата обращения: 28.02.2023).
20. Крупская Н.К. Женщина — равноправный гражданин СССР // Сборник статей и речей. М.: Политиздат, 1937. 71 с.
21. Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 253 с.
22. Светлакова В.П. Особенности женского политического лидерства в России: история и перспективы // Омский научный вестник. 2009. № 6 (82). С. 85–89.
23. Женщины и дети в СССР // Статистический сборник. Издание второе. М.: Госстат, 1963. 203 с.
24. 87th Congress (1961–1963) // US House of Representatives: History, Art & Archives. URL: <https://history.house.gov/Congressional-Overview/Profiles/87th> (дата обращения: 30.09.2022).
25. Хасбулатова О.А. Этапы российской государственной политики по вовлечению женщин в сферу управления (1990–1999 г.) // Женщины в политике и управлении: история и современность: тезисы международной научно-практической конференции. Иваново: Юнона, 1999. С. 157–162.
26. Исакова А. Пол власти: сколько в России женщин-министров и женщин-депутатов? // Новости в России и мире — ТАСС. 31.08.2016. URL: <https://tass.ru/politika/3576455> (дата обращения: 02.11.2022).

REFERENCES

1. Lebedts A.S. Zhenshchiny v politike ili politika zhenshchin [Women in Politics or Women's Policy]. *Filosofiya prava*. 2010; 2:44-47 (In Russ.).
2. Fadeyeva L.A., Starkova M.A. *Politicheskoye liderstvo v sovremennom mire* [Political Leadership in Modern World]. Perm; Izd.-vo Permskogo Universiteta; 2020. 143 p. (In Russ.).
3. Badmatsyrenova Y.L., Dorzhiev S.V. Theoretical Models of Women's Political Participation. *Vlast'*. 2019; 27 (4):175-180 (In Russ.).

4. Gorbacheva N.S. Metodologiya issledovaniya politicheskogo liderstva [Methodology of Political Leadership Research]. *Filosofiya prava*. 2015;5 (72): 18–22 (In Russ.).
5. Bogdanova O.S. Gendernyye aspekty politicheskogo liderstva [Gender Aspects of Political Leadership]. *Sotsiologiya vlasti*. 2010;6:151-159 (In Russ.).
6. Zimin V.A. Zhenshchiny Rossii v politike i strukturakh vlast [Russian Women in Politics and Government Structures]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2013;10:297-299 (In Russ.).
7. Shvets L.G., Shepeleva Y.L. *Gendernyy aspekt vlastnykh otnosheniy: problemy i napravleniya razvitiya: monografiya* [Gender Aspect of Power Relations: Problems and Directions of Development: Monograph.]. Moscow: Credo; 2015. 148 p. (In Russ.).
8. Delaloy M. *Usy i yubki. Gendernyye otnosheniya vnutri kremlevskogo kruga v stalinskuyu epokhu (1928–1953)* [Mustache and Skirts. Gender Relations Within the Kremlin Circle During the Stalin Era (1928–1953)]. Moscow: Rosspen; 2018. 375 p. (In Russ.).
9. Vasil'yeva L.N. *Kremlevskiy zheny* [Kremlin Wives]. Moscow: AST; 2021. 624 p. (In Russ.).
10. *Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki* [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic]. Moscow; 1918. 31 p. (In Russ.).
11. Okorochkova T.S. Deyatel'nost' zhenotdelov partiynykh komitetov v 1919–1929 gg. (k 70-letiyu sozdaniya) [Activities of the Women's Departments of the Party Committees in 1919–1929 (by the 70th Anniversary of Its Creation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 1990;1:14-23 (In Russ.).
12. *Malaya sovetkaya entsiklopediya* [Concise Soviet Encyclopedia]. Moscow; 1930;3:142 (In Russ.).
13. *Trinadtsatyy s'yezd RKP (b). May 1924 g. Stenograficheskiy otchet* [Thirteenth Congress of the RCP (B). May; 1924. Verbatim Report.]. Moscow; 1963. 883 p. (In Russ.).
14. Mlechin L.M. *Furtseva*. [Furceva]. Moscow: Molodaya Gvardiya; 2011. 432 p. (In Russ.).
15. Kozlova N.N. Gendernaya modernizatsiya sovetской politicheskoy sistemy: institutsional'nyy aspekt [Gender Modernization of the Soviet Political System: An Institutional Aspect]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2011;4 (61):38-42 (In Russ.).
16. Stepanova N.M., Kochkina Y.V. (eds.). Kozlova N.N. Zhenotdely i predstavitel'naya sistema mestnykh organov vlasti kak emansipatorskiy proyekt bol'shevikov v 1920-ye gody (na materialakh Tverskoy gubernii). *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Women's Departments and the Representative System of Local Authorities as an Emancipatory Project of the Bolsheviks in the 1920s (Based on the Materials of the Tver Province). *Gender Reconstruction of Political Systems*]. Saint Petersburg: Aleteia; 2004:381-396 (In Russ.).
17. Morozova O.M., Troshina T.I. Krasnyye delegatki kak variant sovetskogo feminizma. [Red Delegates as a Variant of Soviet Feminism]. *Adam i Yeva. Al'manakh gendernoy istorii*. 2014;22:124-146 (In Russ.).
18. Kollontay A.M. *Izbrannyye stat'i i rechi* [Selected Articles and Speeches]. Moscow: Politizdat; 1972. 430 p. (In Russ.).
19. *O reorganizatsii apparata TSK VKP (b). (Utverzhdeno Politbyuro 5.1.1930 g.). Prilozheniye № 3 k p. 14 pr. PB № 112* [About the Reorganization of the Apparatus of the Central Committee of the CPSU (b). (Approved by the Politburo 5.1.1930). Appendix № 3 to Item 14, PB № 112]. URL: <http://istmat.info/node/58811> (accessed: 28.02.2023) (In Russ.).
20. Krupskaya N.K. Zhenshchina — ravnopravnyy grazhdanin SSSR. *Sbornik statey i rechey*. [Woman is an Equal Citizen of the USSR. *Collection of Articles and Speeches*]. Moscow: Politizdat; 1937. 71 p. (In Russ.).
21. Chirkov P.M. *Resheniye zhenskogo voprosa v SSSR (1917–1937 gg.)* [Solution of the Women's Issue in the USSR (1917–1937)]. Moscow: Mysl'; 1978. 253 p. (In Russ.).
22. Svetlakova V.P. Osobennosti zhenskogo politicheskogo liderstva v Rossii: istoriya i perspektivy. [Features of Women's Political Leadership in Russia: History and Prospects]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 2009;6 (82):85-89 (In Russ.).
23. Zhenshchiny i deti v SSSR. *Statisticheskiy sbornik* [Women and Children in the USSR. *Statistical Collection*]. Izdaniye vtoroye. Moscow: Gosstat; 1963. 203 p. (In Russ.).

24. 87th Congress (1961–1963). *US House of Representatives: History, Art & Archives*. URL: <https://history.house.gov/Congressional-Overview/Profiles/87th> (accessed: 30.09.2022).
25. Khasbulatova O.A. Etapy rossiyskoy gosudarstvennoy politiki po vovlecheniyu zhenshchin v sferu upravleniya (1990-1999 g.). *Zhenshchiny v politike i upravlenii: istoriya i sovremennost'. Tezisy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. [Stages of the Russian State Policy on the Involvement of Women in the Field of Management (1990–1999). *Women in Politics and Management: History and Contemporary Issues: Theses from an International Scientific-Practical Conference*]. Ivanovo; Yunona; 1999:157-162 (In Russ.).
26. Isakova A. Pol vlasti: skol'ko v Rossii zhenshchin-ministrov i zhenshchin-deputatov? [Gender of Power: How Many Women Ministers and Women Deputies Are There in Russia?]. *Novosti v Rossii i mire — TASS*. 31.08.2016. URL: <https://tass.ru/politika/3576455> (accessed: 02.11.2022) (In Russ.).

Информация об авторе:

Ивлева Татьяна Андреевна — аспирант кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0009-0007-9143-6799) (e-mail: ivlevata96@gmail.com).

Information about the author:

Tatyana A. Ivleva — Post Graduate Student of Political Analysis Department of the School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0009-0007-9143-6799) (e-mail: ivlevata96@gmail.com).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-87-97

EDN: XMQVJQ

Research article / Научная статья

Is Load Shedding another Pandemic, Post COVID-19 at Institution of Higher Learning in South Africa?

Mathibedi F. Kgarose , Daphney K. Makhubele , Lebo C. Setaise

¹University of Limpopo,
X1106, Private Bag, Sovenga, South Africa, 0727

 Mathibedikgarose85@gmail.com

Abstract. In 1994, the African National Congress (ANC)-led government implemented a Reconstruction and Development Programme (RDP) program that entailed providing South Africans with stable and regular electricity supplies. Government through the state president declared COVID-19 a pandemic in 2019. Institutions of higher education resorted to introduce online teaching and learning as a method of ensuring that section 27 (1) (a) (b) of the Constitution of the Republic of South Africa was executed. Load shedding brought numerous challenges in the education settings in the institutions of higher learning. The crisis led to institutional economy and disrupted academic performance at institutions of higher learning. The purpose of this study is to examine whether load shedding can be regarded as a pandemic post COVID-19. Access the impact of load shedding at institutions of higher learning. Therefore, this is a conceptual paper and it relied on existing data for analysis and interpretation. The study recommends that institution of higher learning should invest in alternative sources of energy, and develop an effective communication strategy.

Keywords: South Africa, institutions, learning, energy, load shedding, teaching

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 11.11.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Kgarose M.F., Makhubele D.K., Setaise L.C. Is Load Shedding another Pandemic, Post COVID-19 at Institution of Higher Learning in South Africa? *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):87–97. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-87-97>

© Kgarose M.F., Makhubele D.K., Setaise L.C., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

The World Health Organization (WHO) declared COVID-19 outbreak as a worldwide epidemic and a Public Health Disaster of International Concern. According to Masipa et.al [1], the declaration of the outbreak was done on the 30th of January 2019. As the nation was put on lockdown, meetings were forbidden, physical contact was restricted, schools and businesses were closed in accordance with World Health Organization safety measures. The South African educational system was impacted by Covid-19's establishment in 2020, which compelled all higher education institutions to adopt online education [2].

South Africa is now in the grip of an electrical crisis. According to Gehringer, Rode and Jantjies [3], in 2014–2015, there were several instances of temporary power outages in the Republic of South Africa. The monopoly power supplier ESKOM employed this approach, also known as rotating load shedding, for many hours a day across much of the country due to its inability to meet electricity demand (due to loss of power output) and to prevent uncontrolled blackouts. According to Faranda, Pievatolo, and Tironi [4], black outs are becoming more common in industrialized countries as a result of network flaws and increasing load. A. Goldberg [5] postulates that, one of the country's most pressing concerns is a structural deficit of electrical supply. Frequent load shedding episodes have had a substantial detrimental influence on educational settings. Findt, Scott, and Lindfeld [6], contends that future load shedding is still a possibility because much of the nation's power generation infrastructure is reaching the end of its useful life and will need to be replaced, and that it might continue to have an impact on the educational system.

According to Ramoshaba and Kgarose [7], several obstacles were encountered by students while being taught and studying online during the COVID-19 Pandemic, which amongst others is the electricity supply and internet connectivity. Contact activities in all South African institutions of learning have been eliminated due to the necessity for social distance and other precautionary measures. To ensure that education continues despite the pandemic, online learning was established [8]. Students are required to attend classes and write assessments using digital platform, but the electrical crisis has prevented e-learning from properly achieving its goal. However, because they were not introduced to this technology and could not afford generators to have energy, the students from disadvantaged families were unable to benefit from the online learning. Online teaching and learning appear to be less effective academically compared to contact learning as a result of load shedding and connectivity issues. [8] concur that frequent load shedding is to be blamed for connectivity issues.

Online teaching and learning guarantees equal and fair access to digital and cutting-edge learning resources which South African higher education institutions have turned to e-learning [2]. Due to their load shedding in unorganized informal settlements, the majority of underprivileged pupils do not have conducive learning settings, because of lack of backups nor generators. Lack of signal prevents students from using their digital devices during class and while completing assessments,

forcing them to leave their residences in search of power and an internet connection [9]. The South African electrical crisis poses a long-term threat to educational development, particularly at resource-constrained higher education institutions. Due to their socio-economic standings, higher education institutions often have insufficient or non-existent power infrastructure.

Literature Review

South Africa regularly faces Power outages that last for days. Johannesburg City Power technicians, for example, were allegedly taken hostage by some Alexandra residents who were furious following a five-day outage. The failure of Eskom to supply energy hampered access to online teaching and learning. It was tougher for pupils who had to return to rural communities. According to Park, Freeman, and Middleton [10], there are challenges with connectivity since the reception in rural areas is poor; nevertheless, the main issue is that Eskom is once again attacking black working-class communities. There is an abundance of load shedding, and the electricity supply is extremely erratic. Online teaching and learning has exposed a huge discrepancy between the academic discourses on existing developments on the ground. Unplanned outages are short even in well-planned systems, this can happen. Consumers do not expect them since they occur seldom, and they are unlikely to have invested in backup supplies to offset the expense of disruption [11].

Due of its efficacy and capability in supplying the appropriate information to the right person at the right time, the Internet's use is rapidly rising. It operates around the clock and connects every part of the globe. The Internet has become an essential requirement for all higher education institutions [12]. Due to electronic technology the whole world has become a global village. The internet has evolved into an essential component of electronic services in academic institutions, serving as an indispensable tool for learning and teaching [13].

To run base stations located within a geographical area, mobile telecom networks require a constant quantity of electricity. Telecom operators are expected to utilize litres of diesel fuel each year to power telecom base stations when grid power is unavailable [14]. This excludes the gasoline required to transfer the fuel to the cell installations. Running mobile networks is becoming more expensive and challenging as energy prices grow, and as operators expand the number of base stations in the network to deliver 4th generation networks (4G), wireless services at broadband data speeds, power consumption is expected to climb further [15]. Students have difficulty hearing online lectures by lecturers on systems like Zoom due to poor internet access [16]. Both teachers and students experienced stress and concerns with their mental health as a result of the challenging circumstances such as load shedding, and some students chose to drop out. Online learning frequently excludes students from these places in a study that looked at the circumstances of students in remote locations. This occurs specifically as a result of the students' extremely limited access to online tools and the internet [17]. Endorsing the transition to online learning and teaching in the context of load shedding, blackouts

and the very poor ICT infrastructure amounts to pursuing a fantasy. A great deal of research has shown that the real consultations should be about how to make sure that South Africa has a sufficient supply of electricity and ICT infrastructure.

Methodology

The conceptual method was used in this paper. This conceptual study is based mostly on a review and analysis of previously published research and data. Desktop research was one of the data collection methods used by the researcher. Desktop research refers to secondary data or data obtained without undertaking fieldwork. Desktop research does not necessitate a field survey. Instead, it is necessary to scour libraries and the internet. Secondary data is gathered by the researcher through internal sources, the internet, libraries, government agencies or departments, and published publications [18]. Several documents dealing with the philosophy and subject will be explored. According to Mogalakwe [19], a document is an artifact that mostly consists of engraved writing.

Problem Statement

The influence of load shedding on the efficiency of online learning, specifically with reference to Institutions of Higher Learning, is a serious challenge. Online education is a type of remote learning that has long been a component of the American educational system and has recently overtaken all other forms of distance education as the largest sector [20]. To guarantee that education continues despite the epidemic, online learning was adopted in South Africa as a mitigating strategy in institutions of higher learning during COVID-19 2020 [8]. In South Africa, impoverished and marginalized pupils can be reached through online learning. However, because of power outages, many students have difficulties during online teaching and learning [21].

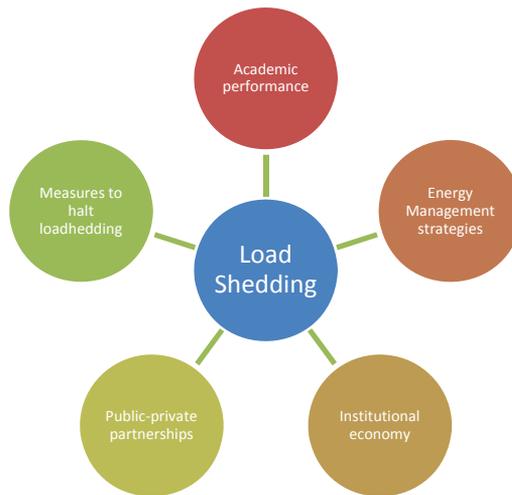
The shift to the digital era has been severely impeded by the sporadic power outages brought on by Eskom's inadequate power production capabilities. As a result, the power outages have a negative impact on the expansion of education in South Africa [8; 9] asserts that frequent load shedding causes connectivity issues. One of the unavoidable inconvenience of load shedding is the unpredictability regarding its duration and timing leaving many students in a state of distress regarding when or even if they will be able to access essential virtual classes or take part in any necessary e-learning activities outside class.

Theoretical Framework

The paper adopted institutional theory as its theoretical framework (Fig.). Institutional theory highlights the Informal understandings and cognitive frameworks that determine the social structure of markets. According to DiMaggio and Powell [22], Markets are frequently conceptualized by institutional theorists as areas where

companies observe, mimic, and create niches to replicate their positions. Institutional theory suggests that organizations, such as higher education institutions, are shaped by the norms, values, and expectations of their surrounding environment [23], states that Institutional theory has undoubtedly become a popular and useful explanatory tool for investigating a wide range of organizational difficulties, including those in higher education. The notions of new institutionalism established in the 1970s and 1980s dominate the application of institutional theory in higher education research. In the case of load shedding as another pandemic, post COVID-19 at institutions of higher learning in South Africa, the institutional environment includes the government, power suppliers, and the broader society. According to Adenikinju [24], government is responsible for providing a reliable and uninterrupted power supply to the institutions, but load shedding has shown that this is not always the case. The power suppliers are also responsible for ensuring a stable energy supply, but they may face challenges such as aging infrastructure, insufficient capacity, and insufficient investment in the energy sector. These challenges are influenced by broader societal factors such as economic constraints, political instability, and environmental concerns [25]. Therefore, higher education institutions in South Africa are not operating in a vacuum, but rather, they are influenced by the institutional environment within which they operate. To address the issue of load shedding, institutions need to adapt to the institutional pressures they face. This may involve developing contingency plans, investing in alternative energy sources, upgrading infrastructure, and advocating for policy changes that support a reliable and uninterrupted power supply.

Institutional theory also suggests that institutions can shape their environment by engaging in practices that are seen as legitimate and desirable by stakeholders [26]. Therefore, higher education institutions in South Africa could engage in advocacy efforts to influence the government and power suppliers to address the issue of load shedding. By doing so, they may be able to create a more supportive institutional environment that enables them to function effectively and fulfil their academic mission.

Conceptual framework

Findings and Discussions

Load shedding can be a major challenge for institutions of higher learning, as it can disrupt teaching, research and other activities that require a reliable supply of electricity. From the discussion below are some of the themes emerged:

1. Impact of load shedding on academic performance

Students have reaped several benefits from e-learning as a pedagogical concern. It has been discovered to be handy and can allow pupils to easily access instructional content. It has the potential to improve communication between and among students and professors [27]. However, load shedding has a negative influence on online teaching and learning [9].

Students who have access to networked computers may be able to enjoy a more flexible learning process, while those who do not may miss out owing to connectivity challenges during load shedding [28]. Some of the computers of the students and institutional staff members only work on charger so it is impossible to conduct/ attend classes or do assessments during load shedding. According to Lee, Rice [29], since many students who enrol in higher education come from disadvantaged backgrounds and have limited financial resources may find it difficult to buy new computers that don't only function when they're charged. An increased reliance on technology in higher education could potentially cause social divisions to widen [27]. Power outages prevent lecturers from using interactive technologies, digital presentations, or audio-visual aids, all of which are crucial to the educational process. Additionally, connectivity concerns could cause internet access to disappear, making it hard to do research or conduct online testing [8].

The effect of load shedding on education is a severe problem that not only interferes with learning but also puts educational outcomes in jeopardy. It is difficult for students to gain the knowledge they need to achieve in their studies, which could have a negative impact on the nation's future economic development. Some institutions lack sufficient energy storage devices, such as solar panels or generators, to keep the lights on during blackouts [30]. Some areas of the institutions of higher learning do not receive backup power during load shedding, so they are unable to access the Wi-Fi. As a result, they are unable to complete their assessments and submit them on time [9].

2. The Institution of higher learning responds on Energy Management strategies

Lokailwe claims that the method used to optimize and adapt energy use using systems and procedures to cut back on energy use at the same or lower cost is known as energy management. Because they are ancient and energy efficiency was not a consideration when they were built, buildings for higher education are the most energy inefficient users of all [31].

South African universities are under increasing pressure to control, manage, and reduce the cost of electricity consumption by implementing energy saving measures. This will help with overcoming resource and cost constraints. According to Maistry and McKay [32], between 1994 and 2007 there was a 50% increase in electricity use, while the cost of electricity climbed by almost 200% between

2008 and 2014. This suggests that higher institutions are dealing with rising energy expenditures.

Renewable and Non-renewable energy strategies can be utilized other than electricity as the original supplier. A non-renewable resource is one that cannot be regenerated or regrown in a reasonable amount of time on a scale comparable to its utilization. Renewable resources are limitless natural resources that can be regenerated quickly (such as sunshine, wind, rain, tides, and geothermal heat). Solar energy is one of the greatest renewable energy sources accessible since it is one of the cleanest. It is the direct conversion of sunlight into energy using photovoltaics or concentrated solar power, although owing to weather circumstances, it may not be possible on some days. Hydropower, often known as water power, is energy derived from falling or rapidly moving water that may be used for useful purposes. The movement of water creates energy that may be captured and transformed into electricity. This is known as hydropower or hydroelectric power. Water is stored in a reservoir behind a dam on a river in the most common type of hydroelectric power plant.

Tidal power is another potential source of energy. Tidal power supporters argue that while building costs are currently expensive, tidal power offers one of the lowest operating and maintenance expenses. As a result, this is an unexplored resource with significant potential. The high cost of tidal projects is mostly owing to the industry's infancy, as opposed to wind and solar, which have received significantly more investment and research, resulting in reduced prices and efficiency.

3. The institutional economic impact of load shedding

Institutions of higher learning invest a significant amount of money on diesel so that the generators can run continuously during load shedding, but owing to unforeseen schedules, electricity can occasionally go out for longer than eight hours each day. As a result, this causes the organization to spend more than expected and purchase fuel so that some areas of the institutions can function. Institutions of higher learning have various units that bring in money, such as gyms, but when there is load shedding, the gym equipment breaks down, causing students or some employees to cancel their membership. In other words, the revenue from gym subscriptions will stop.

4. Public-private partnerships

According to Hodge and Greve [33], public-private partnerships are cooperative institutional frameworks in which public and private players collaborate to provide infrastructure and service delivery to public institutions. Typically, this means the private sector sharing the risks, expenditures, and resources with the public institution [34]. PPPs are ongoing agreements between government and private sector organizations that allow private organizations to participate in decision-making and production of public goods or services that have traditionally been provided by the public sector, while also sharing production risk [35].

The purpose of higher education institutions to offer students a world-class education at an affordable price and to conduct world-class research is coming under growing pressure. For many institutions, the reduction of public funding assistance and worries about overall affordability pose significant short- and long-term fiscal

issues [34]. In South Africa, the private sector has been involved in education in a variety of ways to develop ways to give all students with high-quality public education, especially in institutions serving kids from low socioeconomic backgrounds. Up until now, NGOs have primarily supported educational institutions in underprivileged areas through unofficial charity programs. South Africa have more formal process of deliberately locating and working with a group of outside funders to give support for government higher institutions been formed [34]. Higher institutions can collaborate with Eskom so that the load shedding schedule do not interrupt academic activities.

5. Measures to be taken to halt load shedding issues

Following consideration of the literature review, outcomes, findings, and discussions, the institutions of higher learning can be given the following advice. The institutions should purchase a larger generator or more generators, whichever is more cost-effective, to power every area of the institution for at least five hours. To help with load shedding, the institution should soon install alternative energy power sources (solar, wind, etc.).

Governments should also contribute more financing to HEIs in order to aid impoverished students who cannot buy new computers. This should be supported by a dependable internet and network system that does not provide additional obstacles such as crashing or going offline at a moment when students want it the most [26]. These suggestions will aid in acting as long-term preventive actions in regard to the recognition of load shedding concerns.

Conclusion and Recommendations

The paper conclude that Load shedding has had a significant impact on institutions of higher learning in South Africa, particularly in the post-COVID-19 era. It has exacerbated the challenges faced by students and staff, affecting their academic progress and productivity. The frequent power outages have also highlighted the need for alternative sources of energy and better infrastructure to mitigate the impact of load shedding. It is imperative for the government and relevant stakeholders to prioritize addressing the issue of load shedding to ensure the smooth functioning of higher education institutions and safeguard the future of students in South Africa.

Based on the impact of load shedding on institutions of higher learning in South Africa, the following recommendations can be made:

- Invest in alternative sources of energy: Higher education institutions should explore the use of alternative energy sources such as solar power, wind power, and generators to mitigate the impact of load shedding. This will ensure that academic activities are not disrupted during power outages.
- Develop an effective communication strategy: Institutions should develop a communication strategy to keep students and staff informed about load shedding schedules and the measures being taken to address the issue. This will help to reduce anxiety and ensure that everyone is prepared for power outages.

- Upgrade infrastructure: The government and relevant stakeholders should prioritize upgrading the infrastructure to ensure that higher education institutions have access to reliable and uninterrupted power supply. This will require significant investment in the energy sector in South Africa.
- Encourage flexibility: Institutions should adopt a flexible approach to academic activities during load shedding periods. This could include rescheduling classes or providing online resources that can be accessed during power outages.
- Increase awareness and advocacy: There is a need for increased awareness and advocacy about the impact of load shedding on higher education institutions in South Africa. This can be achieved through public campaigns, workshops, and seminars to sensitize stakeholders about the issue and the need for urgent action.

REFERENCES

1. Masipa M.D., Ramoshaba D.J., Mabasa L.T., et al. An Assessment of COVID-19 Pandemic Quarantine and Isolation Programmes: A Case Study of the University of Limpopo. *Journal of Student Affairs in Africa*. 2022;10 (2):17-30.
2. Jantjies M. How South Africa Can Address Digital Inequalities in E-learning. *The Conversation*. 2020:1-3.
3. Gehringer C., Rode H., Schomaker M. The Effect of Electrical Load Shedding on Pediatric Hospital Admissions in South Africa. *Epidemiology (Cambridge, Mass.)*. 2018;29 (6):841.
4. Faranda R., Pievatolo A., Tironi E. Load Shedding: A New Proposal. *IEEE Transactions on Power Systems*. 2007;22 (4):2086-2093.
5. Goldberg A. *The Economic Impact of Load Shedding: The Case of South African Retailers*. [Dissertation]. University of Pretoria; 2015.
6. Findt K., Scott D.B., Lindfeld C. Sub-Saharan Africa Power Outlook 2014. *Kpmg Africa*. 2014.
7. Ramoshaba D.J., Kgarose M.F. Analysing Coping Strategies of Students for Online Teaching and Learning During the Covid-19 Pandemic. *International Journal of Research in Business and Social Science (2147–4478)*. 2022;11 (9):343-347.
8. Gumede L., Badriparsad N. Online Teaching and Learning Through the Students' Eyes—Uncertainty Through the COVID-19 Lockdown: A Qualitative Case Study in Gauteng Province. *South Africa. Radiography*. 2022;28 (1):193-198.
9. Qakoshe N. *Load Shedding Continues to Be a Threat to Higher Education*. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/358286057_LOAD_SHEDDING_CONTINUES_TO_BE_A_THREAT_TO_HIGHER_EDUCATION (accessed: 12.10.2023).
10. Park S., Freeman J., Middleton C. Intersections Between Connectivity and Digital Inclusion in Rural Communities. *Communication Research and Practice*. 2019;5 (2):139-155.
11. Ting M.B., Byrne R. Eskom and the Rise of Renewables: Regime Resistance, Crisis and the Strategy of Incumbency in South Africa's Electricity System. *Energy Research & Social Science*. 2020;60:101333.
12. Thanuskodi S. Internet Use Among the Faculty Members and the Students in the Professional Colleges at Tirunelveli Region: an Analytical Study. *Educational Research*. 2011;2 (13):1868-1875.
13. Al-Ansari H. Internet Use by the Faculty Members of Kuwait University. *Electronic Library*. 2006;24 (6):791-803.
14. Okundamiya M.S. *Modelling and Optimization of a Hybrid Energy System for GSM Base Transceiver Station Sites in Emerging Cities*. Benin: University of Benin; 2015.
15. Arthur J.K., Forgor L., Frimpong S.A. The Effect of the Load Shedding on the Qoe and Qos of Mobile Network Operators. *2019 International Conference on Communications, Signal Processing and Networks (ICCCSPN). IEEE*. 2019:1-10.

16. Bangani Z. *The Digital Learning Divide*. URL: <https://www.newframe.com/the-digital-learning-divide/> (accessed: 12.05.2023).
17. Dube B. Rural Online Learning in the Context of COVID-19 in South Africa: Evoking an Inclusive Education Approach. Multidisciplinary. *Journal of Educational Research*. 2020;10 (2):135-157. <https://doi.org/10.17583/remie.2020.5607>
18. Zhou L., Nunes M.B. Barriers to Knowledge Sharing in Chinese Healthcare Referral Services: An Emergent Theoretical Model. *Global Health Action*. 2016;9 (1):29964.
19. Mogalakwe M. The Use of Documentary Research Methods in Social Research. *African Sociological Review/Revue Africaine De Sociologie*. 2006;10 (1):221-230.
20. Bartley S.J., Golek J.H. Evaluating the Cost Effectiveness of Online and Face-to-Face Instruction. *Journal of Educational Technology & Society*. 2004;7 (4):167-175.
21. Queiros D.R., Villiers M.R. Online Learning in a South African Higher Education Institution: Determining the Right Connections for the Student. *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2016;17 (5):165-185.
22. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. 1983:147-160.
23. Cai Y., Mehari Y. The Use of Institutional Theory in Higher Education Research. *Theory and Method in Higher Education Research*. Emerald Group Publishing Limited. 2015; (1):1-25.
24. Adenikinju A.F. *Analysis of the Cost of Infrastructure Failures in a Developing Economy: The Case of the Electricity Sector in Nigeria*. 2005.
25. Gifford R., Nilsson A. Personal and Social Factors that Influence Pro Environmental Concern and Behaviour: A Review. *International Journal of Psychology*. 2014;49 (3):141-157.
26. Brammer S., Jackson G., Matten D. Corporate Social Responsibility and Institutional Theory: New Perspectives on Private Governance. *Socio-economic Review*. 2012;10 (1):3-28.
27. Mapuva J. Confronting Challenges to E-learning in Higher Education Institutions. *International Journal of Education and Development Using ICT*. 2009;5 (3):101-114.
28. Mapuva J., Muyengwa L. Conquering the Barriers to Learning in Higher Education Through E-learning. *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*. 2009;21 (2):221-227.
29. Lee J.J., Rice C. Welcome to America? International Student Perceptions of Discrimination. *Higher Education*. 2007;53 (3):381-409.
30. Steenkamp H., February A., September J. et al. The Influence of Load Shedding on the Productivity of Hotel Staff in Cape Town, South Africa. *Expert Journal of Business Management*. 2016; 2 (4): 69–77.
31. Lokailwe O.G. *Energy Management at a South African Higher Education Institution: A Case Study*. [Dissertation]. Cape Peninsula University of Technology; 2021.
32. Maistry N., McKay T.M. Promoting Energy Efficiency in a South African University. *Journal of Energy in Southern Africa*. 2016;27 (3):1-10.
33. Hodge G.A., Greve C. Public–Private Partnerships: An International Performance Review. *Public Administration Review*. 2007;67 (3):545-558.
34. Tilak J.B. Public-private Partnership in Education. *The Hindu*. 2010;24:1-16.
35. Feldman V. Does Learning Require Memorization? A Short Tale about a Long Tail. *Proceedings of the 52nd Annual ACM SIGACT Symposium on Theory of Computing*. 2020:954-959.

Information about the authors:

Mathibedi F. Kgarose — PhD, Lecturer of the Department of Public Administration, University of Limpopo (South Africa) (ORCID ID: 0000-0001-6955-3883) (e-mail: Mathibedikgarose85@gmail.com).

Daphney K. Makhubele — PhD, Lecturer of the Department of Public Administration, University of Limpopo (South Africa) (ORCID ID: 0000-0002-5141-9413) (e-mail: daphneychaffinch@gmail.com).

Lebo C. Setaise — PhD, Lecturer of the Department of Public Administration, University of Limpopo (South Africa) (ORCID ID: 0000-0002-3120-3834) (e-mail: lebogang010124@gmail.com).

Является ли отключение электроэнергии еще одной пандемией после COVID-19 для системы высшего образования в Южной Африке?

М.Ф. Кгаросе , Д.К. Махубеле , Л.К. Сетаисе

Университет Лимпопо,
0727, ЮАР, Совенга, Прайват Бэг, Х1106

 Mathibedikgarose85@gmail.com

Аннотация. В 1994 г. правительство Южной Африки под руководством Африканского национального конгресса (АНК) реализовало программу Реконструкции и Развития (RDP), которая предусматривала предоставление жителям Южной Африки стабильного и регулярного электроснабжения. В 2019 г. правительство объявило COVID-19 пандемией и учреждения высшего образования пришли к выводу, что внедрение онлайн-обучения является методом обеспечения исполнения раздела 27 (1) (a) (b) Конституции Республики Южной Африки. Отключение электроэнергии стало причиной множества трудностей в образовательных учреждениях высшего образования. Авторы исследуют, может ли отключение электроэнергии рассматриваться в качестве пандемии после COVID-19 и изучают его влияние на образовательные учреждения высшего образования. Предлагается, чтобы учреждения высшего образования инвестировали в альтернативные источники энергии и разработали эффективную стратегию коммуникации. Для анализа и интерпретации данной темы авторы использовали существующие эмпирические данные.

Ключевые слова: Южная Африка, образовательные учреждения, обучение, электроэнергия, отключение электроэнергии, преподавание

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 11.11.2023. Статья принята к публикации: 10.01.2024.

Для цитирования:

Kgarose M.F., Makhubele D.K., Setaise L.C. Is Load Shedding another Pandemic, Post COVID-19 at Institution of Higher Learning in South Africa? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 87–97. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-87-97>

Информация об авторах:

Кгаросе Матибеди Ф. — доктор наук, преподаватель кафедры государственного управления Университета Лимпопо (ЮАР) (ORCID ID: 0000-0001-6955-3883) (e-mail: Mathibedikgarose85@gmail.com).

Махубеле Дафни К. — доктор наук, преподаватель кафедры государственного управления Университета Лимпопо (ЮАР) (ORCID ID: 0000-0002-5141-9413) (e-mail: daphneychaffinch@gmail.com).

Сетаисе Лебо К. — доктор наук, преподаватель кафедры государственного управления Университета Лимпопо (ЮАР) (ORCID ID: 0000-0002-3120-3834) (e-mail: lebogang010124@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-98-111

EDN: XJXRPY

Research article / Научная статья

Boko Haram* Insurgency and the Challenges of Internally Displaced Persons in Nigeria

Ejiroghene A. Oghuvbu

Delta State University,
Abraka, Nigeria, 330105

✉ augustine4best@yahoo.com

Abstract. The consequences of insurgency, internal strife, and natural disasters force internally displaced people (IDPs) to live lives they never anticipated or desired. On this note, this study explores the challenges faced by IDPs in Nigeria as well as the globalisation of the Boko Haram (recognized as a terrorist organization in the Russian Federation) insurgency. The study also looks at the difficulties IDPs in Nigeria face as a result of the Boko Haram (recognized as a terrorist organization in the Russian Federation) insurgency, such as violence between Hausa and Fulani, natural and man-made disasters. Due to their affiliation with foreign terrorists, Boko Haram's (recognized as a terrorist organization in the Russian Federation) effects are more devastating. The study adopted the human needs theory and used qualitative research methods to gather information from secondary sources including books, journal articles, news magazines, and internet sources. According to the human needs theory, it is up to the government to decide how to handle social issues. Findings indicate that the difficulties faced by internally displaced people in Nigeria, which include housing shortages, starvation, hunger, lack of access to water and electricity, and lack of sustainable occupation, portend serious threats to the nation's human security. The study also suggests that to address the issue of start-up funds, which threatens IDPs' economic opportunities in new environments, the government should quicken the advancement of low-interest loans for skilled IDPs. The government should also work with people and organisations to provide vocational skills. The study concludes that, doing so will help to alleviate the situation of Nigeria's internally displaced people.

Keywords: Boko Haram*, insurgency, Internally Displaced Persons, internal displacement, human needs theory, Nigeria

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 05.03.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Oghuvbu E.A. Boko Haram* Insurgency and the Challenges of Internally Displaced Persons in Nigeria. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):98–111. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-98-111>

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

Introduction

Kofi Annan, a former Secretary General of the United Nations (UN), advocated that internally displaced people are the most vulnerable members of society, and that their displacement is “the greatest tragedy of our time facing the global system and the state” [1]. The consequences of insurgency, internal strife, and natural disasters force internally displaced people (IDPs) to live lives they never desired.

As a result of displacement, people are evicted from their homes in their own country because they are no longer able to function in their country of origin. Displacement within one’s own country has always existed and became a global concern after World War II. Since the end of the cold war, the majority of violations of displaced persons’ rights have been caused by intra-state [2]. Following the end of the Cold War, Africa experienced a string of wars that resulted in the displacement of millions of people. Numerous Nigerians have fled their homes as a result of the Boko Haram* insurgency and Hausa-Fulani violence. When you consider how many lives have been lost, and how much infrastructure has been destroyed, and how many people have become homeless, it’s no wonder that internal conflicts continue to escalate [2].

IDPs from Adamawa, Yobe, and Borno were displaced by Boko Haram* to the tune of 300,000 in 2013. The Boko Haram* insurgency and other humanitarian crises in 2013 forced 470,500 people from their homes in some communities [3]. Despite this, with 3.3 million people expected to be displaced in 2014, Nigeria has the highest number of internally displaced people in Africa [4]. In addition to those displaced by Boko Haram*, flood victims, and conflicts between Fulani herdsmen and farmers are included in this figure. Nigeria, after Syria with 6.5 million IDPs and Colombia with 5.7 million, is the country with the third-highest number of IDPs worldwide, according to UNHCR [3].

Interestingly, much attention has not really been placed on the issues facing internally displaced persons in Nigeria which this study will contribute to existing knowledge. Based on this the research examines the challenges of IDPs in Nigeria.

The Concept of Insurgency

The concept of insurgency just like every other concept in other disciplines suffers the absence of a universal definition, as different scholars of politics and international relations have submitted diverse views on the concept. Invariably, insurgency is defined in several ways. For Sambo [5] “insurgency refers to the instrumentalization of violence by an individual or group of individuals against constituted authority, to engender political change”. Borrowing from the Clausewitzian definition of warfare, Brooker explains “insurgency as the pursuit of political goals through the means of organized violence”. The definition by Brooks [6] implies that insurgency can be used for other purposes than political

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

change as explained by Sambo [5]. “Insurgency is a rebellion against legitimate political authorities” [7].

Different forms of insurgency are observed around the world. While they build on varying discrepancies, the central nature of all typologies is rebellion against constituted authority. One of such typologies of insurgency is spiritual/religious insurgency. Spiritual insurgency revolts against constituted spiritual authorities and states with prevalent spiritual ideologies. Insurgents in this case embark on rebellion to find fulfilment or confront a socio-cultural and economic system that alienates them [8]. In congruence with this, [9] asserts that “spiritual insurgency searches for justice for a wrong done previously by the actor being revolted against”. The likelihood of spiritual insurgency is high in areas where religious principles and ideals influence political, economic, and social processes. Such areas include Middle Eastern countries. Commercial insurgency is another variant to be considered. The phenomenon of commercial insurgency is made possible when entities within the society capitalize on the lack or absence of material possessions to embark on acts of rebellion [8]. Societies, where unemployment and poverty are widespread have higher chances of witnessing commercial insurgency. Insurgents employ violence and rebellion to protest the lack of jobs, poverty, and lack of socio-economic means.

Another form of insurgency examined in this study is the liberation insurgency. This form of insurgency is rebellion against constituted authority for actualizing freedom or independence. Such rebellions were prominent in colonial societies, where domination by foreign powers are inherent. In such cases, elements within the society instrumentals, violence to achieve their desire for independence [8]. Closely related to this typology is separatist insurgency. In such a case, insurgents are not battling colonial powers but indigenous governments to achieve self-determination. Separatist movements advocate for the sovereignty of their members or ethnic group [10].

Boko Haram* Insurgency in Nigeria

Unprecedented numbers of Nigerians have been killed and wounded in the insurgency, and thousands have been displaced from their homes because they identify as religious or ethnic minorities. As a result, schools have been disrupted and closed, businesses have lost billions of naira, and properties have been destroyed [11]. Unavoidably, insurgency has a negative impact on society and the economy. Because of Boko Haram’s* insurgency, educational institutions have been destroyed and economic activities have been severely affected. Nigerian President Obasanjo argued that insurgency had cost Nigeria billions of naira that could have been used for development projects such as road constructions and improvements to the nation’s medical and educational systems [12]. There have been a number of people forced to leave their homes

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

in states such as Bauchi, Gombe, Taraba, Borno, Yobe, and Adamawa since the “insurgency began in Nigeria”.

As a result of the insurgency, Nigeria’s political climate has been ravaged by displacement and social dislocation. In the northern part of Nigeria, alone, 140,000 people were displaced from their homes in 2014 [11]. It was reported in 2015 that 70,000 Nigerians had emigrated to Benin, Niger, Chad, and Cameroon. More than 1,000 people have been internally displaced from the northern part of Nigeria [12]. According to the United Nations, insurgency has become a major threat to the world’s stability, and as a result, no country in the world can claim that it is free from violent acts such as shootings, armed robberies, bombings and hostage taking. Since the 1970s, insurgency has become the greatest threat to world peace [13]. As a result, Nigeria faces its own set of challenges in terms of national security and development. According to Mohammed [14] “since the insurgency became violent in 2009, it has led to over two million people being displaced within and across borders between neighbouring countries”.

Salkida argued Boko Haram’s* attacks have expanded beyond Nigeria’s borders since 2010 when it became more violent. Schools, police stations, churches, and mosques are targeted by the sects. More than 276 schoolgirls were kidnapped in Chibok, Borno state. According to estimates, Boko Haram* was responsible for the deaths of about 2,000 people in Nigeria [15]. Because of this government declared war on terrorists and its escalation in 2012 and 2013, Yobe, Adamawa, and Borno states declared states of emergency. Unaffected by this, Boko Haram* has continued to wreak havoc, according to Adamu and Rasheed [16] “Boko Haram* has forced millions of Nigerians to flee their homes in the north-eastern part of the country”. Since 2014, Boko Haram* insurgency in Nigeria has caused massive displacement in Nigeria. According to Abdulazeez, [17] Yobe, Borno and Adamawa states alone, “insurgency were responsible for the displacement of about two million people as of October 2015”. Displacement Monitoring Centre (IDMC [18] reports that the Nigerian military and the Joint Task Force from Chad, Niger, Benin, and Cameroon increased counter-insurgency operations in response to attacks in displacement camps. In the end, 279,000 people were displaced. A total of 1,707,000 people were internally displaced as of 2017. According to Marama [19] Borno state IDPs were forced to flee their camps after Boko Haram* assassinated 13 people on the 2nd of October 2018.

Internally Displaced Persons

A global understanding of displaced persons does not yet exist. Despite this, the United Nations has a working definition of internally displaced individuals who have been forcibly displaced as a result of armed conflict, IDPs are people who have been internally displaced because of widespread hostility, man-made disasters, and human rights violations and have remained

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

inside their country's borders [20]. the African Union Convention for the Assistance and Protection of IDPs (Kampala Convention, 2009), Internally Displaced Persons were defined as “groups or individuals who have been forced to leave their places of residence in order to avoid the consequences of conflict, circumstances of generalized violence, or man-made disasters and who have not crossed its state boundaries”.

Akanmu, Ogunesan, Omotosho and Adejare, [21] defined IDPs as “groups or individuals forced to flee their homes unexpectedly, but within their state's border” because of organized internal strife, armed conflict, human rights abuses, or man-made or natural disasters. Abdulrahman and Zuwaira [11] IDPs are a “group of people forced to leave their place of residence in order to or in order to avoid natural disasters, situations of widespread violations of human rights, and armed conflict but who have not crossed the state borders”. Also, Oduwole and Fadeyi [4] defined IDPs as “people or groups of people who flee their homes because of floods, mass human rights abuses, armed conflicts, earthquakes and other natural disasters for protection and safety without returning to their country of origin”. Gwadabe, Salleh, Ahmad and Jamil [22], observed that IDPs are individuals forced to relocate from their homes due to natural or man-made disasters. According to Letswa and Isyaku [12] internal displacement refers to “people who left their homes due to violent conflict but seek a temporary settlement within their country of origin”.

Reasons for Displacement in Nigeria

Active participation in armed conflict between states or non-state actors; widespread violence; man-made disasters; and, in some cases, human rights violations that purposefully target particular populations. The need for relocation due to development or environmental protection, where necessary relocation may be required for projects involving vital infrastructure or other factors, are some of the more prevalent causes of forced migration [16].

Nigerians are compelled to relocate as a result of various factors. Ethnic or religious differences, political struggles, as well as economic and social factors, all contribute to conflicts. The equation is completed as a result of a combination of declining levels of education and rising levels of poverty [13]. Nigeria's has over 250 ethnic groups, these have resulted to a number of clashes that have led to armed conflict, Interethnic conflict between the Tiv and Jukun in October 2001 resulting in the displacement of 300,000 to 500,000 individuals, also more than 2,000 people were forced to flee their homes after Yoruba and Hausa clashed in 2002 [23].

The United Nations office of Humanitarian Affairs, view that “Boko Haram* renewed attacks in 2009, more than twenty thousand people have lost their lives, countless girls and women have been abducted and children taken as suicide

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

bombers”. Oriakhi and Osemwengie [24] both observed that “assaults conceded by insurgency in Nigeria has brought about the destruction of properties amounting to billions of naira, loss of lives, income to mention, loss of investment, and infrastructural damage” and so on... According to UNOCHA a further 2.5 million people have fled their homes, over 2 million are internally displaced, and about 200 thousand have fled to the surrounding states of Chad, Niger, and Cameroon [25].

Over 3 million Nigerians have been internally displaced, with 900,000 of them coming from the north east. They make up ten percent of the world’s internally displaced people, trailing only Syria and Colombia in terms of numbers. They are also the largest population of conflict-affected IDPs in Africa [26]. Boko Haram* didn’t make an international splash until 2011, and since then, the attacks of this group have caused hardship for people’s lives and property in the north as well as serious injuries. As a result of these attacks, which also result in the destruction of homes, businesses, and schools, there have been bombings, kidnappings, robberies, and murders. The terrorist organisation seized control of numerous villages and proclaimed them to be “sovereign states” [26].

As of 2015, approximately thirty million people were internally displaced, which equates to sixty-six thousand people being displaced daily in 2015. There are significant numbers of internally displaced people in Iraq, the Democratic Republic of the Congo (DRC), South Sudan, Sudan, Nigeria, Columbia, Kenya, and Syria. By the end of 2015, the civil war in Syria had internally displaced five million people [27]. Over two million internally displaced people were thought to be living in Nigeria in 2015, dispersed across twenty-seven local government areas and thirteen states. However, there are exceptions for those who were displaced as a result of communal conflicts between farmers and herdsmen [27]. The Hausa-Fulani Cattle herders have caused displacement among the populace of Nigeria. After these deaths, Nigeria became the third most terrorized country in the world, behind only Afghanistan and Pakistan [28]. Only in 2014 are more than 1,000 people believed to have been killed, and more than 700 in the first quarter of 2015 [28].

Several people were killed and displaced in Southern Kaduna in 2017 [25].

This shows that Fulani men have been attacking villages in Southern Kaduna for the past six years. Theresa; Okoli; and Uroko [25] report that Fulani herdsmen attacked Goska in Southern Kaduna on the eve of Christmas 2016, setting fire, maiming and killing innocent Nigerians. Christianity and Islam are Nigeria’s two most popular religions, Whereas Muslims tend to cluster around Fulani-Hausa tribes in the country’s northern regions, Christians tend to cluster around the country [22]. Christians and Muslims have been fighting more in Nigeria since the implementation of Sharia laws in 12 northern states back in 2000, resulting in thousands of IDPs. As a result of religious bigotry between the two dominant religions, different ethnic groups have engaged in religious clashes and riots, particularly between the Muslim majority Hausa-Fulani and other nationalities of other ethnic groups [23]. As an example, the Kaduna State crisis, where Kaduna-South is predominantly Christian and Kaduna-North is predominantly Muslim. These bloody clashes have caused unrest in the affected states, resulting in the displacement of thousands of people.

There have been displaced people in Nigeria because of the Hausa-Fulani herdsmen killings. As a result, Nigeria was ranked the world's 3rd most terrorized nation [28]. According to reports, Hausa-Fulani herdsmen killed over 1,000 people last year alone, and over 700 in the first quarter of 2015 [28]. An attack by herdsmen in Southern Kaduna left many dead and displaced [25]. Fulani herdsmen have been attacking villages in Southern Kaduna for the past six years. To make matters worse in 2016, Fulani herders attacked Goska in Southern Kaduna, burning, maiming, and killing innocent Nigerians on the eve of Christmas [25].

Natural disasters, such as desertification and drought, force Nigerians to leave their homes. As a result of the recent overflow of the Niger River in Nigeria, thousands of internally displaced persons (ID Residents in the North suffer from flooding, while those in the East suffer from erosion, and the Delta region, also known as South-South, is notorious for oil spillage) [25]. According to National Emergency Management Agency report (2015), Only in Nigeria did a natural disaster cause more than 60,000 people to flee their homes in January of that year. A national disaster was declared on September 17th, 2018, by the National Emergency Management Agency (NEMA), resulting in the displacement of thousands of people and the deaths of over 100 people in the states of Kogi, Anambra, Katsina, Kaduna and Delta.

Theoretical Framework

According to Abraham Maslow's 1943 paper "A Theory of Human Motivation" in psychological review, this study relies on the human needs theory (HNT). Human needs are universal and non-negotiable, according to this theory, certain needs are deemed more important for human survival. Water, food and shelter are not the only things Maslow and Burton believe are necessary for human survival, Human beings are also driven to achieve non-physical and physical necessities, as well as other needs [29]. When it comes to understanding the causes of conflict and how to resolve it, HNT is a valuable tool. HNT is viewed by scholars as a tool for mediation, peace prevention, and post-conflict peacebuilding [30].

Internally displaced people in Nigeria reside in churches, tents, schools, and unfinished structures as a result of the Boko Haram* insurgency. Inadequate security, sanitation, and health care are unavailable to Nigeria's displaced population. Others, however, are victims of human trafficking, sexual assault, or both. Displaced Persons reported experiencing a number of violations, including displacement, movement restrictions, land violations, and stationary deployment of armed forces to the camps [31]. In order to help displaced people relocate safely and in a better living environment, the government must be more considerate of their needs. To do this, it must provide them with the infrastructure and amenities they require. These unmet needs are what Maslow referred to as pressing needs, and this will at the very least meet their aspirations.

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

Research Methods

In order to examine the challenges faced by internally displaced people in Nigeria as a result of the Boko Haram* insurgency and Boko Haram* international networks, this study uses the qualitative method and relies on secondary sources of data. The study specifically uses books, book chapters, scholarly journals, news magazines, conference proceedings, newspapers, and internet sources to gather its data. To structure the arrangement of the data retrieved by adhering to the study's objectives, these data are analysed using thematic analysis.

Boko Haram* and the International Networks

Strong evidence suggests that Boko Haram* has maintained close ties with individuals and groups outside of Nigeria since its founding. Boko Haram* leader Tishau asserts that after the democratically elected government of Mauritania in North Africa was overthrown in 2005, the group's international connections there started. Mauritanian warlords who wanted to use Boko Haram* members as mercenaries in the conflict that erupted after the state's military takeover contacted the group's founder while claiming they were going to the North African nation for advanced Islamic studies [32]. Tishau claims that the group's founder, though, rejected this demand due to internal conflict caused by some northern elites with Mauritania-related interests pitting group members against Yusuf and his supporters, this rejection caused division within the group. Tishau claims that some Boko Haram* members did agree to participate in the Mauritanian conflict and receive military training there [32].

Islamic schools are sending students to Mauritania to train as terrorists while claiming to be sponsors for advanced Islamic studies. The group realised the need to form networks with other transnational groups as its objectives became more militant. After that, the group started to associate itself publicly with Osama bin Laden and Al Qaeda*. "Boko Haram* is simply a rebranded version of Al Qaeda*, which we support and respect", read one of its earliest statements [33]. We back Osama bin Laden, and we'll carry out his orders in Nigeria until that nation completely converts to Islam, as Allah desires. In other places, the group's leaders vowed to spread the word that their jihadists had come to Nigeria from Somalia, where they had received practical military instruction from the group's brethren who had turned that nation into an unruly state. Reliable reports show that the group later communicated with Al Shabaab* in Somalia and Al Qaeda in the Maghrib* (AQIM*), so this strategy appears to have been successful. General Carter Ham, a top US military commander for Africa, was the one who initially raised the alarm when he suggested that Boko Haram* was in the process of forming a partnership with Al Shabaab* and AQIM* [34]. This may have been based on encouragement from the former, as evidenced by a leader of AQIM's* declaration that his organisation would significantly support. According to an interview with Al Jazeera, Boko Haram*

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

plans to expand by providing military and logistical support. Abdelkader Messahel, Algeria's deputy foreign minister, said in a similar vein: "We have no doubt that coordination exists between Boko Haram* and Al Qaeda*" [35]. Cooperation is evident from both intelligence reports on how both organisations operate.

The United Nations Security Council asserted to be aware of Boko Haram* members' training in AQIM* camps in Mali, and there are reports that connect Boko Haram* even more closely to the insurgency in northern Mali. 346 H. Onapajo and co. at 13:09 on August 11, 2015, [Ecole Hautes Etudes Commer-Montréal] For instance, it was asserted that the Movement for Unity and Jihad in West Africa was responsible for the April 2012 raid on the Algerian embassy in the Malian city of GAO, which led to the hostage-taking of seven Algerian diplomats (MUJWA). According to reports, this raid heavily involved members of Boko Haram* (an alleged dissident group of Al Qaeda*) [36]. According to a local official in Mali, there are about 100 Boko Haram* fighters in Gao. They are not hiding the fact that they are Nigerian and are from Niger. Some of them even can describe themselves — Boko Haram* — in the local tongue. Significant evidence of connections between Boko Haram* and some very well-established transnational terrorist networks can be found in the group's increased sophistication of its terrorist campaign, which appears to be the result of well-orchestrated planning and significant funding. Pentaerythritol Tetranitrate and Triacetone Triperoxide, two "highly powerful and volatile" plastic explosives, were heavily utilised in the attack on the UN building in Abuja in August 2011, leading Nigerian security personnel and outside security experts to draw the conclusion that the attack was well beyond the capabilities of a local terrorist organisation [36].

In light of this, there have been rumours suggesting a connection between Boko Haram* and a few insurgent groups in Iraq. According to US bomb expert John Myrick, insurgencies in Somalia and Nigeria have been linked to a more deadly type of bomb known as a "shaped charge". In the Iraq War of 2003, only this type of bomb was used. According to the argument, because more advanced al-Qaeda*-affiliated organisations are advising and training African militants, Africa is becoming a destination for the deadlier bombs. General Andrew Azazi, Nigeria's national security adviser, continued, "We have evidence that some Boko Haram* leaders were trained outside of Nigeria; who taught them their methods, their bomb-making technologies?" J. Peter Pham claimed that Boko Haram* had upgraded its tactical and operational strategies by using On June 16, 2011, one of the deadliest weapons in the jihadist arsenal was used against the inspector general of the Nigerian police force at the force's Abuja headquarters, demonstrating its capacity to carry out vehicle-borne IED (improvised explosive device) suicide attacks [37].

In a similar vein, Onyeabor Azubuike Ihejirika, lieutenant general, there is no denying that the groups known as Boko Haram* or terrorists, receive funding and training from abroad, according to the Chief of Army Staff of Nigeria [33]. This was evident from the types of weapons, communication tools, and improvised explosive

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

device-making prowess we seized from them; all of which point to the involvement of foreigners in the terrorism occurring in Nigeria. Additionally, according to reliable reports, the Nigerian State Security Service learned that the group had stopped relying on normal donations from its members in favour of receiving funding from some organisations in the UK and Saudi Arabia as a result of its connections with AQIM*. Additionally, unnamed Nigerian businessmen Nigerian security personnel have described individuals from the state of Bauchi as having close ties to AQIM*, connections to Boko Haram*, and financial support [34].

Challenges of Internally Displaced Persons in Nigeria

Those who are internally displaced in Nigeria and elsewhere in the world face a variety of challenges. In addition, these challenges are very similar. Nigerians, on the other hand, have been forced to flee their homes by Boko Haram* to the extent that over 90 % of them have been internally displaced. This has resulted in the breakdown of family structures, deaths, destruction of infrastructure People had no choice but to leave their homes because of the security [38].

The “National Emergency Management Agency” (NEMA) claims that “children who are internally displaced are absent from school in significant numbers because they have been split up from family members or because their parents have died during armed conflict. The destruction of schools by terrorists, the abduction of schoolchildren, and the murder of teachers were the causes of the North’s educational collapse. These children’s education is often substandard and lacking due to poor learning conditions and a lack of teaching aids, even when they are able to go to school. The majority of the time, teachers who are incompetent are willing to teach [17]. Child refugees and those who have fled their homes without knowing where they can find their families were among the issues highlighted by NEMA. This includes children who are kidnapped and recruited by Boko Haram* to be suicide bombers or terrorists” [17].

IDPs have been forced to flee their homes and seek refuge in mosques, schools, churches, and informal settlements as a result of Boko Haram’s* activities, which has had a detrimental effect on their health [8]. Obaji and Aloba [39] claim that displaced people experience a range of security difficulties, such as gender- and child-based hostility, family separations, exploitation, and detention without regard for the law. IDPs in Nigeria, according to Ahmad, [22] reside in town halls, government buildings, schools, churches, bunkhouses, and tents. As a result of the inadequacy of these shelters, most people are asked to leave, or because of the overcrowding and lack of sanitation and water facilities, women are deprived of their privacy. Unprecedented levels of violence have resulted in the deaths and injuries of hundreds of innocent people because of their race or religion. Even children’s education is affected and disrupted, as well as the loss of millions in revenue for companies [12]. A state’s economy and well-being are severely

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

damaged by insurgency, and this cannot be overstated. As a result of insurgencies, Nigeria's financial operations have been paralyzed and its educational institutions demolished. Insurgency in Nigeria has cost billions of dollars since Obasanjo took office, which could have been used to grow important economic industries like road construction, the refurbishment of educational institutions, the advancement of health care, and the provision of public facilities to the entire country [40]. Boko Haram's* insurgency has been the most devastating in Nigeria, causing social dislocation and displacement of individuals.

It appears that more than 140,000 people in 2014, people in the northern region of the country were compelled to leave their homes, villages, and communities. In 2015, Nigerians fled to nearby nations like Chad, Cameroon, Niger, and the Benin Republic. Evidence suggests that about 1000 IDP camps exist in Nigeria's 36-state federation, with most of them in northern Nigeria [11]. Nearly a million people are believed to be internally displaced in Borno, according to the third Displacement Tracking Matrix from the Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA), International Organization for Migration (IOM), and National Emergency Management Agency (NEMA) (DTM).

Conclusion

The literature from this study has shown that Nigeria's internal displacement issues has been filled with information that Nigerian IDPs suffer from a variety of issues, including unemployment and insecurity. It was also noted that Boko Haram* terrorists were responsible for the largest number of IDPs in the country and that they could recruit IDPs as suicide bombers for their organization. As a result of these factors, government efforts to combat terrorism may be undermined.

Boko Haram's* insurgency, according to most of the existing literature, revealed that the major obstacles IDPs face are insecurity and unemployment. As a result, the government, which has the responsibility to protect IDPs, should provide basic needs and ensure the safety of IDPs within its territorial boundary.

The majority of the relief supplies required by internally displaced people are provided by religious organisations, associations, and well-meaning Nigerians; therefore, the government must increase its assistance to these people with obvious and tangible relief. The government can take advantage of the fact that many IDPs are skilled in a variety of professions by creating programmes for their vocational re-training.

The government can take it a step further for skilled IDPs by accelerating the advancement of low-interest loans to address the issue of lack of start-up funds, which jeopardises their economic opportunities in new areas. The above efforts would have been successful in resolving that issue because a common theme in the literature is that the IDPs and their host communities are constantly at odds and, in some cases, violently clash over a lack of economic resources.

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

REFERENCES

1. Fenella H. Displaced Persons in South Sudan — Whose Responsibility to Protect? *Masters*. 2016.
2. Olanrewaju F.O., Omotoso F., Alabi J.O. Boko Haram* Insurgency and the Management of Internally Displaced Women in Nigeria: A Situational Analysis. *African Population Studies*. 2018;32:402-403.
3. Itumo A., Nwefuru N. Nigerian State and Responses to Plights of Persons Internally Displaced by Boko Haram* Insurgents: Implications for Socio-Economic and Political Development. *Research on Humanities and Social Sciences*. 2016;6:24-38.
4. Oduwole T., Fadeyi A. Issues of Refugees and Displaced Persons in Nigeria. *Journal of Sociological Research*. 2013;4:1-18.
5. Sambo A. Internal Displaced Persons and Their Information Needs. *Digital Commons@University of Nebraska — Lincoln*. 07.03.2017. URL: <http://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4317&context=libphilprac> (accessed 23.07.2021).
6. Brooks R. Failed States, or the State as Failure? *The University of Chicago Law Review*. 2005;72:1159-1196.
7. The Kampala Convention on the Protection and Assistance to IDPs. *AU*. 2009.
8. Adewale S. Internally Displaced Persons and the Challenges of Survival in Abuja. *African Security Review*. 2016;25 (2):176-192.
9. Sanni K. Nigeria Declares National Disaster as Floods Kill Over 100. *Premium Times*. 17.09.2018. URL: <https://www.premiumtimesng.com/news/headlines/284149-nigeria-declares-national> (accessed 23.07.2021).
10. Jelili M., Olanrewaju S. Realities of IDPs Camps in Nigeria. *Global Journal of Human Social Science: Interdisciplinary*. 2016;16:1-6.
11. Abdularahman A., Zuwaira H. Effects of Insecurity on the Internally Displaced Persons (IDPs) in Northern Nigeria: Prognosis and Diagnosis. *Global Journal of Human — Social Science: Political Science*. 2016;16:1-7.
12. Letswa A., Isyaku S. Insurgency and Internally Displaced Persons IDPs in Nigeria: A Reflection on the Causes, Implication and Way Forward. *International Journal of Innovative Studies in Sociology and Humanities*. 2018;3:36-48.
13. Olufemi F., Olaide B. Managing Internally Displaced Persons in Nigeria: The Case of Insurgency in the North-East Geo-Political Zone. *International Journal of Development Strategies in Humanities, Management and Social Sciences*. 2015;5:145-166.
14. Mohammed F. *The Causes and Consequences of Internal Displacement in Nigeria and Related Governance Challenges*. URL: https://www.swpberlin.org/fileadmin/contents/products/arbeitspapiere/Mohammed_2017_Internal_Displacement_Nigeria.pdf (accessed 23.07.2021).
15. Salkida A. Counting the Cost of Boko Haram* Crisis. *Sahara Reporters*. 04.11.2012. URL: <http://saharareporters.com/2012/11/04/counting-cost-boko-haram-crisis-ahmadsalkida/> (accessed 23.07.2021).
16. Adamu A., Rasheed Z. Effects of Insecurity on the Internally Displaced Persons (IDPs) in Northern Nigeria: Prognosis and Diagnosis. *Global Journal of Human Social Science*. 2016;16:1-7.
17. Abdulazeez M. The Boko Haram* Insurgency and Internal Displacement- Presentation by Medinat Abdulazeez (Nigerian Defence Academy). *Federal Department of Justice and Police*. 2016. URL: <https://www.sem.admin.ch/dam/data/sem/internationales/herkunftslaender/afrika/nga/NGA-boko-haram-e.pdf> (accessed 08.07.2021).
18. Global Report on Internal Displacement. *IDMC*. 2017. URL: <http://www.internal-displacement.org/global-report/grid2017/> (accessed 23.07.2021).
19. Marama N. Boko Haram* Terrorists Raid 4 Borno Villages, IDPs Camp Kill 13. *News Pay*. 2018. URL: <https://newspay.ng/502823/boko-haram-terrorists-raid-4-borno-villages-idps-camp-kill-13/> (accessed 23.07.2021).

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

20. Akuto G. Challenges of Internally Displaced Persons (IDPs) in Nigeria: Implications for Counselling and the Role of Key Stakeholders. *International Journal of Innovative Psychology and Social Development*. 2017;5 (2):21-27.
21. Akanmu A., Ogunesan A., Omotosho B., Adejare J. National Policy on Internally Displaced Persons (IDPs) in Nigeria: The Grave Exclusion. *Conference of the Faculty of Environmental Studies, the Oke-Ogun Polytechnic, Saki held on 16th-18th February*. 2016:1-9.
22. Ahmad A. Forced Displacement and the Plight of Internally Displaced Persons in Northeast Nigeria. *Humanities and Social Science Research*. 2018;1:46-53.
23. Ezeanokwasa J., Kalu U., Okaphor F. A Critique of the Legal Framework for Arresting the Threat of Internal Displacement of Persons to Nigeria's National Security. *NAUJILJ*. 2018;9 (2):10-21.
24. Oriakhi D., Osemwengie D. The Impact of National Security on Foreign Direct Investment in Nigeria: An Empirical Analysis. *Journal of Economics and Sustainable Development*. 2012;3:88-96.
25. Theresa N., Okoli A., Uroko F. Self-Acclaimed Religious Terrorism, Refugee Crisis, and the Plight of Internally Displaced Persons in Nigeria. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2017;8:189-196.
26. Hansen W. Poverty and "Economic Deprivation Theory": Street Children, Qur'anic Schools-Almajirai and the Dispossessed as a Source of Recruitment for Boko Haram* and Other Religious, Political and Criminal Groups in Northern Nigeria. *Perspectives on Terrorism*. 2016;10:88-95.
27. Odusanya O. The Health of Internally Displaced Persons. *Nigerian Postgraduate Medical Journal*. 2016;23:159-160.
28. Ludovica L. Nigeria Fulani Militants: Herdsmen Accused of Killing 1200 People in 2014. *International Business Times*. 23.11.2015. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/nigeria-fulani-militants-herdsmen-accused-killing-1200-people-2014-1530042/> (accessed 23.07.2021).
29. Marker S. Unmet Human Needs. *Beyond Intractability*. 2019. RL: https://www.beyondintractability.org/essay/human_needs (accessed 12.06.2021).
30. Danielsen G. Meeting Human Needs Preventing Violence: Applying Human Needs Theory to the Conflict in Sri Lanka. *USAL*. 2005.
31. Osagioduwa E., Oluwakorede O. Management of Internally Displaced Persons in Africa: Comparing Nigeria and Cameroon. *African Research Review*. 2016;10 (1):193-210.
32. Marsai V., Tarrósy I. The Potential for Violent Extremist Organizations in Africa to Take Advantage of the COVID-19 Pandemic Crisis in Ungoverned Spaces: The Cases of Al-Shabaab* and Boko Haram*. *African Security*. 2022: 1–23.
33. Tar U.A., Bala B. Mapping International Support for the Fight Against Boko Haram*. *Boko Haram's* Terrorist Campaign in Nigeria*. Routledge; 2021:215-231.
34. Njoku E.C., Singh J. Beyond Religious Fundamentalism: Multidimensional Poverty and Boko Haram's* Appeal Among Northern Nigerian Youths. *Malaysian Journal of International Relations*. 2021;9 (1):68-87.
35. Abani M. *Et si Boko Haram* N'était pas Boko Haram*?* Les Editions Maïna Manga; 2021.
36. Okon E.N., Williams D.U., Okeke G.S. State Bastardisation and Terrorism in Nigeria: A Discourse. *Research in Social Change*. 2021;13 (1):37-46.
37. Bencherif A. Unpacking "Glocal" Jihad: from the Birth to the "Sahelisation" of Al-Qaeda*⁰ in the Islamic Maghreb. *Critical Studies on Terrorism*. 2021;14 (3):335-353.
38. New Study: Displaced Nigerians Too Scared to Return Home. *NRC*. 2017. URL: (accessed 13.08.2021).
39. Obaji S., Aloba E. Internal Displacement in Nigeria and the Case for Human Rights Protection of Displaced Persons. *Journal of Law, Policy and Globalization*. 2016;5:26-33.
40. Lenshie N., Yenda H. Boko Haram* Insurgency, Internally Displaced Persons and Humanitarian Response in Northeast Nigeria. *The International Journal of Humanities and Social Studies*. 2016;4:141-150.

* Recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

Information about the author:

Ejiroghene A. Oghuvbu— PhD, Lecturer of the Department of History and International Studies, Delta State University (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0003-1422-3806) (e-mail: augustine4best@yahoo.com).

Восстание Боко Харам* и проблемы внутренне перемещенных лиц в Нигерии

Э.А. Огубу

Университет штата Дельта,
330105, Нигерия, Абрака

✉ augustine4best@yahoo.com

Аннотация. Последствия восстания, внутренних конфликтов и стихийных бедствий заставляют внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) вести жизнь, которую они никогда не предвидели или не желали. В этом контексте данное исследование изучает проблемы, с которыми сталкиваются ВПЛ в Нигерии, а также интернационализацию восстания Боко Харам (в РФ признано террористической организацией). Исследование также рассматривает трудности, с которыми сталкиваются ВПЛ в Нигерии в результате восстания Боко Харам (в РФ признано террористической организацией), такие как насилие между народами хауса и фулани, природные и техногенные бедствия. Из-за своей связи с иностранными террористами, последствия активности Боко Харам (в РФ признано террористической организацией) оказываются более разрушительными. В данном исследовании использовалась теория человеческих потребностей, а также качественные методы исследования для сбора информации из вторичных источников, включая книги, научные статьи, журналы и интернет-источники. В соответствии с теорией человеческих потребностей решения по обращению с социальными проблемами принимаются правительством. Результаты проведенного исследования показывают, что трудности, с которыми сталкиваются внутренне перемещенные лица в Нигерии, включают нехватку жилья, голод, недостаток доступа к воде и электричеству, а также отсутствие устойчивого занятия, что представляет серьезную угрозу для безопасности человека в стране. Автор также предполагает, что для решения проблемы нехватки средств для начала предпринимательской деятельности, которая угрожает экономическим возможностям ВПЛ в новых условиях, правительство должно ускорить развитие низкопроцентных займов для квалифицированных ВПЛ. Правительство Нигерии также должно сотрудничать с людьми и организациями для обучения и развития профессиональных навыков. Автор приходит к выводу, что данный комплекс мер поможет облегчить ситуацию внутренне перемещенных лиц в Нигерии.

Ключевые слова: Боко Харам*, повстанчество, внутренне перемещенные лица, внутреннее перемещение, теория человеческих потребностей, Нигерия

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 05.03.2023. Статья принята к публикации: 10.01.2024.

Для цитирования:

Oghuvbu E.A. Boko Haram Insurgency and the Challenges of Internally Displaced Persons in Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 98–111. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-98-111>*

Информация об авторе:

Огубу Эджироген А. — доктор наук, преподаватель кафедры истории и международных исследований в университете штата Дельта (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0003-1422-3806) (e-mail: augustine4best@yahoo.com).

* В РФ признано террористической организацией.

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-112-136

EDN: YGRZMN

Research article / Научная статья

Governmentality Perspective as a Contemporary Strategy for Rural Community Development in Nigeria

Tochukwu S. Ezeudu ¹, Kingsley C. Ezekwelu²

¹ Federal University Gusau,
P.M.B. 1001, Zaria Road, Gusau, Nigeria

² Nnamdi Azikiwe University,
Awka, Nigeria, 420007

 tochukwu.ezeudu@yahoo.com

Abstract. This study delves into the intricate dynamics of governmentality in the context of rural community development in Nigeria. It examines diverse participant perceptions of governmentality initiatives, highlighting the influence of socio-cultural and economic contexts. The research also assesses the impact of these initiatives on rural development outcomes, emphasizing improvements in infrastructure, community engagement, and socio-economic conditions. Challenges, including resource constraints and transparency issues, are explored, along with the pivotal role of community participation and effective communication. The findings underscore the significance of context-specific approaches, community involvement, and addressing regional disparities in rural development. The study provides valuable insights for policymakers and practitioners, advocating for nuanced strategies that account for the unique characteristics of Nigeria's rural communities. Recommendations encompass tailored approaches, transparency, capacity building, resource mobilization, and cultural preservation. By heeding these recommendations, stakeholders can enhance the effectiveness of governmentality-oriented initiatives, fostering sustainable and equitable development across diverse regions.

Keywords: governmentality, rural development, community engagement, Nigeria, socio-cultural context

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.09.2023. The article was accepted on 11.01.2024.

For citation:

Ezeudu T.S., Ezekwelu K.C. Governmentality Perspective as a Contemporary Strategy for Rural Community Development in Nigeria. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):112–136. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-112-136>

© Ezeudu T.S., Ezekwelu K.C., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

Rural communities are the lifeblood of Nigeria, representing a substantial portion of the nation's population and contributing significantly to its cultural and economic diversity [1–4]. Despite their importance, these rural areas often grapple with a multitude of pressing challenges, including limited access to essential services, inadequate infrastructure, and high levels of poverty [5–8]. The persistent disparities between rural and urban areas in Nigeria necessitate effective strategies for rural development [9–10].

In recent years, the governmentality perspective, grounded in Michel Foucault's seminal works, has emerged as a prominent and innovative lens for examining governance, power structures, and policy dynamics in the context of rural community development [11–12]. This perspective offers a unique vantage point to scrutinize the multifaceted nature of power relations and governance mechanisms that shape the development trajectory of rural communities in Nigeria [13].

The governmentality perspective challenges traditional, top-down approaches to governance and development at its core by emphasizing the intricate interplay of formal and informal governance structures [14–15]. It acknowledges that power operates through state institutions and an intricate network of actors, including governmental agencies, non-governmental organizations (NGOs), community leaders, and civil society organizations [16–17]. These stakeholders wield influence at various levels and play pivotal roles in shaping the rural development landscape of Nigeria [18–19].

This perspective aligns with Foucault's assertion that governance is not solely a repressive force but also has productive dimensions [20]. In the context of rural development, this implies that governance can be harnessed as a catalyst for positive change when understood and applied effectively [21–22]. By critically examining power dynamics and policy frameworks, stakeholders can identify opportunities for more equitable, participatory, and sustainable development outcomes in Nigeria's rural communities [23–24].

In the forthcoming sections of this article, we will explore the governmentality perspective as it applies to rural community development in Nigeria. We will scrutinize the existing literature on the governance dynamics in rural areas [25–26] and investigate the methodological approaches utilized in the study of governmentality within rural development contexts [27–28]. Furthermore, we will synthesize findings from recent research endeavors and engage in insightful discussions to illuminate the tangible impact of government-oriented initiatives on Nigeria's rural communities. Finally, we will offer conclusions based on the insights distilled from the literature and research, culminating in practical recommendations for policymakers, development practitioners, and stakeholders involved in the pursuit of rural community development in Nigeria.

The objective of the study:

1. To Analyze the Implementation of Governmentality Perspectives: The primary objective of this study is to critically assess how governmentality perspectives are currently being implemented in rural community development

- initiatives in Nigeria. This includes an examination of the policies, strategies, and mechanisms employed by governmental agencies, non-governmental organizations, and community leaders to apply this perspective in practice.
2. To Evaluate the Impact on Rural Development Outcomes: This study aims to evaluate the impact of governmentality-focused initiatives on rural development outcomes in Nigeria. It involves assessing changes in infrastructure, access to essential services, community empowerment, and overall well-being in rural areas where governmentality perspectives have been applied.
 3. To Provide Recommendations for Effective Governance Strategies: Based on the findings and analysis, the study seeks to provide practical recommendations for policymakers, development practitioners, and stakeholders involved in rural community development. These recommendations will focus on how to harness the governmentality perspective more effectively to promote equitable, participatory, and sustainable rural development in Nigeria.

Literature Review / Theoretical Framework

Definition and Conception of Governmentality

Governmentality is a multifaceted concept that originated from the works of French philosopher Michel Foucault [11; 20]. It represents a critical framework for understanding the complex interplay of power, governance, and social control in modern societies [29]. At its core, governmentality challenges traditional notions of governance by emphasizing the decentralized and pervasive nature of power [30].

According to Foucault, governmentality involves a set of practices and techniques employed by both state institutions and non-state actors to manage and regulate populations [31–32]. It encompasses not only formal governmental structures but also the subtle ways in which individuals and groups govern themselves and others [33].

Central to the concept is the idea that power operates as a productive force that shapes and influences behaviors, norms, and subjectivities [16; 20]. Governmentality underscores that power is not solely repressive but also constructive, generating knowledge, expertise, and specific forms of governance [34].

Foucault identified three primary components of governmentality:

The Rationality of Government: This component explores the logic and reasoning behind governance practices. It involves the calculation of risks, the optimization of resources, and the pursuit of particular objectives through governmental action [35].

The Techniques of Government: These refer to the methods and tools used to govern individuals and populations. This can include policies, regulations, surveillance, education, and various disciplinary practices [36].

The Ethics of Government: This aspect pertains to the moral and ethical frameworks that underpin governance. It examines the values and norms that guide governmental decisions and the construction of desirable or undesirable subjectivities [37].

Governmentality has been widely applied across disciplines, including sociology, political science, and public administration, to analyze various aspects of governance, from healthcare systems [38] to urban planning [39] and social policies [40]. It provides a critical lens for understanding how power operates, shapes societies, and influences the behavior of individuals and communities in complex and subtle ways.

Rural Development in Nigeria: A Multifaceted Challenge

Rural development in Nigeria is a complex and multifaceted challenge that has garnered significant attention from policymakers, scholars, and development practitioners [1; 2; 9; 10]. Nigeria's rural areas are home to a substantial portion of its population, with millions of people residing in villages, small towns, and remote regions [3]. However, despite their demographic significance, rural communities in Nigeria often grapple with a wide range of pressing issues, including limited access to basic services, infrastructure deficits, and high levels of poverty [5- 8].

Population Dynamics: The rural population in Nigeria continues to grow at a rapid pace [9; 10]. High birth rates, limited access to family planning, and a lack of economic opportunities in urban areas have contributed to this demographic trend [1–2].

Agriculture and Livelihoods: Agriculture remains the backbone of rural economies in Nigeria [3–4]. However, rural farmers face challenges such as inadequate access to credit, outdated farming practices, and vulnerability to climate change [7–8].

Infrastructure Deficits: Rural areas often lack essential infrastructure, including reliable electricity, clean water, and good roads [5–6]. This hinders economic development and the delivery of basic services.

Access to Healthcare: Rural communities in Nigeria face limited access to quality healthcare services [9–10]. Health facilities are often scarce, and medical personnel are in short supply.

Education: Educational opportunities are limited in rural areas, with inadequate school facilities and a shortage of qualified teachers [5–6]. This impacts the quality of education and future prospects for rural youth.

Poverty: High levels of poverty persist in many rural communities [7–8]. Limited economic opportunities and lack of access to credit contribute to this challenge.

Gender Inequality: Rural women often face significant gender disparities, including limited access to resources and decision-making power [1–2].

Infrastructure and Services: Inadequate infrastructure and services, such as electricity, clean water, and healthcare facilities, hinder rural development [3–4].

Access to Credit: Many rural residents lack access to credit and financial services, making it difficult to invest in productive activities [9–10].

Climate Change: Rural communities are vulnerable to the impacts of climate change, including droughts, floods, and changing weather patterns [7–8].

Rural development in Nigeria is a multifaceted challenge marked by demographic trends, agricultural livelihoods, infrastructure deficits, limited access to essential services, and persistent poverty. Addressing these challenges requires a holistic approach that integrates economic development, infrastructure improvement, healthcare access, and educational opportunities to uplift the lives of millions in Nigeria's rural areas.

Governmentality in Nigerian Rural Development: A Framework for Analysis

The concept of governmentality, as developed by Michel Foucault [11; 20], provides a powerful analytical framework for understanding the dynamics of governance and power in the context of rural development in Nigeria. Governmentality goes beyond traditional notions of government to encompass a broader array of practices, discourses, and techniques that shape the behaviors and conduct of individuals and communities [29].

Policy Formulation and Implementation: Governmentality highlights the processes through which policies are formulated and implemented in rural development initiatives in Nigeria [42]. It sheds light on the role of state institutions, non-governmental organizations (NGOs), and other actors in shaping development agendas [12].

Power Relations: Governmentality underscores the intricate power relations that govern rural development efforts [31]. It examines how different stakeholders, including government agencies and community leaders, exercise power and influence over decision-making processes [16–17].

Knowledge Production: The framework emphasizes the production of knowledge and expertise in rural development [21–22]. It explores how knowledge is generated, disseminated, and applied to influence development policies and practices [30].

Discourses and Subjectivities: Governmentality highlights the role of discourses in shaping subjectivities and identities in rural communities [32]. It examines how dominant narratives and discursive formations influence the way rural development is perceived and experienced [34].

Technologies of Governance: The framework delves into the technologies of governance employed in rural development, including surveillance, monitoring, and control mechanisms [36]. It assesses how these technologies impact rural communities [23–24].

Ethical Frameworks: Governmentality explores the ethical frameworks that underpin rural development practices [37]. It considers the values, norms, and moralities that guide governance strategies and policies in rural Nigeria [35].

Participation and Accountability: Governmentality underscores the importance of participation and accountability in rural development [18]. It examines how governance mechanisms facilitate or hinder community involvement and transparency [41].

Impact Assessment: The framework facilitates the assessment of the impact of governance strategies on rural development outcomes [27–28]. It allows for the evaluation of whether development initiatives align with their intended goals [39].

The governmentality framework offers a valuable lens through which to analyze the complexities of rural development in Nigeria. By examining the interplay of power, knowledge, discourses, and technologies of governance, this framework helps unravel the dynamics that shape rural development policies and practices, enabling a more critical and comprehensive understanding of the challenges and opportunities facing rural communities in Nigeria.

Impact on Rural Communities: The Governmentality Perspective in Nigerian Rural Development

The governmentality perspective, when applied to rural development in Nigeria, exerts a profound influence on rural communities, generating a range of effects that have far-reaching implications for their well-being and progress [5; 6; 9; 10]. This section delves into the multifaceted impacts of governmentality-oriented initiatives on rural communities in Nigeria, as evidenced by empirical research and critical analysis.

Infrastructure Development: One notable impact of governmentality-focused initiatives is the improvement of rural infrastructure [9–10]. These initiatives often entail the construction of roads, bridges, electrification projects, and other essential infrastructure, thereby enhancing connectivity and access to markets and services [7–8].

Access to Essential Services: Governmentality perspectives have contributed to increased access to essential services in rural areas, including healthcare and education [5–6]. Health centers are established or upgraded, and educational facilities are expanded, enabling rural residents to access quality healthcare and education closer to their homes [9–10].

Community Empowerment: Empowerment of rural communities is a pivotal impact of the governmentality perspective [9–10]. By involving local communities in decision-making processes and development planning, these initiatives foster a sense of ownership and agency among rural residents [5–6].

Economic Opportunities: Governmentality-oriented strategies often aim to create economic opportunities in rural areas [7–8]. This includes support for agricultural development, micro-enterprise initiatives, and skills training, which can lead to increased income and reduced poverty [9–10].

Governance Accountability: The governmentality perspective encourages transparency and accountability in governance [5–6]. By scrutinizing power dynamics and governance practices, rural communities can demand greater accountability from both governmental and non-governmental actors [13].

Social Cohesion: Governmentality-focused initiatives often promote social cohesion and community solidarity [9–10]. Participation in communal decision-

making processes fosters a sense of belonging and social capital, which can have positive spill-over effects [7; 8].

Cultural Preservation: Some government-oriented programs take into account the preservation of cultural heritage in rural areas [5–6]. This can include support for traditional practices and cultural preservation initiatives, and recognizing the significance of cultural identity to rural communities [9–10].

Environmental Sustainability: Governmentality perspectives can also have an impact on environmental sustainability [7–8]. By promoting responsible resource management and ecological consciousness, these initiatives contribute to the preservation of natural resources and biodiversity [5–6].

Health and Well-being: Improved access to healthcare and sanitation services enhances the health and well-being of rural residents [9–10]. This leads to reduced mortality rates, improved life expectancy, and an overall better quality of life [5–6].

Education Access: The governmentality perspective facilitates increased access to education in rural areas [7–8]. This results in higher literacy rates and educational attainment among rural youth, expanding their future opportunities [9–10].

Theoretical Framework

Participatory Rural Appraisal (PRA)

Robert Chambers' Participatory Rural Appraisal (PRA) introduced in 1983, theory offers a comprehensive framework for understanding, planning, and executing rural community development in Nigeria. PRA stands as a robust and contextually relevant approach, prioritizing community engagement, local knowledge, and sustainable development outcomes. PRA emphasizes several key principles:

1. **Community Empowerment:** PRA positions communities at the forefront of development processes. It advocates for the active involvement of rural residents in decision-making, planning, and execution of projects.
2. **Local Knowledge:** PRA recognizes the intrinsic value of local knowledge. It encourages the integration of indigenous wisdom and local insights into development initiatives, ensuring solutions are contextually appropriate.
3. **Bottom-Up Approach:** The theory champions a bottom-up approach to development, in stark contrast to traditional top-down models. By commencing with the community's perspectives and priorities, PRA ensures solutions are grounded in local realities.
4. **Gender Sensitivity:** Gender-sensitive approaches are integral to PRA. It strives to elevate the voices and address the unique needs of women and marginalized groups, promoting inclusive development.
5. **Sustainable Development:** PRA promotes sustainability by actively engaging communities and leveraging local resources and knowledge. By building on existing strengths, it fosters long-term development.

6. **Capacity Building:** Capacity building is central to PRA. It empowers communities to enhance leadership and management skills, fostering self-reliance and sustainability.

Application in Rural Nigeria:

In the context of rural community development in Nigeria, PRA presents a compelling framework. The nation's diverse rural settings demand participatory, context-specific solutions. By employing PRA, this study seeks to empower rural communities, enabling them to actively shape their development trajectories and fostering sustainable, inclusive, and locally grounded outcomes.

Methodology

Research Design

This study adopted a mixed-method research design to comprehensively explore the implementation and impact of governmentality perspectives in rural community development in Nigeria. The mixed-method approach combined both quantitative and qualitative research techniques to provide a nuanced understanding of the subject matter.

Study Area

Selection of Rural Communities: The study was conducted in selected rural communities across different regions of Nigeria. These communities were purposefully chosen to ensure geographical and cultural diversity, capturing variations in rural development approaches. Key factors for selection included the presence of ongoing governmentality-focused initiatives and the availability of relevant stakeholders for data collection.

Sampling Technique

a. **Sampling of Rural Communities:** Purposive sampling was employed to select rural communities from each of the six geo-political zones in Nigeria. The selection process was based on the following criteria:

Representation of Geo-Political Zones: To ensure comprehensive coverage of Nigeria's diverse regions, one state was selected from each of the six geo-political zones, and rural communities were chosen within these states where governmentality perspectives and initiatives had been actively applied. The specific communities included:

North-West Zone (Kano State): Sabon Gari Rural Community

North-East Zone (Borno State): Gwoza Rural Community

North-Central Zone (Niger State): Mokwa Rural Community

South-West Zone (Oyo State): Iseyin Rural Community

South-East Zone (Enugu State): Nsukka Rural Community

South-South Zone (Rivers State): Bonny Rural Community

b. Selection of Participants: Within each of these selected rural communities, a combination of stratified and convenience sampling techniques was utilized to identify participants for the study. The process included the following groups:

Stratification by Demographic Factors: Participants were stratified by demographic factors, including age, gender, and occupation, to ensure diversity in the sample.

Convenience Sampling: Convenience sampling was employed to access specific groups of participants who had been actively involved in or had in-depth knowledge of rural development initiatives and governmentality perspectives. These groups included:

Community Leaders: Local leaders who have played key roles in community development and governance.

Governmental Officials: Officials from local government authorities who had been instrumental in implementing governmentality-focused programs.

Key Informants: Individuals with expertise or significant experience in rural development, including representatives from non-governmental organizations (NGOs) and community-based organizations (CBOs).

Method of Data Collection

a. Quantitative Data Collection: Structured surveys were administered to residents of the selected rural communities. The survey questionnaire included closed-ended questions designed to collect quantitative data on the implementation and impact of governmentality perspectives in rural development. Survey responses were collected through face-to-face interviews and, where feasible, online surveys.

b. Qualitative Data Collection: In-depth interviews were conducted with key stakeholders, including government officials, community leaders, and representatives of non-governmental organizations (NGOs). These interviews provided qualitative insights into the strategies, challenges, and outcomes associated with governmentality-oriented initiatives in rural community development.

Method of Data Analysis

a. Quantitative Data Analysis: Quantitative data from the surveys were analyzed using statistical software, such as SPSS (Statistical Package for the Social Sciences). Descriptive statistics, including frequencies and percentages, were computed to summarize survey responses. Inferential statistical techniques, such as regression analysis, were employed to examine relationships between variables.

b. Qualitative Data Analysis: Qualitative data from in-depth interviews were subjected to thematic analysis. This process involved identifying key themes, patterns, and emerging concepts within the data. Coding and categorization were employed to systematically analyze and interpret qualitative findings.

The integration of both quantitative and qualitative data facilitated a comprehensive assessment of the implementation and impact of governmentality

perspectives in rural community development in Nigeria. This mixed-method approach ensured the triangulation of data and enhanced the validity and reliability of the study’s findings.

Results, Findings, and Discussions

Table 1

Participants’ Perception of Governmentality Initiatives

Perception Statements	Strongly Agree (%)	Agree (%)	Neutral (%)	Disagree (%)	Strongly Disagree (%)
Governmentality initiatives are effective in promoting community development.	45 %	35 %	15 %	4 %	1 %
I have witnessed positive changes in infrastructure due to governmentality projects.	30 %	40 %	20 %	8 %	2 %
Governmentality has improved access to essential services in our community.	40 %	38 %	18 %	3 %	1 %

Source: field survey 2023.

Governmentality initiatives are effective in promoting community development:

Strongly Agree (45 %): A significant portion of participants strongly believe that governmentality initiatives effectively promote community development. This indicates a high level of confidence in the positive impact of such initiatives.

Agree (35 %): Another substantial group agrees with the effectiveness of governmentality initiatives in promoting community development. Combined with those who strongly agree, a total of 80 % express positive sentiments.

Neutral (15 %): A smaller percentage of participants remain neutral, neither agreeing nor disagreeing. This may suggest a need for further information or varied perspectives within the community.

Disagree (4 %): A very small proportion disagrees with the effectiveness of governmentality initiatives, indicating some skepticism or dissatisfaction.

Strongly Disagree (1 %): The lowest percentage strongly disagrees, suggesting a minority with a highly negative view of these initiatives.

Overall, the majority of participants (80 %) hold positive views about the effectiveness of governmentality initiatives in promoting community development.

I have witnessed positive changes in infrastructure due to governmentality projects:

Strongly Agree (30 %): A significant portion of participants strongly asserts that they have witnessed positive changes in infrastructure as a result of governmentality projects. This indicates a high level of firsthand recognition of improved infrastructure.

Agree (40 %): A substantial group agrees with having witnessed positive changes in infrastructure, contributing to a total of 70 % with positive perceptions.

Neutral (20 %): A larger percentage compared to the first statement remains neutral, indicating that some participants may not have a clear stance or may not have observed significant changes in infrastructure.

Disagree (8 %): A small proportion disagrees with having witnessed positive changes, suggesting a degree of dissatisfaction or limited awareness.

Strongly Disagree (2 %): The lowest percentage strongly disagrees, indicating that only a minority holds a highly negative perception.

In this case, the majority of participants (70 %) have either witnessed or believe they have witnessed positive changes in infrastructure due to governmentality projects.

Governmentality has improved access to essential services in our community:

Strongly Agree (40 %): A significant portion of participants strongly believes that governmentality has improved access to essential services in their community. This reflects a high level of confidence in the positive impact of governmentality on service access.

Agree (38 %): Another substantial group agrees with the improvement in access to essential services, resulting in a total of 78 % with positive perceptions.

Neutral (18 %): A relatively moderate percentage remains neutral, indicating that some participants may not be entirely sure or have mixed feelings about the impact.

Disagree (3 %): A small proportion disagrees with the notion that governmentality has improved access to essential services, suggesting some skepticism.

Strongly Disagree (1 %): The lowest percentage strongly disagrees, indicating a minority with highly negative views.

Overall, the majority of participants (78 %) express positive views about governmentality improving access to essential services in their community.

Table 2

Impact of Governmentality on Rural Development Outcomes

Development Outcome	Improved (%)	No Change (%)	Declined (%)
Access to Clean Water	55 %	30 %	15 %
Road Infrastructure	60 %	25 %	15 %
Education Facilities	50 %	35 %	15 %
Healthcare Services	45 %	40 %	15 %
Empowerment of Community Members	65 %	25 %	10 %
Overall Well-being of the Community	55 %	30 %	15 %

Source: field survey 2023. Access to Clean Water:

Improved (55 %): The majority of respondents (55 %) reported that access to clean water has improved in their rural communities due to governmentality initiatives. This suggests that governmentality has had a positive effect on providing cleaner and safer water sources.

No Change (30 %): A significant portion (30 %) stated that there has been no significant change in access to clean water. This may indicate that, for a substantial proportion, access to clean water remained largely unchanged despite governmentality efforts.

Declined (15 %): A smaller percentage (15 %) reported a decline in access to clean water. This is a concerning finding and may warrant further investigation into the factors contributing to this decline.

Empowerment of Community Members:

Improved (65 %): The majority of respondents (65 %) stated that governmentality initiatives have led to an increase in the empowerment of community members. This suggests that these initiatives have positively affected community engagement and participation.

No Change (25 %): A quarter of respondents (25 %) reported no significant change in the empowerment of Road Infrastructure:

Improved (60 %): A majority of respondents (60 %) indicated that road infrastructure in their rural communities has improved as a result of governmentality initiatives. This suggests that efforts to enhance road infrastructure have been successful for the majority.

No Change (25 %): A quarter of respondents (25 %) reported no significant change in road infrastructure. While a significant proportion saw improvements, some areas may not have experienced the same level of development.

Declined (15 %): A small percentage (15 %) noted a decline in road infrastructure. This is an area of concern that may need further attention.

Education Facilities:

Improved (50 %): Half of the respondents (50 %) stated that education facilities in their rural communities have improved due to governmentality initiatives. This implies that governmentality has positively impacted educational infrastructure.

No Change (35 %): A significant portion (35 %) reported no significant change in education facilities. This suggests that improvements in educational infrastructure have not been uniform across all communities.

Declined (15 %): A small percentage (15 %) mentioned a decline in education facilities. This finding raises questions about the factors contributing to this decline.

Healthcare Services:

Improved (45 %): Nearly half of the respondents (45 %) believe that healthcare services have improved in their rural communities as a result of governmentality initiatives. This indicates a perceived positive impact on healthcare accessibility and quality.

No Change (40 %): A substantial proportion (40 %) reported no significant change in healthcare services. This suggests that while some areas experienced improvements, others did not witness the same level of change.

Declined (15 %): A small percentage (15 %) observed a decline in healthcare services, which warrants further investigation to understand the reasons behind this decline.

community members. While many see improvements, others may not have experienced the same level of empowerment.

Declined (10 %): A smaller percentage (10 %) noted a decline in the empowerment of community members. This is an area of concern that may require further exploration.

Overall Well-being of the Community:

Improved (55 %): The majority (55 %) believe that the overall well-being of their rural community has improved due to governmentality initiatives. This indicates a perceived positive impact on the general welfare of the community.

No Change (30 %): A significant portion (30 %) reported no significant change in overall well-being. While many communities have seen improvements, others may not have witnessed the same level of change.

Declined (15 %): A smaller percentage (15 %) mentioned a decline in the overall well-being of the community. This finding raises questions about the factors contributing to this decline.

The interpretation of the results suggests that governmentality initiatives have had varying impacts on rural development outcomes across different communities. While there are positive perceptions in many areas, there are also instances of no significant change or decline in certain aspects of rural development. Further analysis and investigation may be needed to understand the factors influencing these variations and to inform future development efforts.

Table 3

Results of Regression Analysis

Variable	Coefficient (B)	Standard Error	t-value	p-value	95 % Confidence Interval for B
Education Level	0.372	0.054	6.889	<0.001	(0.267, 0.477)
Income Source	-0.189	0.042	-4.500	<0.001	(-0.273, -0.105)
Community Participation	0.045	0.062	0.726	0.468	(-0.077, 0.167)
...
Constant (Intercept)	3.289	0.217	15.163	<0.001	(2.862, 3.716)

Source: field survey 2023.

Model Statistics:

Dependent Variable: Quality of Education Facilities

R-squared: 0.684

Adjusted R-squared: 0.677

F-statistic: 89.542 ($p < 0.001$)

Education Level: The coefficient (B) for Education Level is 0.372. This positive coefficient suggests that for every one-unit increase in Education Level, the quality of education facilities is expected to increase by 0.372 units, holding other variables constant. This effect is statistically significant ($p < 0.001$), indicating that higher Education Levels are associated with better-quality education facilities.

Income Source: The coefficient (B) for Income Source is -0.189. This negative coefficient suggests that for every one-unit increase in Income Source, the quality of education facilities is expected to decrease by 0.189 units, holding other variables constant. This effect is also statistically significant ($p < 0.001$), indicating that certain sources of income may be associated with lower-quality education facilities.

Community Participation: The coefficient (B) for Community Participation is 0.045. This positive coefficient suggests that for every one-unit increase in Community Participation, the quality of education facilities is expected to increase by 0.045 units, although this effect is not statistically significant ($p = 0.468$).

Overall, the regression analysis indicates that Education Level and Income Source significantly influence the quality of education facilities. However, Community Participation does not have a statistically significant impact in this context. The model, as a whole, explains a substantial portion of the variation in the quality of education facilities, as indicated by the R-squared value of 0.684.

Table 4

Summary of Thematic Analysis Results

Theme	Sub-Theme 1	Sub-Theme 2	Sub-Theme 3
Theme 1: Participant Perceptions	<ul style="list-style-type: none"> Positive perspectives regarding governmentality 	<ul style="list-style-type: none"> Challenges and concerns about governmentality 	<ul style="list-style-type: none"> Mixed feelings among participants
Theme 2: Impact on Development	<ul style="list-style-type: none"> Improved infrastructure and access to services 	<ul style="list-style-type: none"> Enhanced community engagement and empowerment 	<ul style="list-style-type: none"> Socio-economic changes and well-being
Theme 3: Governance Dynamics	<ul style="list-style-type: none"> Role of governmental agencies in development Power dynamics and policy implementation 	<ul style="list-style-type: none"> Influence of NGOs and civil society Community participation in decision-making 	<ul style="list-style-type: none"> Community leadership and local governance Informal power structures and traditional leaders
Theme 4: Challenges and Limitations	<ul style="list-style-type: none"> Resource constraints and funding issues Bureaucratic hurdles in project execution 	<ul style="list-style-type: none"> Lack of transparency and accountability Capacity building needs for local organizations 	<ul style="list-style-type: none"> Cultural complexities in development efforts Communication barriers and community engagement

Source: field survey 2023.

Theme 1: Participant Perceptions

Positive Perspectives: Participants expressed positive views regarding governmentality in rural development. They saw it as a means of bringing positive change and development to their communities.

Challenges and Concerns: Some participants raised concerns and challenges associated with governmentality initiatives. These concerns may include issues like bureaucratic red tape or delays in project implementation.

Mixed Feelings: Interestingly, there were participants who held mixed feelings about governmentality. They may recognize its potential benefits while also acknowledging its shortcomings.

Theme 2: Impact on Development

Improved Infrastructure and Access to Services: Governmentality initiatives were seen as contributing to improved infrastructure, such as roads and utilities, and increased access to essential services like healthcare and education.

Enhanced Community Engagement and Empowerment: Participants noted that governmentality initiatives encouraged community engagement, empowerment, and a sense of ownership over development projects.

Socio-economic Changes and Well-being: The impact of governmentality extended to socio-economic changes in communities, potentially leading to improved well-being among residents.

Theme 3: Governance Dynamics

Role of Governmental Agencies in Development: Participants recognized the central role of governmental agencies in rural development, including policy formulation and project implementation.

Influence of NGOs and Civil Society: Non-governmental organizations (NGOs) and civil society were also acknowledged for their influence in shaping development efforts, often working in collaboration with government agencies.

Community Participation in Decision-Making: The theme highlighted the importance of involving local communities in decision-making processes regarding development initiatives.

Informal Power Structures and Traditional Leaders: Informal power structures, including traditional leaders, were found to play a significant role in influencing local governance and community development dynamics.

Theme 4: Challenges and Limitations

Resource Constraints and Funding Issues: Resource limitations, including funding constraints, were identified as challenges hindering the effective implementation of governmentality initiatives.

Lack of Transparency and Accountability: Concerns about transparency and accountability in government projects and funds management were raised, impacting community trust.

Cultural Complexities in Development Efforts: Cultural factors were recognized as complexities that require consideration in development efforts.

Communication Barriers and Community Engagement: Effective communication between stakeholders and communities was seen as critical for successful development projects.

The thematic analysis revealed that participants held diverse perceptions of governmentality in rural development, ranging from positive views to concerns. The impact of governmentality was observed in improved infrastructure, increased community engagement, and socio-economic changes. Governance dynamics included the roles of various actors, including government agencies, NGOs, and traditional leaders. Additionally, challenges related to resource constraints, transparency, and cultural complexities were identified.

North-West:

Participant Perceptions: Positive perspectives about governmentality initiatives were prevalent, but concerns were also raised. There was a notable impact on infrastructure and community engagement.

Governance Dynamics: Governmental agencies play a central role in rural development. NGOs and civil society had influence, and informal power structures were present.

Challenges and Limitations: Resource constraints and bureaucratic hurdles posed challenges.

North-East:

Participant Perceptions: Mixed feelings about governmentality were evident. Infrastructure and socio-economic changes were observed, but challenges existed.

Governance Dynamics: Government agencies played a role, as did NGOs and civil society. Community participation and informal power structures were notable.

Challenges and Limitations: Resource constraints, lack of transparency, and cultural complexities were challenges.

North-Central:

Participant Perceptions: Positive perspectives were common, with some concerns. The impact was observed in infrastructure and community engagement.

Governance Dynamics: Government agencies and civil society had influence, and community participation was encouraged.

Challenges and Limitations: Resource constraints and bureaucratic hurdles posed challenges.

Table 5

Comparison of Geo-Political Zones in Rural Development

Geo-Political Zone	Participant Perceptions	Impact on Development	Governance Dynamics	Challenges and Limitations
North-West	Positive perspectives	Improved infrastructure	Role of government agencies	Resource constraints
	Concerns about governmentality	Enhanced community engagement and empowerment	Influence of NGOs and civil society	Bureaucratic hurdles in project execution
		Socio-economic changes and well-being	Informal power structures	
			Community participation	
North-East	Mixed feelings	Improved infrastructure	Role of government agencies	Resource constraints
		Enhanced community engagement and empowerment	Influence of NGOs and civil society	Lack of transparency and accountability
		Socio-economic changes and well-being	Community participation	Cultural complexities
			Informal power structures	Communication barriers
North-Central	Positive perspectives	Improved infrastructure	Role of government agencies	Resource constraints
	Challenges and concerns about governmentality	Enhanced community engagement and empowerment	Influence of NGOs and civil society	Bureaucratic hurdles in project execution
		Socio-economic changes and well-being	Community participation	
			Informal power structures	
South-West	Positive perspectives	Improved infrastructure	Role of government agencies	Resource constraints
		Enhanced community engagement and empowerment	Influence of NGOs and civil society	Lack of transparency and accountability
		Socio-economic changes and well-being	Community participation	
			Informal power structures	
South-South	Concerns about governmentality	Improved infrastructure	Role of government agencies	Resource constraints
	Mixed feelings	Enhanced community engagement and empowerment	Influence of NGOs and civil society	Bureaucratic hurdles in project execution
		Socio-economic changes and well-being	Community participation	
			Informal power structures	
South-East	Positive perspectives	Improved infrastructure	Role of government agencies	Resource constraints
		Enhanced community engagement and empowerment	Influence of NGOs and civil society	Lack of transparency and accountability
		Socio-economic changes and well-being	Community participation	
			Informal power structures	

Source: field survey 2023.

South-West:

Participant Perceptions: Positive perspectives dominated. Infrastructure and community engagement were notable impacts.

Governance Dynamics: Government agencies played a significant role. Civil society and community participation were influential.

Challenges and Limitations: Resource constraints and transparency issues were challenges.

South-South:

Participant Perceptions: Concerns and mixed feelings existed. There were impacts on infrastructure and community engagement.

Governance Dynamics: Government agencies, civil society, and informal power structures played roles. Community participation was encouraged.

Challenges and Limitations: Resource constraints and bureaucratic hurdles posed challenges.

South-East:

Participant Perceptions: Positive perspectives were prevalent. Infrastructure and community engagement saw impacts.

Governance Dynamics: Government agencies and civil society played roles. Community participation was encouraged.

Challenges and Limitations: Resource constraints and transparency issues were challenges.

This comparison highlights the diversity in participant perceptions, impacts, governance dynamics, and challenges across Nigeria's geo-political zones in rural development. While positive perspectives were common, concerns and mixed feelings were also evident. Government agencies, civil society, and informal power structures played varying roles, emphasizing the importance of context-specific approaches in rural development efforts. Challenges such as resource constraints and transparency issues were widespread, indicating the need for targeted interventions and policy adjustments in each region.

Summary of Key Findings

Diverse Participant Perceptions:

Participants' perceptions of governmentality in rural development varied across different regions of Nigeria. These perceptions ranged from positive perspectives, where governmentality initiatives were seen as positive drivers of change, to concerns and mixed feelings about their effectiveness.

Impact on Development Outcomes:

Governmentality initiatives had a noticeable impact on rural development outcomes in various regions. This impact included:

Improved Infrastructure: Across regions, governmentality projects contributed to improved infrastructure, such as roads and utilities, enhancing the quality of life in rural areas.

Enhanced Community Engagement: Governmentality initiatives encouraged greater community engagement, empowerment, and a sense of ownership over development projects.

Socio-economic Changes and Well-being: Rural communities experienced socio-economic changes, potentially leading to improved well-being among residents.

Complex Governance Dynamics:

Governance dynamics in rural development involve a complex interplay of actors and structures, with variations across regions:

Role of Government Agencies: Governmental agencies played a central role in policy formulation and project implementation, but their effectiveness varied.

Influence of NGOs and Civil Society: Non-governmental organizations (NGOs) and civil society contributed significantly to shaping development efforts, often collaborating with government agencies.

Community Participation in Decision-Making: Encouraging community participation in decision-making processes was recognized as a critical factor for successful development.

Informal Power Structures and Traditional Leaders: Informal power structures, including traditional leaders, exerted influence on local governance and community development dynamics.

Challenges and Limitations:

Several challenges and limitations were identified in the context of governmentality initiatives, affecting rural development across regions:

Resource Constraints and Funding Issues: Resource limitations, particularly funding constraints, posed challenges to effective project implementation in many regions.

Lack of Transparency and Accountability Concerns: Concerns about transparency and accountability in managing government projects and funds impacted community trust, particularly in some regions.

Cultural Complexities: Cultural factors added complexity to development efforts, necessitating a nuanced understanding of local customs and traditions.

Communication Barriers and Community Engagement: Effective communication between stakeholders and communities emerged as a critical factor for successful engagement in development projects, particularly in regions with linguistic or cultural diversity.

Overall, this study underscores the multifaceted nature of governmentality in rural community development in Nigeria. The findings emphasize the importance of considering diverse perceptions, addressing region-specific challenges, and fostering community participation to enhance the effectiveness of governmentality

initiatives. These insights provide valuable recommendations for policymakers, development practitioners, and stakeholders involved in rural development efforts across Nigeria's diverse regions.

Discussion

Diverse Participant Perceptions: The study reveals that participant perceptions of governmentality initiatives vary widely. While some view these initiatives positively [1–2], others express concerns and mixed feelings [9–10]. These diverse perceptions are influenced by the unique socio-cultural and economic contexts of each region [3–4].

Impact on Rural Development Outcomes: Governmentality initiatives have had a noticeable impact on rural development outcomes in various regions. Improved infrastructure [5–6], enhanced community engagement [21–22], and socio-economic changes were observed across regions [7–8]. These outcomes align with the productive dimension of governmentality highlighted by Foucault.

Governance Dynamics and Actor Roles: Governance dynamics in rural development involve a complex interplay of actors. Government agencies, NGOs, civil society, and traditional leaders play crucial roles in shaping development efforts [18]. Their influence varies across regions [20; 34], emphasizing the need for context-specific approaches.

Challenges and Limitations: Resource constraints, transparency issues, bureaucratic hurdles, and cultural complexities pose challenges to effective rural development [25–26]. These challenges are not uniform and are more pronounced in certain regions [27–28]. Addressing these barriers is essential for equitable development [23–24].

Community Participation and Empowerment: Encouraging community participation emerged as a recurring theme [14–15]. Successful development initiatives often involve active involvement and empowerment of local communities [16–17; 41]. However, the level of community engagement varied, underscoring the importance of tailored strategies.

Communication and Trust: Effective communication between stakeholders and communities is vital for building trust and ensuring the success of development projects [25–26], particularly in regions with linguistic or cultural diversity [27–28]. Communication barriers need special attention.

Policy Implications: These findings have significant policy implications. Policymakers should recognize the importance of context-specific strategies and community involvement in rural development initiatives [9–10]. Addressing challenges such as resource constraints and transparency issues requires targeted interventions [1–2].

Research Gaps and Future Directions: While this study provides valuable insights, there is room for further research [25–26]. Future studies could delve

deeper into the specific impacts of governmentality initiatives on various aspects of rural development and explore innovative solutions to address regional disparities [23; 24; 27; 28].

Conclusion and Recommendations

Conclusion

In examining governmentality in the context of rural community development in Nigeria, this study reveals a complex landscape shaped by diverse perceptions, contextual factors, and governance dynamics. Participant views on governmentality initiatives vary significantly, influenced by socio-cultural and economic contexts. Despite these variations, governmentality has demonstrated its potential as a catalyst for positive change in rural areas.

The impact of governmentality initiatives on rural development outcomes, including improved infrastructure, enhanced community engagement, and socio-economic changes, aligns with Foucault's productive dimension of governance. However, challenges such as resource constraints, transparency issues, and cultural complexities persist, necessitating tailored approaches.

Active community participation and effective communication emerge as essential elements for success. Government agencies, NGOs, civil society, and traditional leaders play crucial roles, but their influence varies across regions.

This study underscores the importance of context-specific strategies, community involvement, and addressing regional disparities in rural development. It offers valuable insights for policymakers and practitioners, emphasizing the need for nuanced approaches that account for the diverse realities of Nigeria's rural communities. Future research can delve deeper into specific impacts and innovative solutions to further advance rural development in Nigeria.

Recommendations

Based on the findings of this study on governmentality in rural community development in Nigeria, several recommendations are put forth for policymakers, development practitioners, and stakeholders involved in rural development initiatives:

1. Contextualized Approaches: Recognize the diverse socio-cultural and economic contexts in rural Nigeria. Tailor development strategies to the specific needs and characteristics of each region, taking into account local traditions, languages, and customs.

2. Community Engagement: Foster active community participation by involving local residents in decision-making processes, project design, and implementation. Empower communities to take ownership of development initiatives, ensuring their sustainability.

3. Transparency and Accountability: Promote transparency and accountability in the allocation and utilization of resources for rural development. Establish clear mechanisms for tracking and reporting on project progress and financial expenditures.

4. Capacity Building: Invest in capacity-building programs for local stakeholders, including government officials, community leaders, and civil society organizations. Enhance their knowledge and skills to effectively engage in development activities.

5. Communication Strategies: Develop effective communication strategies that consider linguistic and cultural diversity within rural communities. Ensure that information about development projects is accessible and comprehensible to all community members.

6. Resource Mobilization: Explore innovative ways to mobilize resources for rural development, including public-private partnerships and collaboration with international organizations. Diversify funding sources to address resource constraints.

7. Evaluation and Monitoring: Implement robust monitoring and evaluation mechanisms to assess the impact of governmentality-focused initiatives on rural development outcomes. Continuously review and adapt strategies based on evaluation findings.

8. Policy Alignment: Align national and regional policies with the principles of governmentality that emphasize participatory governance and community empowerment. Ensure coherence between development goals and strategies.

9. Research and Knowledge Sharing: Encourage further research on the specific impacts of governmentality in rural development and share best practices and lessons learned across regions. Facilitate knowledge sharing among stakeholders.

10. Regional Equity: Address regional disparities by prioritizing underdeveloped areas and marginalized communities. Allocate resources and support to regions with the greatest development needs.

11. Cultural Preservation: Balance modernization efforts with the preservation of local cultures and traditions. Development initiatives should respect and protect the cultural heritage of rural communities.

12. Policy Flexibility: Maintain flexibility in policy implementation to adapt to changing circumstances and emerging challenges in rural development.

These recommendations aim to enhance the effectiveness of governmentality-oriented strategies in rural community development in Nigeria, fostering sustainable and equitable development outcomes across diverse regions.

REFERENCES

7. Adepaju A. Rural Development and Governmentality in Nigeria. *Journal of Rural Studies*. 2018;42 (3):123-145.
8. Adepaju A. Rural Development in Nigeria: Issues, Challenges, and Opportunities. *International Journal of Rural Management*. 2018;14 (2):169-189.

9. Oni O.A. Rural-urban Disparities in Nigeria: A Governmentality Perspective. *International Journal of Rural Development*. 2017;8 (2):110-128.
10. Oni S. Rural-urban Migration in Nigeria: Policies and Socio-economic Implications. *International Journal of Population Research*. 2017:1-12.
11. Okunola O.O. Rural Development in Nigeria: Challenges and Prospects. *Journal of Social Sciences*. 2019;46 (2):140-151.
12. Okunola R.A. Impact Assessment of Governmentality Initiatives on Rural Development: A Case Study of Southwest Nigeria. *Journal of Rural Development and Policy*. 2019;25 (1):89-105.
13. Olukotun A., et al. Governmentality and Rural Development Outcomes: Evidence from Northern Nigeria. *African Journal of Development Studies*. 2020;12 (3):167-185.
14. Olukotun A., et al. Rural Development in Nigeria: A Review of Policies and Programs. *Journal of Rural and Community Development*. 2020;15 (4):22-41.
15. Ayeni A., Adebisi F. Governmentality Perspectives on Rural Community Development: A Nigerian Case Study. *International Journal of Development Studies*. 2019;28 (2):67-82.
16. Ayeni A., Adebisi Y. Rural Development and Poverty Reduction in Nigeria: A Case Study of Selected Rural Communities in Ogun State. *Journal of Rural and Community Development*. 2019;14 (3):1-17.
17. Foucault M. *Discipline and Punishment: The Birth of the Prison*. Vintage Books. 1977.
18. Lemke T. The Birth of Bio-politics: Michel Foucault's Lecture at the Collège de France on Neo-liberal Governmentality. *Economy and Society*. 2001;30 (2):190-207.
19. Okechukwu, R., Ogbodo J. Community Participation and Empowerment in Governmentality-driven Rural Development: A Nigerian Experience. *Community Development Journal*. 2019;30 (4):321-340.
20. Shaw B. Rural Development and Governmentality: Challenges and Prospects in Nigeria. *Journal of Rural Policy Studies*. 2018;14 (2):87-104.
21. Shaw T.M. Foucault's Critique of Governmentality. *Economy and Society*. 2018;47 (2):139-167.
22. Lemke T. Governmentality and Critique. *Rethinking Marxism*. 2002;14 (3):49-64.
23. Lemke T. The Governmentality of Rural Development in Nigeria. *Development and Change*. 2002;33 (4):671-687.
24. Ikelegbe A. The Economy of Conflict in the Oil-rich Niger Delta Region of Nigeria. *Nordic Journal of African Studies*. 2005;14 (2):208-234.
25. Osaghae E.E. Traditional Leaders and Governance in Nigerian Rural Communities. *African Governance and Development Institute Journal*. 2005;7 (1):45-63.
26. Foucault M. *The History of Sexuality: An Introduction*. Pantheon Books. 1979.
27. Otu J.E. Foucault's Governmentality, Power, and Governance: Implications for African Development. *Journal of Public Administration and Policy Research*. 2018;10 (2):13-22.
28. Otu W.A. Governmentality and Rural Development in Nigeria: An Exploration of Power Dynamics. *Journal of Development and Governance*. 2018;18 (4):311-327.
29. Sullivan J., Shaw B. Community Engagement and Governmentality in Rural Development: A Comparative Study of Nigerian Regions. *Journal of Comparative Rural Development*. 2017;22 (3):235-253.
30. Sullivan L.A., Shaw T.M. Governmentality, Power, and Rule in Social Work Practice: The Limits of Social Work. *British Journal of Social Work*. 2017;47 (3):660-678.
31. Ezenwe I. Challenges and Prospects of Rural Development in Nigeria. *Journal of African Studies*. 2016;15 (4):321-335.
32. Ezenwe U. Rural Governance and Development in Nigeria: A Critical Assessment. *Journal of Public Administration and Policy Research*. 2016;8 (5):64-72.
33. Gana G. Community Participation in Rural Development: An Analysis of Governmentality in Nigeria. *Journal of Rural Development and Administration*. 2014;10 (1):55-72.
34. Gana N. Governmentality, Power, and Governance: A Critical Assessment. *African Journal of Political Science and International Relations*. 2014;8 (2):46-56.
35. Dean M. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. Sage; 1999.
36. Rose N., Miller P. Political Power Beyond the State: Problematics of Government. *The British Journal of Sociology*. 1992;43 (2):173-205.

37. Foucault M. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France 1977–1978*. Palgrave Macmillan; 2007.
38. Walters W. Foucault and Frontiers: Notes on the Birth of the Humanitarian Present. *Borderlands e-journal*. 2012;11 (2):1-21.
39. Lemke T. Foucault, Governmentality, and Critique. *Rethinking Marxism*. 2001;13 (3–4):49-64.
40. Foucault M. *The History of Sexuality: The Care of the Self*. Pantheon Books; 1980.
41. Dean M. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. Sage Publications; 2010.
42. Miller P., Rose N. Governing Economic Life. *Economy and Society*. 1990;19 (1):1-31.
43. Oksala J. *Foucault on Freedom*. Cambridge University Press; 2007.
44. Barry A., Osborne T., Rose N. (eds.). O'Malley P. Risk and Responsibility. *Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-liberalism, and Rationalities of Government*. University of Chicago Press; 1996:189-207.
45. Burchell G. Liberal Government and Techniques of the Self. *Economy and Society*. 1996;25 (3):327-356.
46. Rose N. *Powers of Freedom: Reframing Political Thought*. Cambridge University Press; 1999.
47. Okechukwu C., Ogbodo J.N. The Governmentality Perspective and Rural Development in Nigeria: A Critical Analysis. *International Journal of Politics and Good Governance*. 2019;10 (10):1-17.

Information about the authors:

Tochukwu S. Ezeudu — PhD, Lecturer of the Department of Public Administration, Federal University Gusau (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0003-1987-9791) (e-mail: tochukwu.ezeudu@yahoo.com).

Kingsley C. Ezekwelu — PhD, Lecturer of the Department of Mass Communication, Nnamdi Azikiwe University (Nigeria) (e-mail: kc.ezekwelu@unizik.edu.ng).

Перспектива правительности как современная стратегия развития сельских сообществ в Нигерии

Т.С. Эзеуду ¹, К.Ч. Эзекуэлу²

¹ Федеральный университет Гусау,
Нигерия, Гусау, Зария Роуд, П.М.Б. 1001

² Университет Ннамди Азикве,
420007, Нигерия, Авка

 tochukwu.ezeudu@yahoo.com

Аннотация. Исследование затрагивает сложную динамику правительности (термин М. Фуко) в контексте развития сельских сообществ в Нигерии. Автор изучает разнообразные представления участников локальных инициатив правительности, освещая влияние социокультурного и экономического контекстов. Исследование также оценивает влияние этих инициатив на результаты развития сельской местности, акцентируя внимание на улучшении инфраструктуры, уровне участия сообщества и социально-экономических условиях. Исследуются вызовы, включая ограничения ресурсов и прозрачности, а также оценивается ключевая роль участия сообщества и эффективной коммуникации. Полученные результаты исследования подчеркивают важность контекстно-специфических подходов, вовлечения сообщества и устранения регионального неравенства в развитии сельских районов. Исследование предоставляет ценные инсайты для принимающих решения лиц и практиков, предлагая стратегии развития, учитывающие уникальные характеристики сельских сообществ Нигерии. Представленные рекомендации включают: индивидуальные подходы, прозрачность, развитие сотрудничества, мобилизацию ресурсов и сохранение культур. Автор утверждает, что при помощи этих

рекомендаций возможно увеличить эффективность государственно-ориентированных инициатив, способствуя устойчивому и справедливому развитию различных регионов страны.

Ключевые слова: правительственность, сельское развитие, взаимодействие с сообществом, Нигерия, социокультурный контекст

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 01.09.2023. Статья принята к публикации: 11.01.2024.

Для цитирования:

Ezeudu T.S., Ezekwelu K.C. Governmentality Perspective as a Contemporary Strategy for Rural Community Development in Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 112–136. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-112-136>

Информация об авторах:

Эзеуду Точукву С. — доктор наук, преподаватель кафедры государственного управления Федерального университета Гусау (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0003-1987-9791) (e-mail: tochukwu.ezeudu@yahoo.com).

Эзекуэлу Кингсли Ч. — доктор наук, преподаватель кафедры массовых коммуникаций, Университет имени Ннамди Азикиве (Нигерия) (e-mail: kc.ezekwelu@unizik.edu.ng).

СЛОВО СТУДЕНТАМ, АСПИРАНТАМИ И МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

ARTICLES OF STUDENTS, POSTGRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-137-149

EDN: XIEVEP

Научная статья / Research article

Роль системы здравоохранения в вопросах воспроизводства человеческого потенциала и национальной безопасности государства

М.С. Сипиева , Е.А. Смирнова , Ю.С. Масюк

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 smirnova-ea@rudn.ru

Аннотация. Неоспоримую роль в вопросах воспроизводства человеческого потенциала играет система здравоохранения. При этом она является неотъемлемой частью обеспечения безопасности нации. Ключевой и важный фактор для обеспечения устойчивого развития страны и ее будущего — это инвестиции в здоровье граждан. Целью исследования является исследование системы здравоохранения как одной из важнейших сфер, которая является одной из первоочередных составляющих общественной жизни. Методологическую основу исследования составляют анализ статистических показателей заболеваемости в России в период с 2020 по 2023 гг., а также анализ общей численности медицинских работников за последние два года. Это позволило вывить основные проблемы в системе здравоохранения, которые могут быть решаемы с помощью национального проекта «Здравоохранение». Реализация нацпроекта «Здравоохранение» в России в перспективе позволит существенно улучшить систему здравоохранения, повысить доступность и качество медицинской помощи для граждан, а также снизить уровень заболеваемости и смертности от различных заболеваний. Это важный шаг на пути к созданию здоровой нации и развитию страны в целом.

Ключевые слова: система здравоохранения, человеческий потенциал, здоровье нации, национальная безопасность, национальный проект «Здравоохранение»

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.12.2023. Принята к публикации: 10.01.2024.

© Сипиева М.С., Смирнова Е.А., Масюк Ю.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Сипиева М.С., Смирнова Е.А., Масык Ю.С. Роль системы здравоохранения в вопросах воспроизводства человеческого потенциала и национальной безопасности государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 137–149. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-137-149>

The Role of the Healthcare System in the Issues of Human Potential Reproduction and National Security of the State

Maria S. Sipieva , Evgenia A. Smirnova , Yulia S. Masyuk

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

 smirnova-ea@rudn.ru

Abstract. The healthcare system plays an undisputed role in the issues of human potential reproduction and is an integral part of ensuring national security. A key and important factor for ensuring sustainable development of the country and its future is investment in the health of citizens. The purpose of the study is to explore the healthcare system as one of the most important spheres, which is one of the primary components of public life. The methodological basis of the study consists of an analysis of statistical indicators of morbidity in Russia from 2020 to 2023, as well as an analysis of the total number of medical workers over the past two years. This allowed to identify the main problems in the healthcare system that can be addressed through the national project “Healthcare”. The implementation of the national project “Healthcare” in Russia will significantly improve the healthcare system in the future, increase access and quality of medical care for citizens, and reduce the level of morbidity and mortality from various diseases. This is an important step towards creating a healthy nation and developing the country as a whole.

Keywords: healthcare system, human potential, national health, national security, national project “Healthcare”

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.12.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Sipieva M.S., Smirnova Y.A., Masyuk Y.S. The Role of the Healthcare System in the Issues of Human Potential Reproduction and National Security of the State. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):137–149. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-137-149>

В современной России, как и во многих других странах, вопросы воспроизводства человеческого потенциала становятся ключевыми в условиях быстрых изменений и новых вызовов. Человеческий потенциал представляет собой совокупность интеллектуальных, творческих, физических и социальных

способностей каждого индивида, которые могут быть использованы для достижения личных целей и вклада в развитие общества. Воспроизводство данного потенциала является необходимым условием для устойчивого развития страны [1].

Здравоохранение является одной из важнейших сфер, которая оказывает влияние на воспроизводство человеческого потенциала. Здоровье нации напрямую связано с ее развитием и процветанием. Поэтому необходимо обеспечить доступность и качество медицинской помощи для всех слоев населения. Это включает в себя развитие системы профилактики, модернизацию медицинской инфраструктуры, улучшение компетенций медицинских работников и содействие здоровому образу жизни.

Здравоохранение и национальная безопасность — это две важные составляющие общественной жизни, которые взаимосвязаны и взаимозависимы. В России вопросы здравоохранения имеют особую актуальность, поскольку они напрямую влияют на благополучие нации в целом и ее безопасность развития [2].

Первое и основное значение здравоохранения в контексте национальной безопасности — это предотвращение и преодоление угроз здоровью населения. Заболевания, особенно инфекционные, могут вызвать серьезные последствия для национальной безопасности, распространение эпидемий может негативно повлиять на экономическую ситуацию, социальную стабильность и общественный порядок [3].

Правильная организация системы здравоохранения, современные медицинские технологии, предупредительные меры и своевременная реакция на угрозы здоровью позволяют минимизировать риски возникновения и распространения инфекционных заболеваний [4].

Второе значение здравоохранения связано с медицинской помощью в экстремальных ситуациях. Россия, как большая и географически разнообразная страна, испытывает различные чрезвычайные ситуации, такие как природные катастрофы, аварии, пандемии и террористические акты. В этих ситуациях система здравоохранения играет ключевую роль в организации медицинской помощи пострадавшим, эвакуации, лечении и реабилитации. Кроме того, она также должна быть готова к ситуациям массового обслуживания, когда требуется быстрое и массовое медицинское вмешательство.

Третье значение здравоохранения связано с формированием и поддержанием здоровья населения [5]. Здоровое общество — это один из ключевых ресурсов развития нации. Стабильное здоровье граждан способствует повышению работоспособности и эффективности экономической деятельности, а также обеспечивает социальную стабильность. Система здравоохранения играет важную роль в профилактике и раннем выявлении заболеваний, предоставлении качественной медицинской помощи и поддержке здорового образа жизни. Профилактические меры, массовая вакцинация, регулярные медицинские осмотры и образовательные программы по охране здоровья — всё

это способствует повышению уровня здоровья граждан и снижению риска возникновения заболеваний.

Четвертое значение здравоохранения связано с поддержанием долгосрочной устойчивости нации. Продолжительная работоспособность и высокий уровень жизни граждан могут быть достигнуты только при условии доступности качественной медицинской помощи. Инвестиции в здравоохранение, развитие медицинской инфраструктуры и обучение кадровых профессионалов — это инвестиции в будущее страны. Поддержка и развитие здравоохранения способствуют стабильности и инновационному развитию всего общества.

Таким образом, взаимосвязь здравоохранения и национальной безопасности в России очевидна и неоспорима. Здравоохранение является неотъемлемой частью обеспечения безопасности нации, а инвестиции в здоровье граждан — это инвестиции в будущее страны и ее развитие [6].

Сегодня здоровье населения является одним из ключевых показателей, отражающих эффективность деятельности государства. Это относится к гуманности правительства и его способности определить приоритеты в формировании бюджета и разработке программ и планов. Взаимосвязь между здравоохранением и национальной безопасностью становится все более явной и важной [7].

Современные оценки уровня здоровья в стране базируются на широком диапазоне количественных и качественных показателей, которые помогают оценить положительные и отрицательные последствия государственного управления. Они включают доступность чистой воды и уровень гигиены, показатели использования контрацепции, употребление алкоголя и курение, проблемы, связанные с лишним весом, младенческую смертность и социально опасные заболевания такие, как туберкулез, ВИЧ/СПИД, и гепатит В и другие.

Так, в январе—августе 2023 г. зарегистрировано 39638 человек с болезнью, вызванной вирусом иммунодефицита человека, и бессимптомным инфекционным статусом, вызванным вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), в том числе детей в возрасте 0–17 лет — 332 человека. Половина всех выявленных больных ВИЧ-инфекцией учтена в 13 субъектах Российской Федерации: Краснодарском и Красноярском краях, Москве, Санкт-Петербурге, Иркутской, Кемеровской, Московской, Новосибирской, Ростовской, Самарской, Свердловской и Челябинской областях и Республике Башкортостан.

Самые высокие показатели заболеваемости туберкулезом на 100 тыс. человек населения в январе-августе 2023 г. зарегистрированы в Республике Тыва — в 5,3 раза выше среднероссийского показателя, Приморском крае, Еврейской автономной области и Чукотском автономном округе в 2,6–4,5 раза выше, чем в среднем по России.

При относительно благополучной ситуации в целом по стране в ряде субъектов Российской Федерации в январе — августе 2023 г. оставался

значительным уровнем заболеваемости сифилисом на 100 тыс. человек населения. Так, в Москве он был в 4,2 раза выше среднероссийского показателя. Высокие показатели заболеваемости сифилисом наблюдались в Республике Тыва, Ненецком автономном округе, Амурской, Калужской и Томской областях (в 1,6–3,4 раза выше, чем в среднем по России).

Очевидно, что физическое, социальное и психологическое состояние людей существенно влияет на все сферы деятельности государства. Только здоровые люди способны максимально эффективно выполнять свои социальные функции, что оказывает положительное воздействие на остальные аспекты жизни государства.

Важность здоровья населения в оценке деятельности государства не должна быть недооценена. Здоровье является фундаментальным основанием для развития страны, и эффективное государственное управление должно быть направлено на обеспечение доступности и качества здравоохранения для всех граждан. Страны, в которых государство в своей деятельности отдает приоритет здравоохранению, наблюдают более высокий уровень социально-экономического развития и более устойчивую систему национальной безопасности [8].

Поэтому, руководствуясь данными тезисами, следует признать, что оценка состояния здоровья нации и деятельности правительства в области здравоохранения является критически важным фактором при определении эффективности государственных программ и политик. Продвижение здоровья населения должно быть в центре внимания правительства, что в перспективе приведет к укреплению национальной безопасности и устойчивому развитию страны в целом [9].

На данный момент ситуация в области здравоохранения в России требует серьезных преобразований и оперативного реагирования со стороны государства.

В целом в России давно наблюдается неблагоприятная тенденция роста числа заболеваемости населения, снижения рождаемости и естественной убыли населения, еще в большей мере усугубляет данную обстановку пандемия коронавирусной инфекции, системный кризис и антироссийские санкции, вызвавшие серьезные трудности в вопросе поставки медикаментов и медицинского оборудования. За последние годы значительно увеличилась статистика заболеваемости по различным классам и группам, что представляет собой серьезную угрозу для экономической системы России (табл. 1).

Несомненно, и пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на российское общество, затрагивая различные аспекты, включая национальную безопасность. В первую очередь, заболевание стало вызовом для системы здравоохранения, выявив её уязвимость и необходимость дополнительных ресурсов и мер по совершенствованию.

Экономические последствия пандемии также повлияли на общественное благосостояние, снизив уровень доходов, увеличив безработицу и вызвав нестабильность на рынке труда.

Таблица 1 / Table 1

Заболееваемость населения по основным классам болезней в 2020–2022 гг.
Diseases of the population according to the main classes
of diseases in 2020–2022

Болезни / Diseases	Зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, всего / registered diseases in patients diagnosed, total			Зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни / registered diseases in patients diagnosed for the first time		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7
Все болезни / All diseases	229091,3	245149	254022,5	111294,3	125022,4	130442,6
из них: / of which:						
некоторые инфекционные и паразитарные болезни / infectious and parasitic diseases	5217,7	5358	5550,1	2999,4	3114,6	3324,4
новообразования / neoplasms	7132,3	7295,9	7616,5	1440,1	1484,1	1593,8
болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм / diseases of the blood, hematopoietic organs and individual disorders involving the immune mechanism	1615,2	1686,5	1730,7	480,1	513,9	539,6
из них анемии / anemia	1406,8	144,1	1507,4	438,9	460,2	485,9
болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ / endocrine system diseases, eating disorders and metabolic disorders	12071,6	12426	13051,4	1617,0	1669,7	1831,4
ожирение / obesity	1909,7	1981,7	2178,6	371,9	383,3	419,4
из них сахарный диабет / of which diabetes mellitus	5106,5	5168,9	5277,6	321,8	346	373,4
болезни нервной системы / diseases of the nervous system	7544,6	7815,5	8126,2	1836,5	1974,8	2057,0
болезни глаза и его придаточного аппарата / the eye disease and its appendage apparatus	12766,8	13148,1	13410,1	3506,5	3632,4	3679,1

Продолжение таблицы 1 / Continuation of the Table 1

1	2	3	4	5	6	7
болезни уха и сосцевидного отростка / ear and mastoid process diseases	4542,1	4653	4821,4	3008,1	3112,2	3266,3
болезни системы кровообращения / circulatory system diseases	35420,8	36239,1	38275,5	4302,5	4455,7	4928,7
болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением / hypertension diseases	16391,6	17150,4	18474,8	1368,0	1447,5	1718,1
ишемическая болезнь сердца / ischemic heart disease	7489	7456,3	7604	945,3	934,0	988,7
из нее: / of which:						
стенокардия / angina	2612,9	2574,9	2592,9	332,5	339,9	348,6
острый инфаркт миокарда / acute myocardial infarction	154,5	151,2	164,3	154,5	151,2	164,3
цереброваскулярные болезни / cerebrovascular disease	6408	6406,9	6649,1	1004,0	1027,8	1115,9
болезни органов дыхания / respiratory disease	61312,4	66596,6	68881,4	54273,3	59381,9	61918,8
болезни органов пищеварения / digestive disease	14810	15103,8	15298,8	3855,0	3920,8	3985,7
из них язва желудка двенадцатиперстной кишки / gastric ulcers and abdominal ulcers	1084,9	1049,6	1020	81,0	79,1	83,9
болезни кожи и подкожной клетчатки / diseases of the musculoskeletal system and connective tissue	7201	7495,2	7589,2	4979,0	5194,3	5292,0
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани / diseases of the musculoskeletal system and connective tissue	17360,5	17667,7	18864,1	3662,6	3893,8	4209,8
болезни мочеполовой системы / genitourinary disease	15088	15481	15624,7	5268,2	5383,2	5529,2

Окончание таблицы 1 / End of the Table 1

1	2	3	4	5	6	7
осложнения беременности, родов и послеродового периода / complications of pregnancy, childbirth and post-partum period	2992,6	2886,2	2659,6	1973,7	1959,5	1824,7
врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения / congenital anomalies (developmental defects), deformations and chromosomal disorders	1108,9	1153,7	1173,5	242,9	252,6	252,2
травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин / injury, poisoning and some other effects of external causes	11911,1	12194,1	12555,8	11908,2	12192,0	12553,4
COVID-19	4966,6	11819	12549,1	4966,6	11819,0	12549,1

Помимо снижения численности экономически активного населения в 2020 г. ВВП России сократился на 2,7 %, что следует из оценки Росстата [10]. Снижение ВВП в 2020 г. Росстат объясняет именно коронавирусными ограничениями. Резко сократилась добавленная стоимость в сервисных отраслях (гостиницы, транспорт, учреждения культуры и т.д.). Влияние на динамику ВВП оказывали падение конечного спроса внутри страны и рост чистого экспорта товаров и услуг за счет резкого, на 12,1 %, падения импорта. Расходы на конечное потребление снизились на 4,9 %, что связано с падением спроса на услуги и непродовольственные товары (за исключением автомобилей). Расходы домашних хозяйств на конечное потребление упали на 7,3 % [10].

Таким образом пандемия, как и любое другое явление массовой заболеваемости населения страны имеет, долгосрочные эффекты на социальные напряжения и стабильность в государстве, что, в свою очередь, влияет на его национальную безопасность.

Помимо этого сопредседатель Межрегионального профсоюза работников здравоохранения «Действие» Андрей Коновал отметил главным итогом 2023 г. неуклонный рост уровня рабочей нагрузки на врачей и напряженности их труда.

Не секрет, что сегодня проблему дефицита медицинских кадров признают на всех уровнях власти.

Объективную картину дают данные по общей численности медработников: согласно Росстату, за 9 месяцев 2023 г. численность врачей составила 565 тыс. человек, среднего медперсонала — 1,23 млн, младшего — 262 тыс. Есть открытые данные за 1-е полугодие 2022 г., исходя из которых еще год

назад врачей было 572 тыс. человек (минус 7 тыс.), среднего медперсонала — 1,274 тыс. (минус 4 тыс.), младшего — 279 тыс. (минус 17 тыс.) [10].

Всего, несмотря на попытки властей решить вопрос с дефицитом кадров, российское здравоохранение потеряло почти 30 тыс. медработников.

С целью совершенствования системы здравоохранения в стране правительством России была запущена крупномасштабная программа — Национальный проект «Здравоохранение».

Проект направлен на повышение доступности и качества медицинской помощи, совершенствование инфраструктуры здравоохранения, улучшение здоровья населения и повышение эффективности работы медицинских учреждений.

Национальный проект «Здравоохранение» предусматривает снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста (до 350 случаев на 100 тыс. населения), смертности от болезней системы кровообращения (до 450 случаев на 100 тыс. населения), смертности от новообразований, в том числе от злокачественных (до 185 случаев на 100 тыс. населения), младенческой смертности (до 4,5 случая на 1 тыс. родившихся детей) и включает в себя несколько федеральных проектов (рис. 1).

Рис. 1. Федеральные проекты в структуре нацпроекта

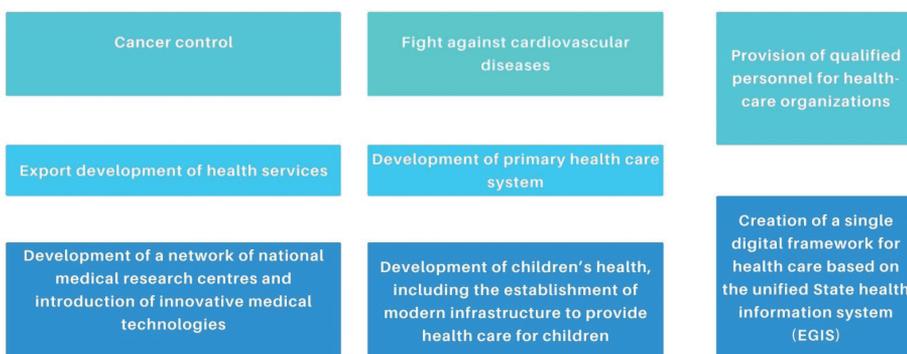

Fig. 1. Federal projects in the structure of the national project

Основные задачи нацпроекта «Здравоохранение» в России включают:

1. Модернизацию медицинской инфраструктуры: в рамках проекта предусмотрено строительство и реконструкция медицинских учреждений, закупка современного оборудования и развитие телемедицины. Это позволит повысить качество медицинской помощи и сделать ее более доступной для всех граждан.
2. Улучшение доступности медицинской помощи: нацпроект предусматривает расширение сети поликлиник и амбулаторий, а также увеличение числа врачей и медицинского персонала. Благодаря этому люди смогут получать необходимую медицинскую помощь без длительных очередей и препятствий.
3. Развитие профилактики и ранней диагностики заболеваний: проект направлен на улучшение системы профилактики и ранней диагностики различных заболеваний. Это включает проведение массовых профилактических мероприятий, развитие систем скрининговых обследований и внедрение современных методов диагностики.
4. Повышение качества медицинского образования и науки: нацпроект предусматривает модернизацию системы медицинского образования, внедрение инновационных методов обучения и развитие научных исследований в области медицины. Это позволит подготовить высококвалифицированных специалистов и совершенствовать методы лечения и диагностики.
5. Развитие системы здоровья населения: нацпроект направлен на повышение уровня здоровья населения. Это включает проведение мероприятий по профилактике хронических заболеваний, формирование здорового образа жизни, развитие спорта и физической культуры.

Реализация нацпроекта «Здравоохранение» в России в перспективе позволит существенно улучшить систему здравоохранения, повысить доступность и качество медицинской помощи для граждан, а также снизить уровень заболеваемости и смертности от различных заболеваний. Это важный шаг на пути к созданию здоровой нации и развитию страны в целом.

В рамках нацпроекта «Здравоохранение» были предприняты определенные шаги для реализации поставленных задач. Расширение сети медицинских учреждений и модернизация их инфраструктуры позволяют обеспечить большему числу людей доступ к качественной медицинской помощи. Закупка современного оборудования и внедрение телемедицины позволяют сократить расстояния и улучшить доступность медицинских услуг для жителей отдаленных и малонаселенных районов.

Также нацпроект «Здравоохранение» акцентирует внимание на профилактике и ранней диагностике заболеваний. Расширение системы скрининговых обследований и проведение массовых профилактических мероприятий позволяют выявлять заболевания на ранних стадиях и приступить к лечению вовремя.

Особое внимание уделяется развитию медицинского образования и науки. Внедрение инновационных методов обучения и развитие научных исследований в области медицины способствуют подготовке высококвалифицированных специалистов и постоянному совершенствованию методов лечения и диагностики.

Кроме того, в рамках нацпроекта осуществляются широкомасштабные мероприятия, направленные на повышение уровня здоровья населения. Ведется работа по пропаганде здорового образа жизни, развитию спорта и физической культуры. Это помогает снизить распространение хронических заболеваний и формировать привычки, способствующие поддержанию здоровья (рис. 2).

Рис. 2. Реализация национального проекта «Здравоохранение»

Fig. 2. Implementation of the national project «Healthcare»

Важно отметить, что эти примеры и статистика являются общими и могут отличаться в зависимости от региона и конкретных медицинских учреждений. Однако, нацпроект «Здравоохранение» стремится к улучшению системы здравоохранения в целом и оказывает положительное влияние на здоровье и благополучие населения России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воронкова О.Н. Трансформация мирохозяйственного уклада: теоретико-методологическое осмысление // *Экономические науки*. 2017. № 4 (149). С. 101–103.
2. Безуглая Н.С. Некоторые аспекты оценки состояния национальной безопасности РФ // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2017. № 4. С. 10–16.
3. Ковалев А.А. К вопросу истории обеспечения международной экономической безопасности: логика и основные этапы // *Национальная безопасность*. 2020. № 1. С. 38–52.
4. Киреева Н. О системном подходе к определению основных категорий общей теории безопасности // *Национальная безопасность*. 2013. № 6. С. 11–26.
5. Зеленков М.Ю. Опасность, угроза — базовые категории теории национальной безопасности // *Национальная безопасность*. 2015. № 1. С. 32–47.
6. Карпович О.Г. Новые вызовы и угрозы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // *Национальная безопасность*. 2016. № 5. С. 579–587.
7. Снопченко А.С. Теория конвергенции и проблемы глобализации мира // *Молодой ученый*. 2018. № 24 (210). С. 264–266.
8. Rozo M. Placing Global Biosecurity Engagement Programs under the Umbrella of Global Health Security // *Federation of American Scientists*. 2014. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/2014/05/bio-engagement-final-may2014.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).
9. Бояркина С.И. Проблемы реформы российского здравоохранения 2011–2016 гг. в оценках представителей врачебного сообщества: стратегии, тактики, риски // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. № 3 (22). С. 39–56. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.2>
10. Статистические данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 20.12.2023).

REFERENCES

1. Voronkova O.N. Transformacija mirohozjajstvennogo uklada: teoretiko-metodologicheskoe osmyslenie [Transformation of the World Economic Order: Theoretical and Methodological Interpretation]. *Jekonomicheskie nauki*. 2017; 4 (149): 101–103 (In Russ.).
2. Bezuglaja N.S. Nekotorye aspekty ocenki sostojanija nacional'noj bezopasnosti RF [Several Aspects of Assessing the State of National Security of the Russian Federation]. *Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta*. 2017;4:10–16 (In Russ.).
3. Kovalev A.A. K voprosu istorii obespechenija mezhdunarodnoj jekonomicheskoy bezopasnosti: logika i osnovnye jetapy [The Issue of the History of Ensuring International Economic Security: Logic and Main Stages]. *Nacional'naja bezopasnost'*. 2020;1:38–52 (In Russ.).
4. Kireeva N. O sistemnom podhode k opredeleniju osnovnyh kategorij obshhej teorii bezopasnosti [On the Systemic Approach to Defining the Basic Categories of the General Theory of Security]. *Nacional'naja bezopasnost'*. 2013;6:11–26 (In Russ.).
5. Zelenkov M.Ju. Opasnost', ugroza — bazovyje kategorii teorii nacional'noj bezopasnosti [Danger, Threat — Basic Categories of the National Security Theory]. *Nacional'naja bezopasnost'*. 2015;1:32–47 (In Russ.).

6. Karpovich O.G. Novye vyzovy i ugrozy v Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [New Challenges and Threats in the National Security Strategy of the Russian Federation]. *Nacional'naja bezopasnost'*. 2016;5:579–587 (In Russ.).
7. Snopchenko A.S. Teorija konvergencii i problemy globalizacii mira [The Theory of Convergence and the Problems of World Globalization]. *Molodoj uchenyj*. 2018; 24 (210): 264–266 (In Russ.).
8. Rozo M. Placing Global Biosecurity Engagement Programs under the Umbrella of Global Health Security. *Federation of American Scientists*. 2014. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/2014/05/bio-engagement-final-may2014.pdf> (accessed: 20.12.2023).
9. Bojarkina S.I. Health care reform in Russia (2011-2016) in the physicians' assessments: strategies, tactics, risks. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2019; 3 (22): 39–56 (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.2>
10. *Statisticheskie dannye Rosstata* [Statistical Data from Rosstat]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (accessed: 20.12.2023) (In Russ.).

Информация об авторах:

Сипиева Мария Сергеевна — магистрант кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3069-2111) (e-mail: 1132223161@rudn.ru).

Смирнова Евгения Алексеевна — ассистент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-0012-8015) (e-mail: smirnova-ea@rudn.ru).

Масюк Юлия Сергеевна — старший преподаватель, Российский университет дружбы народов (ORCID ID: 0009-0003-7588-6336) (e-mail: masyuk-yus@rudn.ru).

Information about the authors:

Maria S. Sipieva — Master Student at the Department of Public Administration and Municipal Management, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3069-2111) (e-mail: 1132223161@rudn.ru).

Evgenia A. Smirnova — Assistant at the Department of Public Administration and Municipal Management, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-0012-8015) (e-mail: smirnova-ea@rudn.ru).

Yulia S. Masyuk — Senior Lecturer at the RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0009-0003-7588-6336) (e-mail: masyuk-yus@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-150-156

EDN: XGJZTO

Научная статья / Research article

Социально-экономические особенности создания мер поддержки малого и среднего бизнеса в сельских поселениях Российской Федерации

И.А. Шутов¹ , О.А. Судоргин²

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Государственный университет управления,
109542, Российская Федерация, Москва, Рязанский просп., д. 99

 wanjacom17@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена проблема поддержки малого и среднего предпринимательства в сельских поселениях Российской Федерации. На примере разработанных в Вавожском районе Удмуртской Республики мер поддержки предпринимательства продемонстрирована эффективность привлечения региональных органов власти к созданию объектов малого и среднего бизнеса в сельских поселениях. На основе анализа статистических данных авторами показано, что реализуемые в районе меры поддержки малого и среднего бизнеса имеют потенциал к сохранению и развитию сельских поселений.

Ключевые слова: меры поддержки, предпринимательство, малый бизнес, средний бизнес, сельское поселение, городское поселение

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.12.2023. Принята к публикации: 10.01.2024.

Для цитирования:

Шутов И.А., Судоргин О.А. Социально-экономические особенности создания мер поддержки малого и среднего бизнеса в сельских поселениях Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 150–156. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-150-156>

© Шутов И.А., Судоргин О.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Socio-economic Features of Creating Measures to Support Small and Medium-sized Businesses in Rural Settlements of the Russian Federation

Ivan A. Shutov¹ , Oleg A. Sudorgin²

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation

²State University of Management,
99 Ryazansky prospect, Moscow, 109542, Russian Federation

 wanjacom17@gmail.com

Abstract. The study examines the problem of supporting small and medium-sized businesses in rural settlements of the Russian Federation. Using the example of entrepreneurship support measures developed in the Vavozhsky district of the Udmurt Republic, the authors demonstrated effectiveness of attracting small and medium-sized businesses to the creation of facilities in rural settlements. Based on the analysis of statistical data, the authors show that the measures implemented in the district to support small and medium-sized businesses have the potential to preserve and develop rural settlements.

Keywords: support measures, entrepreneurship, small business, medium business, rural settlement, urban settlement

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.12.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Shutov I.A., Sudorgin O.A. Socio-economic Features of Creating Measures to Support Small and Medium-sized Businesses in Rural Settlements of the Russian Federation. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):150–156. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-150-156>

Исторически сложилось, что сфера малого и среднего предпринимательства имеет большую социально-экономическую значимость в развитии экономики стран, поскольку данный вид экономической деятельности имеет ряд следующих особенностей: низкий стартовый капитал, большая скорость оборота ресурсов. Кроме того, данный сектор экономики является источником решения иных социально-значимых вопросов, таких как: обеспечение занятости населения, рост экономических показателей страны и возможности внедрения инноваций.

В рамках сегодняшней экономической ситуации в стране стоит отметить, что в условиях рыночной экономики происходит «смещение советских методов хозяйствования с новыми предпринимательскими методами» [1]. Однако, согласно зарубежным и отечественным исследованиям, в России возможности малого и среднего бизнеса используются не в полном объеме [2–3]. По данным Института экономики роста имени Столыпина, в среднем в развитых странах вклад сектора МСП в ВВП составляет 48 %, в России — 21,9 %. Кроме того, по численности субъектов МСП на 100 человек Россия уступает европейским

странам [4]. Исходя из этого, наблюдается необходимость в разработке программ для стимулирования к открытию малого и среднего бизнеса.

К внутренним проблемам развития предпринимательства также стоит отнести неравномерность количества предприятий малого и среднего бизнеса в разных регионах страны. Преимущественно формирование предприятий данного типа происходит в уже экономически развитых субъектах страны — городах и городских поселениях центральной части России.

Формирование и развитие малого бизнеса в сельских поселениях не вызывает широкого интереса, поскольку влечет за собой большие риски, при аналогичных условиях открытия объекта предпринимательства. Исходя из этого в сфере малого и среднего бизнеса ситуация на сегодняшний день характеризуется внутренней миграцией населения из сельского поселения в городское, что приводит к «вымиранию» сельских территорий, обладающих экономическим потенциалом для создания сельскохозяйственного, продовольственного и иных видов малого и среднего бизнеса.

Основным преимуществами открытия объекта предпринимательства в городском поселении принято считать высокий поток клиентов, удобные логистические возможности, большое количество поставщиков. Однако наряду с преимуществами возникают и недостатки, связанные с высокой себестоимостью производства, арендной платой, высокими требованиями потребителей к предоставляемым товарам и услугам, при наличии иных конкурентоспособных производителей. В связи с этим значительную роль играют задачи маркетинга и изучения потребительского поведения [5]. В то же время в сельских поселениях процесс производства аналогичного продукта будет иметь более низкие затраты, характеризоваться невысоким стартовым капиталом и являться более конкурентоспособным, особенно при решении запросов местного населения в результате предпринимательской деятельности.

Однако перечисленные факторы не способствуют повышению интереса к созданию объектов малого и среднего бизнеса на сельских территориях. Решение данного вопроса требует принятия внутренних региональных мер, создающих иные, отличные от особенностей создания предпринимательства в городских поселениях способы поддержки. Так, реализуемые на сегодняшний день в сельских поселениях регионов страны программы государственной поддержки имеют потенциал к привлечению открытия бизнеса, способны уменьшить отток населения из сельской местности [6–7].

Опыт создания местных мер поддержки предпринимательства широко используется в сельских районах Удмуртской Республики. Созданные программы развития и поддержки предпринимательских начал в Вавожском районе демонстрируют отличные результаты развития сельского поселения. Исходя из данных о количестве населения в районе стоит отметить тенденцию к уменьшению численности населения (табл. 1). Данное явление обусловлено в первую очередь учебной миграцией населения в возрасте 16–18 лет.

Таблица 1

Численность населения Вавожского района 2019–2022 гг.

Год	Численность населения на начало года, чел.	Численность населения на конец года, чел.	Среднегодовая численность населения, чел.	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост, убыль	Миграционный прирост, убыль	Итого рост (+), убыль (-)
2019	15096	14888	14992	142	193	-51	-157	-208
2020	14888	14810	14849	172	248	-76	-2	-78
2021	14810	14598	14704	166	262	-96	-116	-212
2022	13889	13827	13858	-60	565	567	-2	-62

Источник: Данные согласно результатам переписи населения 2020 г.

Table 1

The population of the Vavozhsky district 2019–2022

Year	Population at the beginning of the year, ppl.	The population at the end of the year, ppl.	The average annual population, ppl.	Birth rate	Mortality	Natural increase / decrease	Migration increase / decrease	Total growth (+), decrease (-)
2019	15096	14888	14992	142	193	-51	-157	-208
2020	14888	14810	14849	172	248	-76	-2	-78
2021	14810	14598	14704	166	262	-96	-116	-212
2022	13889	13827	13858	-60	565	567	-2	-62

Source: Data according to the results of the 2020 census.

Согласно докладу главы Вавожского района от 2023 г. уровень зарегистрированной безработицы от экономически активного населения на 01.01.2023 г. составил 0,87 % (62 человека), что меньше на 24,3 % к уровню 2021 г. (1,15 % или 83 чел.). Снижение уровня безработицы в районе в первую очередь связано с реализацией в Удмуртской Республике подпрограмм «Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан», «Развитие социально-трудовых отношений и содействие занятости населения Удмуртской Республики» [8].

В 2022 г. благодаря социальным контрактам открыто 9 новых ИП и 22 зарегистрировались самозанятыми. Общая сумма составила 7,1 млн руб. (2021 г. — 4 ИП и 5 самозанятых на общую сумму 1,5 млн руб.).

На период начала 2023 г. на территории района осуществляют свою деятельность 2 средних и 54 малых предприятий. Кроме этого, осуществляли свою деятельность 273 индивидуальных предпринимателей и 460 самозанятых [9]. Таким образом, промежуточная ситуация по вопросу малого и среднего предпринимательства на сентябрь текущего года имеет следующие показатели: 266 индивидуальных предпринимателя, 53 юридических лица (организации и предприятия) и 601 физическое лицо, использующие налог на профессиональный доход (самозанятые граждане) [10–11].

Статистические данные подтверждают, что реализуемые в районе меры поддержки малого и среднего бизнеса имеют потенциал к сохранению и развитию сельских поселений. Также стоит отметить, что период 2021 г. является моментом начала активной реализации разработанных и широко применяемых на сегодняшний день мер поддержки предпринимательства.

На основании вышеизложенных данных стоит отметить важную роль наличия возможности получения региональных (местных) мер поддержки предприятиями малого и среднего бизнеса. Тенденция развития программ поддержки предпринимательства в сельских поселениях способна изменить отношение к данным территориям как к экономически-потенциальным, привлекательным для ведения бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вовченко Н.Г., Черненко О.Б., Чернышева Ю.Г., Куринова Я.И.* Анализ экосистемы поддержки малого и среднего предпринимательства и ее место в структуре предпринимательской экосистемы региона // *Статистика в современном мире: методы, модели, инструменты: Материалы VII Международной научно-практической конференции.* Ростов-на-Дону, 2021. С. 202–206.
2. *Горбунова Е.А., Шаныгин С.И.* Особенности развития малого и среднего предпринимательства в регионах России // *Экономика. Право. Инновации.* 2022. № 1. С. 4–12. <http://dx.doi.org/10.17586/2713-1874-2022-1-4-12>
3. *Лопатинская Ю.А., Ильина К.Н.* Влияние внешних факторов на малый бизнес. Сравнение малого и среднего бизнеса и их преимущества // *Вектор экономики.* 2019. № 1 (31). С. 85.
4. *Блейман Н.* Экономика малых дел. Как государство стимулирует предпринимательство // РБК Плюс. URL: <https://plus.rbc.ru/specials/malyj-i-srednij-biznes-gospodderzhka-predprinimatelstva-v-gossii?ysclid=lnxi0r3kom462417078> (дата обращения: 10.10.2023).
5. *Игнатовский Я.Р., Иванов В.Г.* Айтирекинг: потенциал для применения в государственном управлении, политическом брендинге и планировании избирательных кампаний // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. № 2 (7). С. 155–160. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160>
6. *Bakanach O.V., Dubrova T.A., Esenin M.A., Blinova S.V.* Small Entrepreneurship in Russia: Development Trends, Structural Changes, Rating Assessment of Regions // *International Review of Management and Marketing.* 2016. 6 (S5). P. 227–234.
7. *Шарыгин М.Д., Кротов И.И.* Основные факторы территориальной организации малого предпринимательства // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.* 2014. Вып. 9. С. 155–168.

8. Постановление от 27.02.2023 г. № 173 «О внесении изменений в постановление Администрации Вавожского района от 21.07.2014 г. № 705 «Об утверждении муниципальной программы «Создание условий для устойчивого экономического развития»».
9. Доклад Главы Вавожского района «О достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов за 2022 г. и их планируемых значениях на 3-летний период». 04.05.2023. URL: https://vavozhskij-r18.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/41/297/Doklad_Glavu_Vavozhskogo_rayona_za_2022_god.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
10. Постановление от 25.02.2022 г. № 285 «О создании Совета по поддержке малого предпринимательства и развития конкуренции при Главе муниципального образования «Муниципальный округ Вавожский район Удмуртской Республики».
11. Постановление от 25.02.2022 г. № 286 «О создании межведомственной комиссии по вопросам соблюдения трудовых прав, снижения неформальной занятости и легализации доходов участников рынка труда на территории муниципального образования «Муниципального округа Вавожский район Удмуртской Республики».

REFERENCES

1. Vovchenko N.G., Chernenko O.B., Chernysheva Yu.G., Kurinova Ya.I. Analiz ekosistemy podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva i ee mesto v strukture predprinimatel'skoi ekosistemy regiona [Analysis of the Ecosystem of Support for Small and Medium-sized Businesses and Its Place in the Structure of the Entrepreneurial Ecosystem of the Region]. *Statistika v sovremennom mire: metody, modeli, instrumenty. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Rostov-na-Donu; 2021: 202–206 (In Russ.).
2. Gorbunova E.A., Shanygin S.I. Features of the Development of Small and Medium-sized Businesses in Russian Regions. *Ekonomika. Pravo. Innovatsii*. 2022;1:4–12. <http://dx.doi.org/10.17586/2713-1874-2022-1-4-12> (In Russ.).
3. Lopatinskaya Yu.A., Il'ina K.N. Vliyanie vneshnikh faktorov na малыi biznes. Sravnenie malogo i srednego biznesa i ikh preimushchestva [The Influence of External Factors on Small Business. Comparison of Small and Medium-sized Businesses and Their Advantages]. *Vektor ekonomiki*. 2019; 1 (31): 85 (In Russ.).
4. Bleiman N. Ekonomika малыkh del. Kak gosudarstvo stimuliruet predprinimatel'stvo [Economics of Small Business. How the State Stimulates Entrepreneurship]. *RBC Plus*. URL: <https://plus.rbc.ru/specials/malyj-i-srednij-biznes-gospodderzhka-predprinimatelstva-v-rossii?ysclid=lnxi0r3kom462417078> (accessed: 10.10.2023) (In Russ.).
5. Ignatovskiy Ya.R., Ivanov V.G. Eye Tracking: Potential Applications for Public Management, Political Branding and Election Campaigns. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 2 (7): 155–160. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160> (In Russ.).
6. Bakanach O.V., Dubrova T.A., Esenin M.A., Blinova S.V. Small Entrepreneurship in Russia: Development Trends, Structural Changes, Rating Assessment of Regions. *International Review of Management and Marketing*. 2016; 6 (S5): 227–234.
7. Sharygin M.D., Krotov I.I. Osnovnye faktory territorial'noi organizatsii malogo predprinimatel'stva [The Main Factors of the Territorial Organization of Small Business]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 2014;9:155-168 (In Russ.).
8. *Postanovlenie ot 27.02.2023 g. № 173 «O vnesenii izmenenii v postanovlenie Administratsii Vavozhskogo raiona ot 21.07.2014 g. № 705 «Ob utverzhdenii munitsipal'noi programmy «Sozdanie uslovii dlya ustoichivogo ekonomicheskogo razvitiya» [Resolution No. 173 dated 02/27/2023 “On Amendments to the Resolution of the Administration of the Vavozhsky district dated 07/21/2014 No. 705 “On Approval of the municipal program ‘Creating conditions for sustainable economic development’”]. (In Russ.).*

9. *Doklad Glavy Vavozhskogo raiona «O dostignutykh znacheniyakh pokazatelei dlya otsenki effektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya munitsipal'nykh, gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov za 2022 god i ikh planiruemykh znacheniyakh na 3-letnii period»* [Report of the Head of the Vavozhsky district “On the Achieved Values of Indicators for Evaluating the Effectiveness of Local Government Bodies of Municipal, Urban Districts and Municipal Districts for 2022 and Their Planned Values for a 3-Year Period”]. 04.05.2023. URL: https://vavozhskij-r18.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/41/297/Doklad_Glavy_Vavozhskogo_rayona_za_2022_god.pdf (accessed: 10.10.2023) (In Russ.).
10. *Postanovlenie ot 25.02.2022 g. № 285 «O sozdanii Soveta po podderzhke malogo predprinimatel'stva i razvitiya konkurentsii pri Glave munitsipal'nogo obrazovaniya «Munitsipal'nyi okrug Vavozhskii raion Udmurtskoi Respubliki»* [Resolution No. 285 dated 02.25.2022 “On the Establishment of the Council for the Support of Small Business and the Development of Competition under the Head of the municipal formation ‘Municipal District of the Vavozhsky district of the Udmurt Republic’”] (In Russ.).
11. *Postanovlenie ot 25.02.2022 g. № 286 «O sozdanii mezhdovedomstvennoi komissii po voprosam soblyudeniya trudovykh prav, snizheniya neformal'noi zanyatosti i legalizatsii dokhodov uchastnikov rynka truda na territorii munitsipal'nogo obrazovaniya «Munitsipal'nogo okruga Vavozhskii raion Udmurtckoi Respubliki»* [Resolution No. 286 dated 02.25.2022 “On the Establishment of an Interdepartmental Commission on the Observance of Labor Rights, Reduction of Informal Employment and Legalization of Income of Labor Market Participants in the Territory of the Municipality of the Municipal District of the Vavozhsky District of the Udmurt Republic”] (In Russ.).

Информация об авторах:

Шутов Иван Александрович — магистрант кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0009-0000-7709-4218) (e-mail: wanjacom17@gmail.com).

Судоргин Олег Анатольевич — доктор политических наук, директор НИИ Управления цифровой трансформацией экономики Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0001-7670-7238) (e-mail: svis@mail.ru).

Information about the authors:

Ivan A. Shutov — Master Student at the Department of Public Administration and Municipal Management, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0009-0000-7709-4218) (e-mail: wanjacom17@gmail.com).

Oleg A. Sudorgin — Doctor of Political Sciences, Director of the Economy Digital Transformation Management Research Institute, State University of Management (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-7670-7238) (e-mail: svis@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-157-172

EDN: WRCJQP

Научная статья / Research article

Индекс готовности к внедрению искусственного интеллекта в отраслевое государственное управление: опыт Российской Федерации

Р.С. Ступин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул., д. 20

Масариков университет,
60177, Чехия, Брно, Жеротиново нам., 617/9

✉ stupinrs@gmail.com

Аннотация. Исследуются подходы к анализу измеримых показателей искусственного интеллекта и его использования в системе отраслевого государственного управления. В рамках исследования разработан методический базис для оценки индекса готовности к внедрению искусственного интеллекта, включающий анализ правовой базы, технологий, информационной инфраструктуры, образования, рынка труда, готовности граждан. Разработка индекса готовности к использованию искусственного интеллекта в отраслевом государственном управлении основана на проведенном автором анализе государственных функций и задач по внедрению технологий искусственного интеллекта, мониторинге измеримых показателей имплементации искусственного интеллекта, анализе государственных программ и кейсов цифровой трансформации на основе технологий искусственного интеллекта. В настоящее время при использовании решений искусственного интеллекта в государственном секторе анализируются только отдельные проблемные блоки. Комплексный индекс и всесторонний анализ рисков отсутствуют как в России, так и за рубежом. Разработанные подходы к оценке готовности помогут снизить издержки государственного управления и риски ошибок внедрения ИИ-технологий.

Ключевые слова: цифровая трансформация государственного управления, искусственный интеллект в государственном управлении, цифровое государственное управление, индекс искусственного интеллекта

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 01.10.2023. Принята к публикации: 10.01.2024.

© Ступин Р.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Ступин Р.С. Индекс готовности к внедрению искусственного интеллекта в отраслевое государственное управление: опыт Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 157–172. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-157-172>

AI Readiness Level in Public Administration: Case of the Russian Federation

Roman S. Stupin

National Research University “Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation

Masaryk University,
617/9, Zerotínovo nam., Brno, Czech Republic, 60177

✉ stupinrs@gmail.com

Abstract. The study explores approaches to the analysis of measurable indicators of artificial intelligence and its use in the system of sectoral public administration. As a part of the research the author developed the methodological basis for assessing the likelihood of the emergence of artificial intelligence. The research proposed analysis of the external base, technology, statistical reliability, education, labor market, citizens’ perspectives and development of the index of readiness for the emergence of artificial intelligence in sectoral public administration. The author carried out analysis of state functions and tasks for the introduction of artificial intelligence technologies, monitoring of measurable results of the introduction of artificial intelligence, analysis of government programs and cases of digital transformation based on AI technologies. It is shown, that currently, when using artificial intelligence solutions in the public sector, only individual problem blocks are mainly analyzed. The author states that a comprehensive index and a comprehensive risk analysis are not available both in Russia and abroad. The developed approaches to readiness assessment would help to reduce the costs of public administration and the risks of mistakes in the implementation of AI technologies.

Keywords: artificial intelligence in public administration, AI Readiness Level, e-government, digital government

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.10.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Stupin R.S. AI Readiness Level in Public Administration: Case of the Russian Federation. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):157–172. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-157-172>

Введение

В настоящее время значительно усилилась роль новых решений, систем и продуктов, использующих искусственный интеллект и машинное обучение и влияющих на прогресс и инновации в различных областях социально-экономического развития. В условиях технологической революции искусственный способен оказать существенное воздействие

на дальнейшее развитие человечества и стать важным движущим фактором реализации глубинных социальных и экономических изменений, в том числе в сфере государственного управления. Широкое внедрение технологий искусственного интеллекта неизбежно влечет за собой ряд разноплановых изменений: в общественном сознании, образе жизни людей, в сложившихся поведенческих и социокультурных паттернах, формирует новую среду жизнедеятельности.

По оценкам консалтинговой компании McKinsey, развитие ИИ может обеспечить дополнительную глобальную экономическую активность в размере около 13 трлн долларов США к 2030 г., что даст дополнительный рост мирового ВВП на 1,2 процента в год [1]. В связи с этим, многие страны с 2017 г. начали активно разрабатывать национальные стратегии для стимулирования роста и регулирования искусственного интеллекта. На начало 2019 г. 32 страны признали важность технологий искусственного интеллекта для национальной экономики, социальных отношений и безопасности и разработали национальные стратегические планы развития искусственного интеллекта. Данные планы учитывают интеграцию компонентов технологии искусственного интеллекта в различных сферах государственного управления. В октябре 2019 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», который направлен на обеспечение ускоренного развития искусственного интеллекта, проведение научных исследований в области искусственного интеллекта, повышение доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области. В августе 2020 г. Распоряжением Правительства РФ № 2129-р утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. Цель Концепции — определить направления развития российского законодательства для обеспечения возможности создания и применения технологий искусственного интеллекта и робототехники в различных сферах экономики, не нарушая при этом прав и законных интересов граждан. Концепция затрагивает основные аспекты, входящие в сферу государственного и муниципального управления, такие как законодательство в сфере охраны здоровья граждан; регулирование использования технологий искусственного интеллекта и робототехники в государственном и муниципальном управлении; законодательство в сфере транспорта; законодательство о градостроительной деятельности; использование систем искусственного интеллекта и робототехники для реализации концепции «умного города»; законодательство в финансовой сфере. Кроме того, в Концепции отмечается необходимость создания дополнительных государственных мер поддержки компаний, специализирующихся на разработке технологий искусственного интеллекта и робототехники, а также проведения исследований потенциала использования механизмов государственно-частного партнерства.

Гипотеза исследования

Гипотеза исследования базируется на утверждении о том, что искусственный интеллект оказывает существенное влияние на эффективность и оптимизацию деятельности в сфере отраслевого государственного управления. В рамках исследования строится предположение, что цифровая трансформация государственного управления на основе технологий искусственного интеллекта является инструментом повышения эффективности отраслевого государственного управления и имеет перспективы для решения таких проблем государственного управления, как обеспечение открытости, точности и достоверности информации; обеспечение равного доступа к данным и недопущение любых форм дискриминации. В то же время эффективность внедрения искусственного интеллекта в отраслевое государственное управление определяется не только качеством и технологической проработкой решений, но и зрелости потребительских сегментов, их готовности к внедрению и использованию решений на базе искусственного интеллекта.

Актуальные исследования применения искусственного интеллекта в государственном управлении

В зарубежной практике искусственный интеллект активно изучается как перспективный инструмент совершенствования системы государственного управления, сформирована устоявшаяся терминологическая база. Искусственный интеллект изучается как инструмент в различных аспектах государственного управления и политического участия [2–4].

В России проблематике уделяется недостаточное внимание. Защищенные на начало 2021 г. исследования затрагивают прикладные технические аспекты искусственного интеллекта или рассматривают перспективы узкого применения разработок в решении локальных задач.

В то же время искусственный интеллект является перспективным инструментом решения задач государственного управления, таких как поддержка принятия решений, повышение эффективности управления системой образования, повышение открытости государственных услуг, предоставление доступа к государственным данным, снижение проявлений коррупции, обеспечение равного доступа к государственным услугам и т.д.

Практика цифровой трансформации госуправления ряда стран показывает, что решения на базе ИИ помогают снизить транзакционные издержки, повысить доверие граждан к институтам государственной власти [3; 5; 6].

В то же время эксперты, представляющие крупные российские акторы, заявляют о том, что меры регулирования развития ИИ в России не отражают интересы развития отрасли, не способны решить задач инновационного развития и повысить эффективности управленческих решений [7]. В этой связи анализ эффективности использования искусственного интеллекта в решении задач государственного управления является важной исследовательской задачей.

В настоящее время интерес исследователей к проблемам применения решений на основе искусственного интеллекта для задач государственного управления растет. Данная тенденция особенно заметна в англоязычной научной литературе. Значительное количество работ, посвященных проблемам цифровой трансформации государственного управления на основе технологий искусственного интеллекта, опубликовано исследователями Школы государственных и международных отношений University of Georgia. Ученые данной школы рассматривают искусственный интеллект в качестве технологии, способной кардинально трансформировать институты государственного управления и сформировать совершенно иные модели отношений между субъектами государственного управления и государственной политики [8].

Ряд исследователей [2] считают, что, в связи с тем, что государство является крупнейшим заказчиком и пользователем разработок и решений в сфере информационно-коммуникационных технологий, система государственного управления является своего рода экспериментальной площадкой для внедрения технологий искусственного интеллекта. Все передовые разработки в сфере искусственного интеллекта, в первую очередь, будут апробированы в государственном секторе. Это, в свою очередь, приведет к формированию государств иного типа, основанных на технологиях и информационном взаимодействии.

Опираясь на текущие академические исследования и научные данные, разработка программ и политик в сфере искусственного интеллекта все же осуществляется без необходимой подготовки пользовательского сегмента — органов государственной власти, государственных организаций и ведомств, корпораций и граждан. В настоящее время отсутствует механизм оценки готовности граждан, государства и отраслей экономики к внедрению технологий искусственного интеллекта. Важными факторами для оценки являются такие переменные, как информационная инфраструктура, уровень компетенций пользователей, гибкость инструментов финансирования, гибкость инструментов мониторинга и контроля. Данная проблема может быть решена посредством внедрения специального индекса — AIRL (Artificial Readiness Level). Аналогичные индексы используются, например, для определения инновационной зрелости (TRL) и стадии готовности к цифровой трансформации (DTRL). Проблемы разработки и внедрения аналогичного индекса для оценки степени готовности и уровня рисков внедрения технологий искусственного интеллекта в систему отраслевого государственного управления лежат в основе исследования.

Техническая гипотеза текущего исследования опирается на анализе кейсов и практик имплементации технологий искусственного интеллекта, а также анализе нормативно-правовой базы и стратегических документов в сфере искусственного интеллекта. Гипотеза исследования подтверждается анализом нормативных актов, стратегических планов, а также данных экспертных полуструктурированных интервью.

Теоретические аспекты интеграции ИИ в госуправление

Изучение индекса готовности отраслевого государственного управления представляется важным с точки зрения теории минимизации транзакционных издержек. Данный инструмент позволяет эффективно распределять инвестиции и бюджетное финансирование между отраслями и структурными элементами, имеющими высокие показатели готовности к внедрению искусственного интеллекта, а также осуществлять финансирование мероприятий по устранению диспропорций региональных и отраслевых индексов готовности. С точки зрения теории минимизации транзакционных издержек важным аспектом является также анализ способов и механизмов замены части рутинных и сервисных функций, выполняемых государственными служащими и специалистами, алгоритмизированными процедурами и технологиями.

С точки зрения теории сетевого государственного управления проблема технологической оснащенности и уровня компетенций субъектов отраслевого государственного управления является важной в части анализа предпосылок и готовности государственных институтов к внедрению инструментов сетевого государства. Важным теоретическим аспектом в данном вопросе является изучение уровня доверия граждан и их готовности к активному взаимодействию с государственными структурами. Еще одной значимой проблемной областью является исследование соответствия компетенций государственного аппарата требованиям, предъявляемым к сетевому государственному управлению. Согласно данным экспертов только 20% граждан готовы активно взаимодействовать с государством, а уровень компетенций государственных служащих не соответствует сетевой концепции организации управления [9]. Таким образом, проблема эффективности использования ИИ-технологий в отраслевом государственном управлении получает развитие с позиций теории общественной ценности.

В связи с тем, что искусственный интеллект является новой технологией, по использованию которой невозможно обобщить и провести анализ предыдущего опыта, важной исследовательской проблемой является прогнозирование общественной ценности от внедрения ИИ-решений для решения различных задач государственного управления. Такое прогнозирование возможно только на основе комплексного анализа количественных и качественных показателей, которые формируют индекс готовности к внедрению технологий ИИ.

Проблема исследования эффективности применения технологий искусственного интеллекта в системе отраслевого управления определяют необходимость теоретической проработки методик определения эффективности внедряемых технологий искусственного интеллекта на ранних стадиях решения о необходимости интеграции.

С точки зрения подходов концепции *governance* необходимо исследовать оценку технологий искусственного интеллекта в вопросах регламентации и регулирования отраслевого государственного управления, изучения

соответствия текущих административных норм требований эффективного внедрения искусственного интеллекта для решения государственных задач.

В практической плоскости исследовательская проблематика базируется на границах и пределах применения индекса готовности к внедрению искусственного интеллекта. С точки зрения практической значимости индекс рассматривается как интегральный показатель, включающий анализ правовой, технологической, информационной и кадровой составляющей, а также готовность потребителей услуг к использованию решений в сфере искусственного интеллекта.

Практическая плоскость исследовательской проблемы заключается в выработке механизма эффективного управления программами и проектами, направленными на интеграцию инструментов искусственного интеллекта в систему отраслевого государственного управления. Индексы готовности представляют собой распространенный инструмент оценки инвестиционной привлекательности отраслей экономики, а также как инструмент поддержки принятия управленческих решений по вопросам внедрения инновационных продуктов и технологий. Наиболее распространенной методикой является оценка уровня готовности технологий TRL (Technology Readiness Level). В последние годы индекс был адаптирован для оценки потенциала цифровой трансформации в отраслевом и географическом разрезе. Однако для оценки возможностей и потенциала искусственного интеллекта в системе государственного управления подобные подходы не применяются. Предложенный в рамках статьи индекс AIRL (AI Readiness Level) направлен на практическое решение проблемы риска принятия неверных решений и неэффективного использования бюджетных средств.

Анализ потенциала рынка искусственного интеллекта и перспектив применения ИИ-технологий в государственном управлении

Важным индикатором развития искусственного интеллекта как отрасли экономической деятельности является оценка объема венчурных инвестиций в сфере искусственного интеллекта. По состоянию на конец 2017 г. 48 процентов всех мировых инвестиций приходились на КНР, 38 процентов — на США. Оставшиеся 14 процентов распределились между другими странами. Доля РФ в данном сегменте ничтожно мала. Стоит отметить, что лидер по данному показателю — Китай — в период времени до 2030 г. планирует инвестировать в развитие ИИ технологий 1 трлн долларов США.

Еще одним измеримым показателем, который демонстрирует развитие научно составляющей сферы искусственного интеллекта, является доля патентов в области ИИ в общей патентной совокупности. Доля патентов в сфере искусственного интеллекта в США уже в 2017 г. составляла 38,4 процента. Вторую строчку по данному критерию занимают страны Европейского Союза, доля патентов в сфере искусственного интеллекта в которых составляет 18,8

процентов от общего показателя. Близкие показатели (18,6 процентов) демонстрирует Китайская Народная Республика. Для сравнения доля патентов в сфере ИИ-технологий в России составляет всего 1,5 процента [10].

Еще одним важным фактором национального потенциала в сфере технологий искусственного интеллекта является количество субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющих разработки в области искусственного интеллекта. На конец 2017 г. в США насчитывалось 2 905 компаний и 1 393 стартапа, в Китае — 709 ИТ-компаний и 383 стартапа в сфере искусственного интеллекта, в странах ЕС совокупно — 400 компаний и 524 стартапа, в юрисдикции Израиля — 173 компании и 362 стартапа. На долю Российской Федерации приходится всего 13 компаний и 19 стартапов в области искусственного интеллекта [10].

По состоянию на конец 2022 г. национальные стратегии развития искусственного интеллекта были разработаны и утверждены в 32 странах мира. Большая часть стран, имеющих собственные стратегические документы и планы развития технологий искусственного интеллекта, являются отраслевыми лидерами в сфере ИИ. Сравнительные данные о развитии отрасли искусственного интеллекта отражены в рейтингах и индексах международных организаций и консалтинговых агентств — Организация экономического сотрудничества и развития, Международный союз электросвязи, Oxford Insights, Международный исследовательский центр развития (IDRC), National Science and Technology Council, Office of Science and Technology Policy of the United States of America.

Наиболее системный подход к оценке национального уровня развития технологий искусственного интеллекта находит отражение в Индексе готовности правительства к искусственному интеллекту [11], подготовленном Oxford Insights при поддержке Международного исследовательского центра развития (IDRC).

Для всесторонней оценки национального потенциала и эффективности стратегических документов анализ развития искусственного интеллекта целесообразно осуществлять по нескольким блокам: базовая фактографическая информация; нормативно-правовое регулирование; развитие системы образования и подготовки кадров; уровень инвестиций в развитие искусственного интеллекта; развитие НИОКР в сфере искусственного интеллекта; инфраструктура искусственного интеллекта; этика и стандартизация; уровень развития работы с данными; развитие безопасности в сфере искусственного интеллекта.

Исследования и количественные данные в сфере госуправления искусственным интеллектом

Измеримые показатели и статистические индексы в сфере искусственного интеллекта в настоящее время не являются обязательными данными, собираемыми и анализируемыми на государственном уровне. Теме не менее,

для решения производственных задач, а также для целей рыночной аналитики и рыночного прогнозирования ежегодно осуществляется сбор и мониторинг различных данных с задействованием разных групп респондентов и объектов исследования.

Основными субъектами сбора и обработки данных являются международные организации (Организация экономического сотрудничества и развития, Международный союз электросвязи, Европейская комиссия), консалтинговые компании (PwC, Gartner, Forrester Research, BrightEdge, Oxford Insights), университеты (НИУ ВШЭ, МФТИ, РАНХиГС), корпорации (ПАО «Сбербанк»).

Данные о количественных показателях в области искусственного интеллекта могут быть использованы для целевого финансирования субъектов предпринимательской деятельности, оценки целесообразности частного и государственного инвестирования, оценки инвестиционной привлекательности стран и регионов. В рамках данного анализа могут быть использованы стандартные экономические показатели, такие как, например: срок окупаемости инвестиций; годовая и среднегодовая рентабельность инвестиций; общий объем бюджетных ассигнований; темпы роста и темпы прироста годовых бюджетных ассигнований.

Еще одной сферой применения статистических данных о развитии искусственного интеллекта является мониторинг развития экосистемы предпринимательской деятельности и инновационной среды. Для оценки данных параметров может быть изучена общая динамика рынка решений в сфере технологий искусственного интеллекта (объем инвестиций в стартапы, количество разработчиков и дистрибьютеров ИИ-решений, объем продаж участников рынка, сравнительный анализ национальных программ в сфере ИИ, индекс развития электронного правительства).

Для целей мониторинга на национальном и межнациональном уровне может быть применен многофакторный структурный анализ сложных показателей (статистический анализ выборки предприятий, междисциплинарные исследования, индекс технологической зрелости, индекс цифровой трансформации).

В качестве универсального инструмента, на основе которого формируются национальные рейтинги стран в области развития искусственного интеллекта, в настоящее время применяется Government Artificial Intelligence Readiness Index (GAIRI), определяющих готовность стран к внедрению технологий искусственного интеллекта. Готовность к искусственному интеллекту — это степень, в которой страна, ее правительство, государственные учреждения и частные компании могут воспользоваться преимуществами ИИ.

Для оценки потенциала и прогнозирования эффективности внедрения технологий искусственного интеллекта в системе отраслевого государственного управления Российской Федерации может быть рекомендован индекс готовности к внедрению искусственного интеллекта (AI Readiness Level), формируемый в отраслевом и / или региональном разрезе.

Предлагаемый индекс направлен на мониторинг готовности к внедрению технологий искусственного интеллекта в отраслевом государственном управлении. Индекс готовности к внедрению искусственного интеллекта включает анализ правовой, технологической, информационной и кадровой составляющей, а также готовность потребителей услуг к использованию решений в сфере искусственного интеллекта.

Разработка индекса готовности к внедрению искусственного интеллекта

Исследование индекса готовности к использованию искусственного интеллекта в отраслевом государственном управлении базируется на анализе следующих аспектов: функции и задачи, для решения которых может применяться искусственный интеллект; компетенции руководителей и ответственных исполнителей цифровой трансформации в области искусственного интеллекта в отраслевом управлении; технологическая база и информационная инфраструктура (платформы, пропускная способность интернета, аппаратные мощности, наличие разработок и разработчиков, безопасность цифровой среды); уровень готовности потребителей; нормативно-правовая база и объекты интеллектуальной собственности в отраслевом и региональном разрезе; ведомственные программы цифровой трансформации.

Проектируемый индекс готовности к внедрению искусственного интеллекта (AIRL) базируется на многофакторном анализе различных групп субъектов: государство (федеральные и субфедеральные органы власти, регулирующие отраслевое развитие); бизнес (крупные компании различных организационно-правовых форм и форм собственности, разрабатывающие ИИ-решения для отраслевого развития и крупные отраслевые компании, внедряющие такие решения); граждане (потребители государственных услуг на основе технологий ИИ).

При анализе готовности к внедрению искусственного интеллекта со стороны государства анализируются национальные стратегии, ведомственные программы цифрового развития, национальные программы и проекты, стратегические документы, а также нормативно-правовая база, регулирующая создание и внедрение отраслевых решений, в основе которых лежат технологии искусственного интеллекта. Со стороны граждан оценивается уровень доверия к внедрению технологий искусственного интеллекта, цифровая грамотность и базовый уровень знаний об искусственном интеллекте. Остальные параметры (проблематика, экономика, знания, инфраструктура и технологии, развитие экосистемы) оцениваются для отраслевых органов власти и отраслевого бизнеса. При этом бизнес рассматривается и как объект воздействия (регулирование, использование технологий) и как субъект (разработка решений, патенты). Аналогичным образом рассматривается государственный аппарат. Как субъект в части разработки и утверждения норм и как объект в части ИИ-интеграции.

Объект исследования — эффективность государственного управления в части адекватности и своевременности интеграции ИИ-решений в отраслевое государственное управление. В рамках исследования предполагается провести сравнительный анализ отраслевых индексов готовности к внедрению искусственного интеллекта в сфере образования, здравоохранения и сельского хозяйства. Структура индекса представлена в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Структура индекса готовности к внедрению искусственного интеллекта
Index structure of artificial intelligence readiness implementation

№	Параметр / Parameter	Описание параметра / Description of the parameter	Субъект исследования / Research subject		
			А — Государство / State	В — Бизнес / Business	С — Граждане / Citizens
1	Нормативно-правовая база / Regulatory framework	Политика в сфере ИИ, стратегии развития ИИ. Принятые НПА и регулятивные нормы, дорожные карты, проекты, соглашения / Policy in the field of AI, AI development strategies. Adopted NPA and regulatory norms, roadmaps, projects, agreements	+		
2	Проблематика / Problems	Наличие и уровень задач, которые могут быть решены с помощью искусственного интеллекта / he presence and level of tasks that can be solved with the help of artificial intelligence	+	+	
3	Экономика / Economics	Финансирование федеральных программ, обеспеченность финансовыми ресурсами / Financing of federal programs, provision of financial resources	+	+	
4	Исследования и разработки / Research and development	Финансирование фундаментальных и прикладных исследований, количество публикаций в научных изданиях, разработки и патенты / Financing of basic and applied research, number of publications in scientific journals, developments and patents	+	+	
5	Компетенции / Competencies	Наличие образовательных программ, количество обучаемых, уровень знаний об ИИ среди населения. Уровень компетенций исполнителей / The availability of educational programs, the number of trainees, the level of knowledge about AI among the population. The level of competence of performers	+	+	+
6	Инфраструктура / Infrastructure	Наличие технологической базы (широкополосный интернет, уровень обновления инфраструктуры, производственные и программные мощности). Уровень адаптации и ИТ-интеграции отраслевого бизнеса / Availability of a technological base (broadband Internet, infrastructure upgrade level, production and software capacities). The level of adaptation and IT integration of industry business	+	+	
7	Экосистема / Ecosystem	Наличие и развитие институтов развития, СМИ / Availability and development of development institutions, media	+	+	
8	Уровень доверия / The level of trust	Этические вопросы, проблемы ответственности, доверие населения, восприятие цифровой трансформации / Ethical issues, responsibility issues, public trust, perception of digital transformation		+	+

Методы сбора первичных данных для формирования составляющих индекса отличаются в разрезе исследуемых совокупностей. Методы исследования для различных субъектов и параметров представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Методы исследования для различных субъектов и параметров
Research methods for various subjects and parameters

№	Методика сбора данных / Data collection methodology	Параметр индекса / Index parameter
1	Анализ документов и публикаций / Analysis of documents and publications	1А, 2А, 3А, 4А, 5А, 6А, 7А, 2В, 3В, 4В, 5В, 6В, 7В
2	Экспертные интервью / Expert interviews	2А, 3А, 2В, 3В, 4В, 5В, 6В
3	Социологические опросы / Opinion polls	5В, 8В, 5С, 8С
4	Компаративистика / Comparative analysis	Сравнение суммарного рейтинга различных ФОИВ / Comparison of the total rating

Изучение индекса готовности отраслевого государственного управления представляется важным с точки теории минимизации транзакционных издержек. Данный инструмент позволяет эффективно распределять инвестиции и бюджетное финансирование между отраслями и структурными элементами, имеющими высокие показатели готовности к внедрению искусственного интеллекта, а также осуществлять финансирование мероприятий по устранению диспропорций региональных и отраслевых индексов готовности. С точки зрения теории минимизации транзакционных издержек важным аспектом является также анализ способов и механизмов замены части рутинных и сервисных функций, выполняемых государственными служащими и специалистами алгоритмизированными процедурами и технологиями.

С точки зрения теории сетевого государственного управления проблема технологической оснащенности и уровня компетенций субъектов государственного управления является важной в части анализа предпосылок и готовности государственных институтов к внедрению инструментов сетевого государства. Важным теоретическим аспектом в данном вопросе является изучение уровня доверия граждан и их готовности к активному взаимодействию с государственными структурами. Еще одной значимой проблемной областью является исследование соответствия компетенций государственного аппарата требованиям, предъявляемым к сетевому государственному управлению. Согласно данным экспертов, только 20 % граждан готовы активно взаимодействовать с государством, а уровень компетенций государственных служащих не соответствует сетевой концепции организации управления [12].

В связи с тем, что ИИ является новой технологией, по использованию которой невозможно обобщить и провести анализ предыдущего опыта, важной исследовательской проблемой является прогнозирование общественной

ценности от внедрения ИИ-решений для решения различных задач государственного управления. Такое прогнозирование возможно только на основе комплексного анализа количественных и качественных показателей, которые формируют индекс готовности к внедрению технологий искусственного интеллекта.

Проблема исследования эффективности применения технологий искусственного интеллекта в системе отраслевого управления определяют необходимость теоретической проработки методик определения эффективности внедряемых технологий искусственного интеллекта на ранних стадиях решения о необходимости интеграции.

С точки зрения подходов концепции governance необходимо исследовать оценку технологий искусственного интеллекта в вопросах регламентации и регулирования отраслевого государственного управления, изучения соответствия текущих административных норм требований эффективного внедрения искусственного интеллекта для решения государственных задач.

В практической плоскости исследовательская проблематика базируется на границах и пределах применения индекса готовности к внедрению искусственного интеллекта. С точки зрения практической значимости индекс рассматривается как интегральный показатель, включающий анализ правовой, технологической, информационной и кадровой составляющей, а также готовность потребителей услуг к использованию решений в сфере искусственного интеллекта.

Практическое применение и базис для дискуссий

Практическая плоскость исследовательской проблемы заключается в выработке механизма эффективного управления программами и проектами, направленными на интеграцию инструментов искусственного интеллекта в систему отраслевого государственного управления. Индексы готовности представляют собой распространенный инструмент оценки инвестиционной привлекательности отраслей экономики, а также как инструмент поддержки принятия управленческих решений по вопросам внедрения инновационных продуктов и технологий. Наиболее распространенной методикой является оценка уровня готовности технологий TRL (Technology Readiness Level). В последние годы индекс был адаптирован для оценки потенциала цифровой трансформации в отраслевом и географическом разрезе. Однако для оценки возможностей и потенциала искусственного интеллекта в системе государственного управления подобные подходы не применяются. Предложенный в рамках работы индекс готовности к внедрению искусственного интеллекта AIRL (AI Readiness Level) направлен на практическое решение проблемы риска принятия неверных решений и неэффективного использования бюджетных средств.

По итогам исследования получит развитие исследовательская гипотеза о том, что цифровая трансформация на основе технологий

искусственного интеллекта создает новую модель государственного управления и взаимодействия власти и общества, которая характеризуется высоким уровнем эффективности и транспарентности. Развитие данной гипотезы осуществляется на основе теорий минимизации транзакционных издержек, административной регламентации и стандартизации, Public Value Theory.

В практической деятельности предлагаемый к использованию индекс готовности к внедрению технологий искусственного интеллекта может быть рассмотрен не только в отраслевом разрезе, но и в разрезе субфедеральных органов власти и органов местного самоуправления. Индекс также может быть рассмотрен как инструмент корреляции и верификации государственных целевых программ и национальных стратегий в сфере управления искусственным интеллектом и смежными цифровыми технологиями.

Заключение

В статье рассмотрены основные аспекты применения инструментов статистического анализа для исследования уровня развития технологий искусственного интеллекта. В ходе исследования выявлено, что в настоящее время искусственный интеллект не является самостоятельным объектом статистических исследований на национальном уровне. Однако для достижения задач стратегического развития, а также для целей повышения эффективности управленческих и производственных процессов осуществляется сбор статистических данных о состоянии технологий искусственного интеллекта. В рамках данного анализа, осуществляемого международными организациями, университетами, институтами развития, консалтинговыми агентствами и частными компаниями, собираются и обрабатываются данные о таких объектах ИИ-инфраструктуры, как разработчики решений в сфере искусственного интеллекта (количественные и стоимостные данные), объем и динамика инвестиций в развитие искусственного интеллекта, устойчивость национальных институтов развития в сфере искусственного интеллекта, уровень доверия и удовлетворенности граждан, количество и удельный вес патентов и разработок в сфере искусственного интеллекта, целевые показатели приема и выпуска специалистов по направлениям подготовки в сфере искусственного интеллекта. Количество и качество исследований в сфере искусственного интеллекта влияет на инвестиционную привлекательность субъектов экономической деятельности, позиции государств в международных рейтингах.

В рамках исследования рассмотрены национальные стратегии развития технологий искусственного интеллекта ведущих государств, проведен сравнительный анализ национальных программ и планов, выявлены особенности и различия национальных стратегий.

В работе рассмотрена структура основных индексов и измеримых показателей в сфере искусственного интеллекта.

В целях повышения эффективности статистического учета технологий искусственного интеллекта предложено выделить искусственный интеллект в качестве самостоятельного кода в основном классификаторе видов экономической деятельности.

Для повышения точности прогнозирования эффекта от внедрения технологий искусственного интеллекта в систему отраслевого государственного управления предложен индекс готовности к внедрению технологий искусственного интеллекта, основанный на многофакторном анализе различных параметров различных групп субъектов, участвующих в разработке, внедрении и использовании технологий искусственного интеллекта.

В рамках исследования выявлено, что технологии ИИ с высокой степенью динамики наращивают всестороннее влияние на развитие всех секторов экономики и сфер общественной жизни. В то же время искусственный интеллект постепенно формируется в самостоятельный объект статистического учета и мониторинга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Notes From the AI Frontier: Modeling the Impact of AI on the World Economy // McKinsey & Company. URL: www.mckinsey.com (дата обращения: 30.12.2022).
2. *Aydin A.* Transformation of Public Administration in the Impact of Artificial Intelligence Systems. URL: <https://medium.com/@sibervatandas/transformation-of-public-administration-in-the-impact-of-artificial-intelligence-systems-d564bfc40764> (дата обращения: 16.12.2022).
3. *Georgios K.N.* The Application of Artificial Intelligence in Public Administration for Forecasting High Crime Risk Transportation Areas in Urban Environment // *Transportation Research Procedia*. 2017. (24). P. 467–473. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2017.05.083>
4. *Shark A.R.* (ed.) Artificial Intelligence and Its Impact on Public Administration. National Academy of Public Administration, Standing Panel on Technology Leadership's Working Group on Artificial Intelligence and Robotics and The Impact on Public Administration. 2019. 54 p.
5. *Mehr H.* Artificial Intelligence for Citizen Services and Government. Cambridge, MA: Harvard Kennedy School, Ash Center for Democratic Governance and Innovation, 2018.
6. *Collins C.* Exploring Impacts of AI on Public Administration // GovCIO. 19.04.2019. URL: <https://governmentciomedia.com/exploring-impacts-ai-public-administration> (дата обращения: 09.01.2023).
7. *Устинова А.* Закоулки искусственного интеллекта // *ComNews*. 09.07.2019. URL: <https://www.comnews.ru/content/120688/2019-07-09/zakoulki-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 19.04.2023).
8. *Androusoyopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y.* Transforming the Communication Between Citizens and Government Through AI-guided Chatbots // *Government Information Quarterly*. 2019. № 2 (36). P. 358–367.
9. *Кравченко В.О.* Методы использования искусственных нейронных сетей в медицине // *Устойчивое развитие науки и образования*. 2018. № 6. С. 266–270.
10. Artificial Intelligence: Applications and Global Markets // BCC Publishing. 2018. URL: <https://www.bccresearch.com/market-research/information-technology/artificial-intelligence-applications-and-global-markets.html> (дата обращения: 11.05.2023).
11. Government AI Readiness Index 2019. URL: <https://www.oxfordinsights.com/ai-readiness2019> (дата обращения: 09.05.2023).
12. *Ромашкова И.А., Аболихина Е.С.* Проблемы развития искусственного интеллекта и пути их решения // *Молодежный научный вестник*. 2018. № 1 (26). С. 115–120.

REFERENCES

1. Notes From the AI Frontier: Modeling the Impact of AI on the World Economy. *McKinsey & Company*. URL: www.mckinsey.com (accessed: 30.12.2022).
2. Aydin A. Transformation of Public Administration in the Impact of Artificial Intelligence Systems URL: <https://medium.com/@sibervatandas/transformation-of-public-administration-in-the-impact-of-artificial-intelligence-systems-d564bfc40764> (accessed: 16.12.2022).
3. Georgios K.N. The Application of Artificial Intelligence in Public Administration for Forecasting High Crime Risk Transportation Areas in Urban Environment. *Transportation Research Procedia*. 2017; (24):467-473. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2017.05.083>
4. Shark A.R. (ed.). *Artificial Intelligence and Its Impact on Public Administration. National Academy of Public Administration, Standing Panel on Technology Leadership's Working Group on Artificial Intelligence and Robotics and The Impact on Public Administration*. 2019; 54 p.
5. Mehr H. *Artificial Intelligence for Citizen Services and Government*. Cambridge, MA: Harvard Kennedy School, Ash Center for Democratic Governance and Innovation; 2018.
6. Collins C. Exploring Impacts of AI on Public Administration. *GovCIO*. 19.04.2019. URL: <https://governmentciomedia.com/exploring-impacts-ai-public-administration> (accessed: 09.01.2023).
7. Ustinova A. Zakoulki iskusstvennogo intellekta [Corners of Artificial Intelligence]. *ComNews*. 09.07.2019. URL: <https://www.comnews.ru/content/120688/2019-07-09/zakoulki-iskusstvennogo-intellekta> (accessed: 19.04.2023) (In Russ.).
8. Androutopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the Communication Between Citizens and Government Through AI-guided Chatbots. *Government Information Quarterly*. 2019;2 (36):358-367.
9. Kravchenko V.O. Metody ispol'zovaniya iskusstvennyh neironnyh setey v medicine. [Methods of Using Artificial Neural Networks in Medicine]. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya*. 2018;6:266-270 (In Russ.).
10. Artificial Intelligence: Applications and Global Markets. *BCC Publishing*. 2018. URL: <https://www.bccresearch.com/market-research/information-technology/artificial-intelligence-applications-and-global-markets.html> (accessed: 11.05.2023).
11. *Government AI Readiness Index 2019*. URL: <https://www.oxfordinsights.com/ai-readiness2019> (accessed: 09.05.2023).
12. Romashkova I.A., Abolikhina E.S. Problemy razvitija iskusstvennogo intellekta i puti ih reshenija [The Problems of Artificial Intelligence Development and Ways to Solve Them]. *Molodezhnyj nauchnyj vestnik*. 2018;1 (26):115-120.

Информация об авторе:

Ступин Роман Сергеевич — аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант Масарикова Университета (Чехия) (ORCID ID: 0000-0001-9594-7480) (e-mail: stupinrs@gmail.com).

Information about the author:

Roman S. Stupin — PhD candidate at the National Research University “Higher School of Economics” (Russian Federation); PhD candidate at the Masaryk University (Czech Republic) (ORCID ID: 0000-0001-9594-7480) (e-mail: stupinrs@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-173-183

EDN: WOLLTF

Научная статья / Research article

Анализ эффективности проведения муниципалитетом культурно-массовых и патриотических мероприятий в условиях специальной военной операции на примере города Белгорода

Д.А. Стригунова , Д.Н. Путимцев , Г.С. Минасян

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 daria.strigunova27@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ данных о культурно-массовых и патриотических мероприятиях, которые проходили в Белгороде в период с 2022 г. Выявлены основные тенденции в развитии проведения таких мероприятий в условиях СВО. Сделан вывод о том, что вопреки тревожной ситуации, наступившей после обстрела, город Белгород продолжает проявлять решительность и упорство в организации массовых мероприятий на основе механизмов сотрудничества органов власти и жителей.

Ключевые слова: культурно-массовые мероприятия, патриотические мероприятия, социальная политика, Белгород, Россия, СВО

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 30.12.2023. Принята к публикации: 15.01.2024.

Для цитирования:

Стригунова Д.А., Путимцев Д.Н., Минасян Г.С. Анализ эффективности проведения муниципалитетом культурно-массовых и патриотических мероприятий в условиях специальной военной операции на примере города Белгорода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 173–183. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-173-183>

© Стригунова Д.А., Путимцев Д.Н., Минасян Г.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Analysis of the Effectiveness in Carrying Out Cultural and Patriotic Events by the Municipality in the Conditions of Special Military Operation on the Example of the City of Belgorod

Darya A. Strigunova , Denis N. Putimtsev , Garush S. Minasyan

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

 daria.strigunova27@gmail.com

Abstract. This study analyzes data on cultural and patriotic events that took place in the city of Belgorod in the period from 2022. The study identified the main trends in the development of such events in the conditions of Special Military Operation. It is concluded that despite the alarming situation that occurred after the shelling, the city of Belgorod continues to show determination and perseverance in organizing mass events based on mechanisms of cooperation between authorities and residents.

Keywords: cultural events, patriotic events, social policy, Belgorod, Russia, Special Military Operation

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 30.12.2023. The article was accepted on 15.01.2024.

For citation:

Strigunova D.A., Putimtsev D.N., Minasyan G.S. Analysis of the Effectiveness in Carrying Out Cultural and Patriotic Events by the Municipality in the Conditions of Special Military Operation on the Example of the City of Belgorod. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):173–183. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-173-183>

Введение

Современные муниципалитеты сталкиваются с необходимостью проведения культурно-массовых и патриотических мероприятий, которые направлены на формирование социальной активности, укрепление гражданского общества и поддержку культурного разнообразия. Вопрос взаимодействия муниципалитета и граждан в сфере культуры и досуга особенно актуален в настоящее время в условиях СВО, когда настроения граждан, особенно в приграничных областях, нестабильны. Эти мероприятия играют особую важную роль в укреплении общественной солидарности и увеличении социальной стабильности.

Цель исследования — анализ эффективности проведения муниципалитетом культурно-массовых и патриотических мероприятий в условиях СВО на примере города Белгорода. Город Белгород был выбран для изучения, так

как он является одним из крупнейших приграничных городов, которые столкнулись с вызовами и проблемами в организации культурно-массовых мероприятий на фоне СВО.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи.

1. Анализ текущих практик проведения культурно-массовых и патриотических мероприятий в городе Белгороде.
2. Оценка эффективности проведения данных мероприятий в контексте СВО.
3. Разработка рекомендаций по совершенствованию проведения культурно-массовых и патриотических мероприятий в условиях СВО на примере города Белгорода.

Для анализа эффективности проведения муниципалитетом культурно-массовых и патриотических мероприятий будет использован комплексный подход, которому будут приданы социологические и культурные аспекты. Будут исследованы данные статистики, проведены интервью с участниками и организаторами мероприятий, а также проанализированы отзывы и мнения граждан.

Ожидается, что результаты исследования будут полезными для муниципалитетов и городских органов власти, занимающихся организацией культурно-массовых и патриотических мероприятий. Рекомендации и выводы статьи смогут помочь в совершенствовании планирования и реализации данных мероприятий, увеличении их эффективности и социальной значимости в условиях СВО.

Методы

Основными методами в данной работе являлись: метод экспертных оценок, анализ данных и опрос. Метод экспертных оценок был использован для сбора информации о проведенных муниципалитетом мероприятиях и их вкладе в культурную сферу жизни города. Анализ данных применялся для рассмотрения полученных данных в ходе интервью с экспертом. Опрос был необходим для оценки мнений граждан по поводу целесообразности и полезности проведения мероприятий.

В качестве ограничений выделяются следующие аспекты:

- экспертная оценка может быть необъективной;
- за счет ограниченного количества респондентов опрос только частично отражает мнения граждан;
- исследование проводилось до событий 30.12.23, поэтому мнения граждан могли измениться [1].

Интервью

Для сбора информации и статистических данных было проведено интервью с Председателем Белгородского городского Совета В.В. Радченко. Ниже приведены наиболее значимые отрывки [2].

Ежегодно управление культуры администрации города формирует план работы на предстоящий год. Один из разделов плана, а именно «Развитие культурно-досуговой деятельности», содержит перечень основных культурно-массовых и патриотических мероприятий.

За 2022 г. учреждениями культуры, подведомственными управлению культуры администрации города было организовано 2879 культурно-массовых и патриотических мероприятий.

Культурно-массовые и патриотические мероприятия в 2022 г. посетили 1 714 156 человек. За 9 месяцев 2023 г. культурно-массовые мероприятия посетили 1 405 314 человек.

При проведении культурно-массовых и патриотических мероприятий с 2022 г. были приняты дополнительные меры по обеспечению безопасности проводимых мероприятий.

С целью улучшения качества проведения культурно-досуговых и патриотических мероприятий в городском округе «Город Белгород» в третьем квартале 2023 г. проведен мониторинг «Как вы оцениваете массовые мероприятия в городе».

Анализ анкет показал, что 61,5 % респондентов посещают городские массовые мероприятия несколько раз в год, 19 % — один раз в несколько лет, 11,5 % посещают мероприятия один раз в год 4 % затруднились ответить на вопрос, 4 % никогда не посещают массовые мероприятия.

В качестве недостатков в организации массовых мероприятий 73 % респондентов видят в нехватке урн и общественных уборных, 50 % — в дорогой продукции на ярмарках (торговых точках), 34,6 % опрошенных считают недостатком большое скопление людей, неинтересной программой считают 19 %, 7 % считают, что недостатков нет (всем жителям города, участникам СВО, которые приезжают в отпуск, полезно отвлечься от каждодневного труда и отдохнуть), 4 % считают проводимые мероприятия очень громкими.

46 % опрошенных считают, что в Белгороде проводится достаточное количество мероприятий, 27 % считают, что мероприятий должно проводиться больше, 27 % — что мероприятий должно проводиться меньше.

46 % считают, что развлекательные мероприятия делают повседневную жизнь более разнообразной, 35 % считают, что город становится более красивым и создает атмосферу праздника, 19 % считают, что можно обойтись без культурно-массовых мероприятий.

54 % респондентов считают, что организация и программа событий с каждым годом становится лучше, 15 % считают, что мероприятия лучше не становятся, 31 % затруднились ответить.

В опросе приняли участие 58 % респондентов женщины, 42 % мужчины. 39 % опрошенных в возрасте 26–35 лет, 27 % — 36–45 лет, 19 % — 46–55 лет, 8 % — 15–18 лет, 7 % — 19–25 лет.

Поступали единичные обращения, связанные с регулировкой громкости звука на мероприятиях. Массовых обращений не поступало.

Полученная информация позволяет сделать следующие выводы.

1. Разнообразие мероприятий. В городе Белгороде было проведено обширное разнообразие культурно-массовых мероприятий, включая фестивали, концерты, выставки, спортивные соревнования и другие культурные и развлекательные мероприятия.
2. Участие сообщества. Многие мероприятия были организованы с участием и вовлечением местных сообществ.
3. Вовлечение молодежи. Было отмечено активное вовлечение молодежи в проведение и участие в культурно-массовых мероприятиях.

Однако при анализе стоит отметить, что возможно некоторые мероприятия испытали сложности в организации и привлечении достаточного числа посетителей. Также необходимо учитывать финансовые и ресурсные ограничения, с которыми столкнулся город Белгороде при проведении мероприятий.

В целом, проведенные культурно-массовые мероприятия в городе Белгороде в период с 2022 по 2023 г. были разнообразными, успешными и сыграли важную роль в формировании культурного облика города и поднятии патриотического духа граждан.

Результаты опроса

В опросе приняло участие 113 граждан Белгорода. Поиск респондентов осуществлялся через новостные социальные сети Белгородской области. Опрос охватывал три возрастные группы:

- до 18 лет,
- 18–40 лет,
- 40 и более лет.

Самой большой группой опрошенных оказалась группа возрастной группы 18–40 лет — 45,1 %, группа респондентов 40 лет и более составила 31 %, группа опрошенных до 18 лет — 23,9 %.

Для каждой возрастной группы была создана отдельная ветка аналогичных вопросов.

Данный вопрос был задан с целью корреляции отношения к проведению СВО с отношением к культурно-массовым и патриотическим мероприятиям.

Из 113 респондентов 42 не знакомы ни с одной патриотической организацией в области. Среди возрастной группы до 18 лет это составило 25 %, 18–40 лет — 37 %, 40 и более лет — 45 %. Остальные 75 %, 63 % и 55 % соответственно знают или участвуют в деятельности хотя бы одной из предложенных патриотических организаций.

Только 11 опрошенных не слышали ни об одном культурно-массовом мероприятии. В возрастной группе до 18 лет это 11 %, в группе 18–40 лет — 9 %, в группе 40 и более лет — 8 %. Остальные респонденты либо слышали, либо участвовали хотя бы в одном мероприятии из списка.

ПОЖАЛУЙСТА, УКАЖИТЕ ВАШ ВОЗРАСТ /
PLEASE INDICATE YOUR AGE

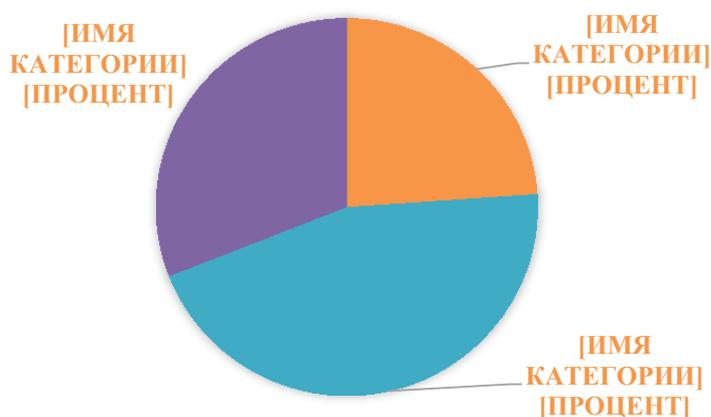

Рис. 1. Диаграмма, отражающая ответы респондентов на вопрос: «Пожалуйста укажите ваш возраст»

Fig. 1. A diagram showing the respondents' answers to the question: "Please indicate your age"

Укажите свое отношение к проведению СВО /
Indicate your attitude to the conduct of a SMO

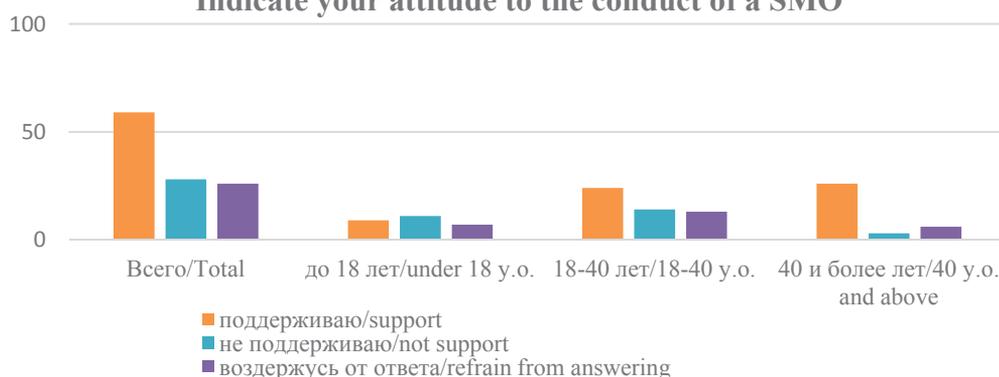

Рис. 2. Диаграмма, отражающая ответы респондентов на вопрос: «Укажите свое отношение к проведению СВО»

Fig. 2. A diagram reflecting the respondents' answers to the question: "Indicate your attitude to the conduct of SMO"

Менее 9 % респондентов считают, что деятельность патриотических организаций и мероприятий влияют отрицательно. Больше половины из них отметили, что не знакомы с деятельностью ни одной патриотической организации и не слышали ни об одном мероприятии. Остальные 91 % опрошенных считают влияние положительным.

Как вы думаете, каким образом деятельность вышеперечисленных организаций и мероприятий сказывается на патриотическом настрое населения? / How do you think the activities of the above-mentioned organizations and events affect the patriotic mood of the population?

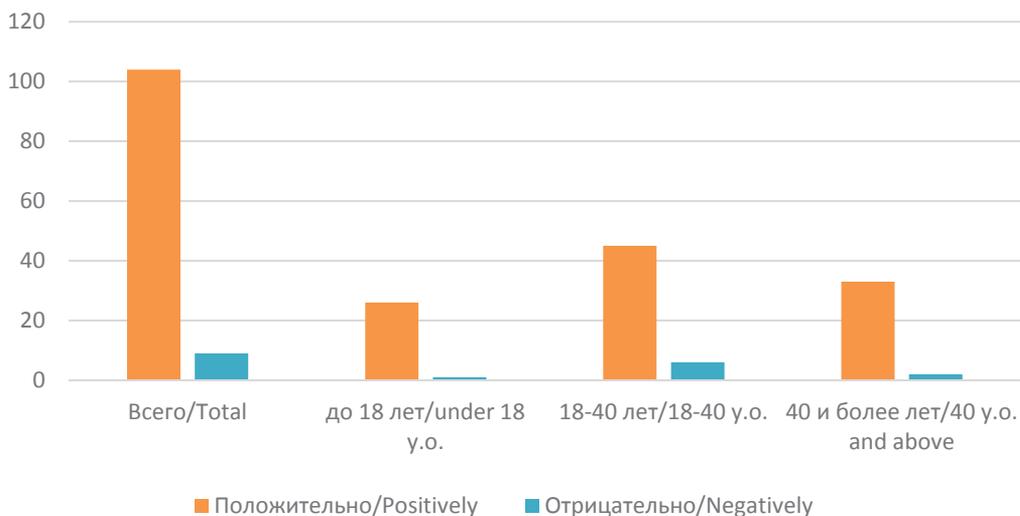

Рис. 3. Диаграмма, отражающая ответы респондентов на вопрос: «Как вы думаете, каким образом деятельность вышеперечисленных организаций и мероприятий сказывается на патриотическом настрое населения?»

Fig. 3. A diagram reflecting the respondents' answers to the question: "How do you think the activities of the above-mentioned organizations and events affect the patriotic mood of the population?"

Выводы

Более половины опрошенных граждан знакомы с деятельностью или слышаны хотя бы об одной патриотической организации или культурно-массовом мероприятии. Это свидетельствует о популярности подобного рода досуга среди жителей области. Подавляющее число респондентов одобряет проведение мероприятий и деятельность организаций и считает влияние на настрой граждан положительным. Данное мнение не имеет корреляции с позицией относительно проведения СВО.

Хотя Е.В. Реутов отмечает, что большинство респондентов высказались о том, что общий тренд на консолидацию, проявленный в укреплении единства и социальной ответственности жителей региона, является явным результатом СВО, судя по ответам респондентов и данным других опросов эту оценку можно объяснить в большей степени как спонтанную реакцию на предложенные социологами формулировки. 58,8 % респондентов отметили наличие людей с противоположными

взглядами на военно-политические события в их ближнем круге общения. В то же время у 33,8 % респондентов взгляды их ближайших людей были более или менее согласованы с их собственными взглядами на СВО и ее контекст. Молодежь в возрасте от 18 до 29 лет чаще всего указывает на наличие противоположных взглядов в своем окружении (73,7 %), в то время как респонденты старше 60 лет реже (39,8 %). Таким образом, параллельно с общим трендом укрепления сплоченности, отмеченным респондентами, также образовалось «капсулирование» альтернативных взглядов в значительном масштабе. В целях достижения максимальной гармонии и единства среди жителей Белгородской области стоит уделить внимание проведению разнообразных культурно-массовых мероприятий. Эти инициативы будут способствовать укреплению связей и солидарности среди граждан, создавая благоприятную атмосферу общения и взаимопонимания [3–4].

Проведение культурно-массовых мероприятий в условиях СВО имеет ряд положительных результатов:

- подъем патриотического духа населения;
- улучшение качества досуга в городе и области;
- снятие напряженности настроений общества.

Тем не менее, у небольшого процента граждан есть сомнения в целесообразности проведения досуговых мероприятий на фоне СВО. Также, после событий 30.12.23, многие граждане опасаются посещать массовые мероприятия, если безопасность не будет обеспечена на должном уровне. Однако подавляющее большинство поддерживает как деятельность патриотических организаций, так и увеличение количества культурно-массовых мероприятий при соблюдении мер безопасности.

Заключение

Анализ эффективности проведения муниципалитетом культурно-массовых и патриотических мероприятий в условиях специальной военной операции (СВО) на примере города Белгорода позволил сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, проведение культурно-массовых и патриотических мероприятий является важным инструментом для поддержания социальной активности и укрепления гражданского общества, особенно в периоды кризисов. Такие мероприятия способствуют формированию патриотического сознания, укреплению национальной идентичности и поддержке культурного разнообразия [5–7].

Во-вторых, проведение этих мероприятий в условиях СВО представляет определенные вызовы для муниципалитетов. Снижение общественной активности, ограниченные ресурсы и сложности в организации безопасности мероприятий — все это требует от муниципалитетов основательного анализа и планирования.

Хотелось бы отметить, что в данный момент одним из слабых факторов в оценке эффективности является оперативная обратная связь с участниками мероприятий. Отсутствует модельный аппарат входной и итоговой диагностики. В заданиях на проведение мероприятий и заявках участников такая задача не ставится.

На наш взгляд, очень важно понимать, с чем молодежь пришла и что она вынесла, как она оценивает форму и содержание того мероприятия, в которое ее вовлекают, настроены ли молодые люди на продолжение работы в данном направлении, что готовы сами сделать для того, чтобы патриотизм стал осознанной и принятой ими ценностью?

Важно разработать гибкую и адаптивную стратегию проведения мероприятий, учитывая текущую ситуацию и потребности населения. Также важно обеспечить активное вовлечение жителей города, создавая платформы для их участия и выражения их голоса.

В ночь на 30 декабря 2023 г. Белгород был подвергнут обстрелу, который привел к серьезным последствиям и потерям. В связи с этим происшествием власти приняли решение об отмене массовых мероприятий в городе, чтобы обеспечить безопасность жителей и соблюсти режим ЧС. Отмена различных культурных, спортивных и общественных мероприятий, которые регулярно проходят в Белгороде в это время года, оказалась необходимой мерой предосторожности и вызвала понимание среди населения. Необходимо отметить, что события 30.12.23 показали, что для проведения любых массовых мероприятий в области необходимо соблюдать меры безопасности, а также провести подготовку организаторов к возможным чрезвычайным ситуациям [8].

Вопреки основной тревожной ситуации, наступившей после обстрела, город Белгород продолжает проявлять решительность и упорство в организации массовых мероприятий. Несмотря на угрозы и потенциальные опасности, власти и жители сотрудничают, чтобы поддерживать жизнь и дух сообщества. Они понимают, что отказ от массовых мероприятий может нарушить нормализацию общественной жизни и экономическое развитие города [9].

Организаторы и участники событий принимают все необходимые меры безопасности, сотрудничают с правоохранительными органами и профессионалами в области обеспечения безопасности, чтобы минимизировать риски для посетителей и работников мероприятий. Это является важным шагом в направлении преодоления трудностей и возвращения к повседневной жизни города [10].

В целом, анализ эффективности проведения муниципалитетом культурно-массовых и патриотических мероприятий в условиях СВО на примере города Белгорода позволяет понять важность этих мероприятий и оценить вызовы, с которыми сталкиваются муниципалитеты. Использование рекомендаций и разработка гибких стратегий проведения поможет повысить эффективность этих мероприятий и придать им большую значимость в сложных условиях СВО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Последствия массированного обстрела Белгорода со стороны ВСУ // RIA.ru. 30.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231230/obstrel-1919152045.html> (дата обращения: 30.12.2023).
2. Радченко В.В. Статистические данные об основных культурно-массовых и патриотических мероприятиях в Белгородской области // Депутатский корпус городского Совета города Белгорода в СМИ. URL: <https://bdkraeved.cbs-belgorod.ru/deputati/28> (дата обращения 20.12.2023).
3. Реутов Е.В. Влияние специальной военной операции на процессы социальной консолидации в Белгородской области // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2023. № 48 (4). С. 704–709. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-4-704-709>
4. Реутов Е.В., Гармашев А.А., Полухин О.Н. Трансформация восприятия проблематики безопасности в приграничном регионе в условиях специальной военной операции // *Власть*. 2023. № 4. С. 86–93. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9695>
5. Бабинцев В.П., Ельникова Г.А., Хрипкова Д.В. Ценностные основания консолидации городского сообщества в приграничных регионах России // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 6. С. 97–101.
6. Бабинцев В.П., Коврижных Ю.В. Консолидация регионального сообщества: политический манифест, реальный проект или имитация? (опыт белгородской области) // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2022. № 3. С. 615–620. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-3-615-620>
7. Домбровская А.Ю., Тарабаева В.Б. Социальная консолидация городских сообществ: возможности регулирования // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2022. № 4. С. 873–877. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-4-873-877>
8. Заявление губернатора Белгородской области Гладкова В.В. об отмене массовых мероприятий // Бел.ru. 30.12.2023. URL: <https://bel.ru/news/2023-12-30/chto-budet-s-novogodnimi-meropriyatiyami-posle-tragedii-v-belgorode-3143945> (дата обращения 30.12.2023).
9. Характер основных культурно-массовых мероприятий в Белгородской области // Белогорье. URL: <https://bel.cultreg.ru/events> (дата обращения 20.12.2023).
10. Решение губернатора Белгородской области Гладкова В.В. о мерах безопасности и защиты граждан // РБК. 09.01.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/659cf91a9a79472c1f11f9f1> (дата обращения 09.01.2024).

REFERENCES

1. Posledstviya massirovannogo obstrela Belgoroda so storony VSU [The Consequences of the Mass Shelling of Belgorod by the Ukrainian Armed Forces]. *RIA.ru*. 30.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231230/obstrel-1919152045.html> (accessed: 30.12.2023) (In Russ.).
2. Radchenko V.V. Statisticheskie dannye ob osnovnykh kul'turno-massovykh i patrioticheskikh meropriyatij v Belgorodskoj oblasti [Statistical Data on Major Cultural, Mass and Patriotic Events in the Belgorod Region]. *The Deputy Corps of the Belgorod City Council in Media*. URL: <https://bdkraeved.cbs-belgorod.ru/deputati/28> (accessed: 20.12.2023) (In Russ.).
3. Reutov E.V. Influence of Special Military Operation on the Processes of Social Consolidation in the Belgorod Region. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2023; 48 (4): 704–709 (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-4-704-709>
4. Reutov E.V., Garmashev A.A., Polukhin O.N. Transformation of Perception of Security Issues in the Border Region in the Conditions of a Special Military Operation. *Vlast'*. 2023;4:86–93 (In Russ.). <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9695>
5. Babintsev V.P., Melnikova G.A., Khripkova D.V. The Value Foundations of the Consolidation of the Urban Community in the Border Regions of Russia. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2023;6:97–101 (In Russ.).
6. Babintsev V.P., Kovrizhnykh Y.V. Consolidation of the Regional Community: a Political Manifesto, a Real Project or an Imitation? (the Experience of the Belgorod Region). *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2022;3:97–101. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-3-615-620> (In Russ.).

7. Dombrovskaya A.Y., Tarabaeva V.B. Social Consolidation of Urban Communities: Possibilities of Regulation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.* 2022;4:615–620. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-3-615-620> (accessed: 01.05.2024) (In Russ.).
8. Statement by the Governor of the Belgorod Region Gladkov V.V. on the Cancellation of Mass Events. *Bel.ru.* 30.12.2023. URL: <https://bel.ru/news/2023-12-30/chto-budet-s-novogodnimi-meropriyatiyami-posle-tragedii-v-belgorode-3143945> (accessed: 30.12.2023) (In Russ.).
9. The Nature of the Main Cultural and Mass Events in the Belgorod Region. *Belogorie.* URL: <https://bel.cultreg.ru/events> (accessed: 20.12.2023) (In Russ.).
10. The Decision of the Governor of the Belgorod Region, Gladkov V.V. on Safety and Protection Measures for Citizens. *RBC.* 09.01.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/659cf91a9a79472c1f11f9f1> (accessed: 09.01.2024) (In Russ.).

Информация об авторах:

Стригунова Дарья Александровна — магистрант кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-0107-818X) (e-mail: daria.strigunova27@gmail.com).

Путимцев Денис Николаевич — старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-4935-7612) (e-mail: putimtsev-dn@rudn.ru).

Минасян Гаруш Саакович — кандидат политических наук, педагог дополнительного образования кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0009-0006-3935-8693) (e-mail: minasyan-gs@rudn.ru).

Information about the authors:

Darya A. Strigunova — Master Student at the Department of Public Administration and Municipal Management, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-0107-818X) (e-mail: daria.strigunova27@gmail.com).

Denis N. Putimtsev — Senior Lecturer at the Department of Public Administration and Municipal Management, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-4935-7612) (e-mail: putimtsev-dn@rudn.ru).

Garush S. Minasyan — Candidate of Political Science, Educator of Additional Education at the Public Administration and Municipal Management, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0009-0006-3935-8693) (e-mail: minasyan-gs@rudn.ru).

ДЛЯ ЗАМЕТОК
